

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 21 (1) 2024

INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

Екатеринбург – 2024

«ДИСКУРС-ПИ»
Т. 21. №1
Март 2024

Издание посвящено
300-летию Российской академии наук

Научный журнал
Издается с 2001 года
Выходит четыре раза в год

Учредитель:
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:
Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 13.04.2024 г.
Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 18,85
Тираж 500 экз.
Заказ № 14337

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**
620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

*Российская Академия
Наук*

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Адилбек Ермекбаев – Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартыанов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Издательский Дом «Дискурс-Пи», Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллах – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Актуальный перечень специальностей следующий:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки),
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

С октября 2020 журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

С мая 2021 журнал включен в ядро РИНЦ (RSCI) – Российский индекс научного цитирования

DISCOURSE-P
Vol. 21. No 1
March 2024

The edition is dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on April 13, 2024
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 18,85
Issues – 500
Order # 14337

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The author guide can be found
on the Journal's website
and at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**When cited the reference to the Journal
is obligatory**

**The authors are requested to adhere
to the academic style**

**Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

*Russian Academy
of Sciences*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Deputy Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Adilbek Yermekbayev – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Musorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Publishing House «Discourse-P», Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses.

The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

**Since October 2020, the journal is included in the European
Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

**Since May 2021, the journal has included in the core of the RSCI –
the Russian Science Citation Index**

Т. 21. № 1

Тропы метода

Барахвостов П. А.

О сопряжении геополитической и институциональной парадигм 8

Сухарев М. В., Козырева Г. Б.

Дискурс великой институциональной реформы: история и контекст 31

Калашникова С. К., Погодина М. Я.

Российские агломерации

в контексте территориальной политики идентичности:

опыт критического дискурс-анализа выступлений лидеров регионов 59

Алёшина Е. Ю., Костина Н. Ю.

Особенности репрезентации понятийного поля «Глобализация»

в англоязычной политической риторике 2000-х годов 78

Селезнева Л. В.

Позиционирование субъекта в маркетинговом дискурсе 98

Парадигмы и процессы

Курумчина А. Э.

Российские практики культурной дипломатии: африканский кейс 110

Победаш Д., Халфа А.

Отношения Саудовской Аравии и Египта в 2010–2021 гг.

(на основе публичных заявлений и по материалам арабоязычных СМИ) 132

Абрамова С. Б., Антонова Н. Л.

Реализация функций гражданского общества

в цифровой партисипации молодежи 152

Маленков В. В.

Гражданство в представлениях студенческой молодежи Тюмени:

результаты трендового исследования 172

Мухаметов Р. С.

Причины ротации лидеров региональных отделений партий в России

(на примере партии «Единая Россия») 189

Рецензии и обзоры

Давыдов Д. А.

Был ли Маркс не понят? 208

Vol.21. No1

Tropes of Method

Barakhvostov, P.A.

On the conjugation of the geopolitical and institutional paradigms..... 8

Sukharev, M.V., Kozyreva, G.B.

The discourse of great institutional reform: history and context 31

Kalashnikova, S.K., Pogodina, M.Y. Russian agglomerations in the context of territorial identity politics:
critical discourse analysis of regional authorities` speeches .....59**Aleshina, E.Yu., Kostina, N.Yu.**Representation of the Conceptual Field "Globalization"
in the English-Language Political Rhetoric of the 2000s .....78**Selezneva, L.V.**

Positioning of the subject in marketing discourse 98

Paradigms and Processes

Kurumchina, A.E.

Russian Cultural Diplomacy Practices: The African case..... 110

Pobedash, D., Khalifa, A. Saudi Arabia and Egyptian relations in 2010–2021
(an analysis of public statements and Arabic mass-media) .....132**Abramova, S.B., Antonova, N.L.**

Functions of civil society performed in digital participation of young people 152

Malenkov, V.V.

Citizenship in the ideas of Tyumen students: the results of a trend study 172

Mukhametov, R.S. Reasons for the rotation of leaders of regional party branches in Russia
(on the example of the "United Russia") 189

Book Reviews

Davydov, D.A.

Was Marx really misunderstood?.....208

О СОПРЯЖЕНИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМ

Павел Александрович Барахвостов,

Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Белоруссия,
barakhvostov@yandex.by

Получена 25.07.2023.

Поступила после рецензирования 02.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Барахвостов П. А. О сопряжении геополитической и институциональной парадигм // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 8–30. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_8

Аннотация

В настоящей работе предпринята попытка сопряжения геополитической и институциональной парадигм для исследования на мезоуровне роли пространства для социальных систем. Выявлена аналогия цивилизаций Суши и Моря со странами, характеризующимися соответственно институциональной матрицей X и Y типа. Наличие в институциональной матрице одновременно институтов двух типов (X и Y), сосуществующих на принципах «доминантности – комплементарности», соответствует идее Поля Видаля де ла Блаша о взаимопроникновении Суши и Моря. Используя концепцию X(Y) «плотности» институциональных матриц, определяемой количеством и эффективностью комплементарных институтов в матрице, объяснено появление «береговой зоны» как зоны контакта географических ареалов, включающих страны противоположного (X или Y) типа. Показано, что особенности «береговой зоны» – следствие повышенной проницаемости здесь институциональной

© Барахвостов П. А., 2024

матрицы для институтов комплементарного типа. Обосновано, что географическое пространство играет важную роль в жизни общества, однако, вследствие наличия комплементарных институтов в институциональной матрице, связанного с деятельностью людей, направленной на преобразование природной и институциональной среды, не следует говорить об абсолютном географическом детерминизме. Показано, что в современных условиях жизненно важной необходимостью социальных систем является не территориальное расширение, а интеграция в различных формах. Как правило, интеграционные союзы не являются абсолютно симметричными и включают «ядро» и периферию. В ходе интеграционных процессов наблюдается институциональная конвергенция, которая обеспечивается за счет трансплантации институтов более успешного и эффективного «ядра» на периферию и двунаправленной институциональной диффузии. Таким образом, внутри союзов образуются каналы *институционального расширения* интегрируемых социумов. Как правило, интеграционное объединение возникает в рамках некоторого географического региона. Показано, что особенности формируемых при этом региональных порядков и регионального регулирования задаются преобладающим в регионе типом институциональных матриц (X или Y). При этом если интегрируются общественные системы X-типа, то институты в основе регионального порядка и регионального регулирования относятся к Y-типу, и наоборот. Новые институты, возникшие как следствие интеграционных процессов, выполняют компенсаторную функцию, обеспечивая скомпенсированное, сбалансированное развитие как отдельного социума, так и всего регионального интеграционного объединения в целом.

Ключевые слова:

геополитический подход, геополитическое пространство, институциональная матрица, базовые институты, редистрибутивный тип институтов (институты X типа), рыночный тип институтов (институты Y типа), интеграция

UDC 327:330

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_8

ON THE CONJUGATION OF THE GEOPOLITICAL AND INSTITUTIONAL PARADIGMS

Pavel A. Barakhvostov,

Belarusian State Economic University,
Minsk, Belarus,
barakhvostov@yandex.by

Received 25.07.2023.
Revised 02.11.2023.
Accepted 25.12.2023.

For citation: Barakhvostov, P.A. (2024). On the conjugation of the geopolitical and institutional paradigms. *Discourse-P*, 21(1), 8–30. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_8

Abstract

The paper attempts to combine geopolitical and institutional paradigms for the purpose of studying space factor in social systems at the meso-level. The similarity of land and sea civilizations to X- and Y-matrix countries is revealed. The simultaneous presence of institutions of both types (X and Y), co-existing in the institutional matrix on the principles of dominance/complementariness, corresponds to Paul Vidal de la Blache's idea of interpenetration of land and sea. Relying on the X- or Y-density concept of institutional matrixes determined by quantity and effectiveness of complementary institutions, the paper explains the nature of Coastal zone, which happens to be a region of contact for different geographical areas with countries of opposite (X or Y) matrix types. Distinctive features of Coastal zone result from specific characteristics of an institutional matrix which is highly penetrable by complementary institutions. It is substantiated that geographical space plays an important role in the life of society, however, due to the presence of complementary institutions in the institutional matrix associated with human activities aimed at transforming the natural and institutional environment, one should not speak of absolute geographical determinism. The paper shows that in modern circumstances the vital necessity of social systems lies in integration of different forms, rather than in territorial expansion. As a rule, integration unions are unlikely fully symmetrical and consist of the nucleus and the periphery. During integration process the institutional convergence happens, which is ensured by institutional transfer from the nucleus, which is more successful and effective, to the periphery; as well as through two-way institutional diffusion. Thereby, there are channels of institutional expansion within unions for integrating societies. As a rule, integration emerges in a certain geographic region. The paper demonstrates that peculiarities of regional order and regional government are usually conditioned by the type of their institutional matrix (X or Y) prevailing in the region. If X-type societies are integrated, then institutions of regional order and regional government are formed with the Y type, and vice versa. New institutions emerging as a result of integration processes serve compensatory function, ensuring balanced development of both individual countries and the entire integration association.

Keywords:

geopolitical approach, geopolitical space, institutional matrix, basic institutions, redistributive type of institutions (X type), market type of institutions (Y type), integration

Введение

В настоящее время социальные науки все сильнее испытывают парадигмальный кризис. Как правило, исследования, фокусируясь на узких проблемах, акцентируют внимание только на отдельных аспектах существования общественных систем, тогда как социальные явления возникают в результате комплекса взаимозависимых причин, что обуславливает необходимость парадигмального синтеза.

Следует отметить, что идея преодоления междисциплинарных границ не нова. Так, классическая геополитика зародилась на рубеже XIX–XX веков именно благодаря методологическому синтезу. В ее основе – принцип глубокой зависимости общества от природы. Один из основоположников классической геополитики Ф. Ратцель утверждал, что «связи общества всегда обусловлены двумя потребностями: кровом и пищей», причем последняя является «самой насущной потребностью как для отдельных людей, так и для общества» и, следовательно, самой определяющей (Ratzel, 1900, p. 3–4). Эти требования к выживанию действуют подобно силам, которые привязывают человеческие общества к земле и формируют принципы их устройства в соответствии с природными условиями окружающей их среды (Ratzel, 1902).

Базируясь на идеях дарвинизма, Ф. Ратцель подчеркивал глубинную связь человека, социальной системы и пространства, утверждая, что государство – это живой организм (Storey, 2020), подобный естественным организмам, эволюционирующим и совершенствующимся по отношению к физической среде. Его основным инстинктом является самосохранение, а показателем жизни – развитие (внутреннее изменение, движение), рост (Darwin, 1900).

Задаваясь вопросом в чем состоит показатель жизни государства, Ф. Ратцель считал – занимаемое им пространство (Storey, 2020). Таким образом, развиваясь, набирая силу, каждое государство стремится к пространственному росту, который продолжается до естественных границ путем завоеваний или колонизации. По мнению Ф. Ратцеля, в процессе роста государство стремится, прежде всего, вобрать в себя «политически ценные» места: береговые линии, русла рек, равнины, богатые ресурсами регионы. При этом «импульс» к территориальному расширению приходит извне, от «слабых» соседей (Ratzel, 1896). Рост государств способствует стратификации мира: сильные создают колониальные империи, удел слабых – быть присоединенными к сильным державам или вовлеченными в орбиту их влияния (Исаев, 2008).

Базирующаяся на синтезе идей абсолютного географического детерминизма и социал-дарвинизма классическая геополитика явилась попыткой исследования человеческой цивилизации на микроуровне: объектом ее изучения являлись отдельные социальные организмы (*локальные цивилизации*).

Двумя основополагающими формами пространства являются суша и море, что, согласно геополитической парадигме, определяет два основных вида цивилизаций (общественных систем), характеризующихся принципиально различными социальными институтами: цивилизации Суши (теллуократии) и Моря (талассократии) (Mackinder, 1904).

Для цивилизаций Моря характерно отсутствие освоенных территорий вглубь континента, динамичность, подвижность, инновационный путь развития, активное развитие торговли, индивидуализм, предприимчивость. Цивилизациям Суши присуще существование в удаленных от берегов землях, жесткая иерархия общественного устройства, предпочтение традиционного инновационному (Ипатов, 2021). Противостояние цивилизаций Суши и Моря является фундаментальным законом геополитики (Дугин, 2007).

Отметим, что изначально постулируемая непримиримость социальных институтов, характерных для народов Суши и народов Моря, впоследствии была подвергнута сомнению французским ученым Полем Видалем де ла Блашем, выдвинувшим важную для последующего развития геополитики (ее критического направления), базирующуюся на законе диалектики о единстве и борьбе противоположностей идею о том, что Суша и Море не только борются, но и успешно взаимопроникают друг в друга (Vidal de la Blache, 1926). Это обуславливает возникновение так называемой «береговой зоны» – пограничья, – испытывающей сильное влияние как Суши, так и Моря. Идеи де ла Блаша явились диалектической попыткой преодоления представлений о социуме как о замкнутой системе.

Системный кризис геополитики, обусловленный, в первую очередь, перенесением эволюционных закономерностей с природных на социальные объекты и, как следствие, оправданием экспансии в период Второй мировой войны, привел к смене парадигм. Возникло ревизионистское направление, базирующееся на представлении о существовании *некоторых* структурных факторов пространства, оказывающих влияние на международные политические процессы.

Согласно ревизионистскому направлению, исчезает статичность геополитических процессов, рассматриваемых через взаимодействие локальных *незамкнутых* социальных систем (Klieman, 2013), Геополитика выходит на глобальный (макро-) и региональный (мезоуровень). Особое значение приобретает изучение механизмов формирования и поддержания баланса сил, который оказывается зависящим от региональных и локальных подсистем, где ключевыми акторами могут выступать не только великие державы. Ревизионисты отходят от строгого географического детерминизма, утверждая, что география не предопределяет, но создает условия и предлагает возможности. Таким образом, пространственные факторы должны считаться не детерминирующими, а обуславливающими (Sprykan, 1938).

Глобальные перемены в 1990-е гг. породили новое направление – критическое, базирующееся на том, что геополитика государств есть продукт не фундаментальных естественных законов развития общества, а географического воображения и пространственных мифов. В фокусе представителей данного направления оказались не объективные географические факторы, а дискурсы о пространстве (Окунев, 2015), что свидетельствовало об отходе от реализма к идеализму, приведшем к абсолютной оторванности географии от социума.

Таким образом, возникла задача достижения парадигмального синтеза для создания полной картины влияния пространства на политические процессы

(Haverluk et al., 2014). В настоящей работе предпринята попытка сопряжения геополитического и институционального подходов для решения данной проблемы на *мезоуровне*, выявления изменений, внесенных глобализацией, в проявления законов геополитики.

Институциональный подход и теория институциональных матриц как методология исследования

В рамках используемого в настоящей работе институционального подхода институты рассматриваются в самом широком смысле – как устойчивые модели взаимодействий в социуме, определенные способы действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума (Дюркгейм, 1995), «правила игры», которые структурируют социальное действие (North, 1990).

Общество представляет собой целостное интегрированное образование (Т. Парсонс), в котором взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы (экономическая, политическая, социокультурная) *равнозначны* (И. Валлерстайн). Регулировать функционирование всей системы позволяет сложная институциональная структура, в которой можно выделить «остов» – образующие *институциональную матрицу* экономические, политические и социокультурные *базовые институты*, которые задают направленность коллективных и индивидуальных действий.

Существуют два основных типа базовых институтов: редистрибутивные и рыночные. Данное положение основано на гипотезе о двух видах экономических систем, обоснованной в трудах А. Смита, К. Маркса, М. Вебера, В. Ойкена, К. Поляни, Д. Норта, а также идее К. Виттфогеля, Т. Парсонса, И. Валлерстайна о связи экономических, политических и социокультурных институтов.

В соответствии с работами С. Г. Кирдиной (Кирдина, 2014), к базовым *редистрибутивным институтам* (институтам X типа) относятся: в экономике – общественная собственность, редистрибуция (*аккумуляция – согласование – распределение*) с обязательным задействованием Центра, служебный труд (Бессонова, 1993); в политике – унитарное (унитарно-централизованное) политическое устройство, иерархическая вертикаль власти во главе с Центром, жалобы по инстанциям в качестве механизма обратной связи: в *социокультурной сфере* – коммунитарное мировоззрение (осознание приоритетности прав и интересов «Мы» над «Я»), эгалитаризм, порядок как закрепленный в общественном сознании принцип устройства общественной жизни, постулирующий взаимозависимость социальных субъектов, необходимость дисциплины и самоограничения для общего блага.

К базовым *рыночным институтам* (институтам Y типа) относятся: в экономике – частная собственность, купля-продажа в качестве института обмена, прибыль как институт обратной связи, наемный труд, конкуренция; в политике – федеративное политическое устройство, самоуправление и субсидиарность;

в социокультурной сфере – субсидиарная идеология, выражающая доминирование «Я» над «Мы».

Одним из важнейших свойств институциональной матрицы общества является сосуществование в ней на принципах доминантности – комплементарности базовых институтов двух типов – редистрибутивных и рыночных (Кирдина, 2014, с. 74). Институциональная матрица с доминированием редистрибутивных институтов называется матрицей X-типа, рыночного – Y-типа.

Суша и Море в геополитике и страны X и Y типа в теории институциональных матриц

Анализ эмпирических данных показывает связь типа институциональной матрицы с занимаемым социальной системой пространством (Барухостов, 2021; Кирдина, 2016; Ahlfeld et al., 2005; Gallup et al., 1999; Hausmann et al., 2005; Mellinger et al., 2000; Parent, Zouache, 2009; Parent, Zouache, 2012; Plummer, Sheppard, 2006; Rodríguez-Pose, 2013; Saha, 2013). Это свидетельствует о связи геополитического подхода и теории институциональных матриц. В работе (Kirdina-Chandler, 2019) на основе исследования множества государств в различных регионах мира выявлено, что среди географических факторов наибольшее влияние на характер формирующихся в государствах институциональных моделей оказывают температура, уровень осадков и риск стихийных бедствий. Показано, что на территориях, близких к морю, с относительно мягкими климатическими характеристиками (оптимальными температурами воздуха и количеством осадков), а также низкими рисками стихийных бедствий, как правило, формируются государства с институциональными матрицами Y-типа. В свою очередь, в континентальных регионах, где наблюдаются значительные колебания амплитуды осадков и температуры воздуха, средние температуры и средние уровни осадков очень высокие или очень низкие, а риски стихийных бедствий высоки, преобладают страны с институциональными матрицами X-типа.

Подобная особенность может быть объяснена тем, что формирование общественной системы (и, соответственно, институциональной матрицы) начинается с этапа, когда доминирующее положение в экономике занимает оседлое земледелие, что позволяет социуму выжить и обеспечить себя пищей, невзирая на условия окружающей среды. Именно в аграрные эпохи возникают механизмы координации общественной деятельности, благодаря которым можно овладеть природой и использовать ее для общественных нужд. В то же время аграрная сфера сильно подвержена влиянию климатических факторов и ландшафта. Переход к последующим этапам развития не отменяет институциональные наработки предшествующих исторических эпох, а впитывает их в себя вследствие механизмов кумулятивной причинности (Т. Веблен), эффекта зависимости от пути (П. А. Давид, С. Я. Либовиц, С. Я. Марголис и др.), «блокирующих» эффектов (Д. Норт). В этом плане географический ареал, занимаемый социумом, оказывает влияние на соответствующие друг другу, *доминирующие* в матрице экономические, политические и социокультурные институты.

Кроме того, близость моря формирует мировоззрение народа. Получение в лице моря альтернативного источника удовлетворения своих потребностей в пище, его изменчивый характер позволяет проникнуть в сознание и закрепиться мыслям об изменчивости всех институтов, о возможности преобразования действительности, управления своей жизнью и, следовательно, ценности, в первую очередь, человеческой личности. Таким образом, близость моря способствует формированию субсидиарного мировоззрения – института рыночного типа. Классические страны с Y-матрицей – Великобритания, США, Австралия – тесно связаны с морем и в геополитической «интерпретации» относятся к цивилизациям Моря.

Странам же X-типа с доминированием редистрибутивных институтов присуща жесткая иерархия общественного устройства, коммунитарное мировоззрение, сложившиеся из необходимости выживания социума именно при таких условиях организации общественной жизни.

Как следует из вышесказанного, геополитические концепции Суши и Моря перекликаются с постулатом о существовании стран X и Y типа.

Наличие в институциональной матрице одновременно институтов двух типов (X и Y), сосуществующих на принципах «доминантности – комплементарности», соответствует идее Поля Видалья де ла Блаша о взаимопроникновении Суши и Моря и положениям критической геополитики.

Следует отметить, что X(Y) «плотность» институциональных матриц, определяемая количеством и эффективностью комплементарных институтов в матрице, одинакова не во всех странах, а зависит от того, насколько стабильны выработанные механизмы координации общественной деятельности (эндогенные факторы¹), а также от диффузии² комплементарных институтов извне (экзогенные факторы³).

Можно выделить «зоны», где X плотность матрицы наиболее велика (рыночные институты слабо развиты). Территориально они связаны с наиболее засушливыми, малоплодородными областями, где имеют место значительные колебания температуры и высоки риски земледелия. Осуществление сельскохозяйственных работ здесь требует определенной организующей структуры, функционирующей *на постоянной основе*. Данные «зоны» связаны, например, с континентальной Азией. С точки зрения геополитики, с этими территориями связан Хатрленд.

Однако если осуществление коллективных работ необходимо не постоянно, а в *режиме «импульсной мобилизации»*, например, для защиты от внешних врагов, вырубки лесов и высвобождения земли для пашни, борьбы с паводками и их последствиями, сложившиеся редистрибутивные институты более слабы

¹ Эндогенный фактор – фактор, обусловленный особенностями внутреннего развития социальной системы.

² Диффузия институтов – естественное распространение внутри социума институтов, частным образом заимствованных из другой социальной системы.

³ Экзогенный фактор – фактор, обусловленный воздействием извне.

в сравнении с таковыми в странах Востока (например, Китае), и X- плотность матрицы ниже (Барахвостов, 2020).

Аналогично, можно выделить «зоны» Y- плотности матрицы, уменьшение которой связано с увеличением числа появляющихся комплементарных реди-стрибутивных институтов. Наиболее высока Y- плотность матрицы в США, странах Западной Европы, Австралии, меньше – у народов Восточной Европы (например, Польше (Wysienska-Di Carlo, Di Carlo, 2014)).

Наименьшей плотность X(Y) матрицы оказывается в зоне контакта географических ареалов, включающих страны противоположного (X или Y) типа, что соответствует «береговой зоне». Это связано с формированием фронта – особого вида границы, осуществляющей как пространственное, так и социокультурное разделение (Turner, 1932), «взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» (Левяш, 2016, с. 194). Это «размытая область переменной ширины» (Semple, 2015), характеризующаяся «неустойчивым равновесием» (Замятина, 1998, с. 82), особыми социальными условиями. Фронтир изменчив, динамичен, что обуславливает формирование здесь социокультурных институтов рыночного типа. Однако именно здесь наиболее часто прибегают к импульсной мобилизации, что требует необходимости признания значения порядка – реди-стрибутивного института. Таким образом, особенности «береговой зоны» определяются повышенной проницаемостью институциональной матрицы для институтов комплементарного типа в области фронта.

Как следует из приведенного рассмотрения, географическое пространство играет важную роль в жизни общества, однако, вследствие наличия комплементарных институтов в институциональной матрице, связанного с деятельностью людей, направленной на преобразование природной и институциональной среды, не следует говорить об абсолютном географическом детерминизме, что согласуется с идеями постклассической геополитики.

Расширение интегрируемых социумов: институциональный подход

Как указывалось выше, социальная система есть интегрированное образование трех взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем (экономической, политической, социокультурной). Каждую из них можно ассоциировать с занимаемым ею пространством – экономическим (Бияков, 2004; Кульков, 2014; Ляпина, Моисеева, 2012; Песоцкий, 2015), политическим (Зорина, 2018; Карадже, 2012; Прохоренко, 2012; Пушкарева, 2012; Цветкова, 2019), социокультурным (Озорнина, 2011; Ремизова, 2012; Самчук 2012). Первое из них возникает и функционирует на базе материальных потребностей человека, обусловленных его биологической природой, в то время как остальные есть следствие того, что человек – существо социальное. При этом в ходе эволюции роль нематериальных потребностей возрастает. Эти пространства тесно переплетены, их границы раз-

мыты и, вообще говоря, не всегда совпадают с государственными, а очерчивают «зону максимального влияния» социума.

В настоящее время резко увеличилось количество акторов этих пространств, причем зачастую невозможно точно определить их принадлежность к конкретной территории. Проблема существования социума теперь не связана непосредственным образом с занимаемой им территорией и расположенными на ней ресурсами. В частности, сила государства и уровень жизни народа в значительной степени определяется мировыми товарными и финансовыми потоками, связанными с «зонами влияния» различных государств, уровнем развития науки и технологий, культуры. Кроме того, в связи с появлением новых видов вооружений (например, баллистических ракет) снизилась роль протяженности занимаемого социумом пространства для обеспечения безопасности. Это обуславливает стремление социума не к непосредственным территориальным захватам, а к расширению «зоны влияния». Таким образом, изменяются существенные характеристики расширения (экспансии).

Как правило, в геополитическом дискурсе термин «экспансия», употребляют в крайне негативном смысле, связывая его с политикой экспансионизма ряда крупных мировых держав, проводимой в XX и XXI веке. Однако одним из механизмов расширения «зоны влияния» является интеграция в различных формах. Интеграция – феномен, характерный для человеческого общества с незапамятных времен. Интегративные процессы, направленные на построение все более сложных и совершенных целостных общественных структур, неразрывны с эволюцией. Интеграция выполняет задачу обеспечения сохранности общественной системы, ее монолитности, эффективности функционирования.

Существует множество определений данного понятия. В настоящей работе под *интеграцией* понимается «возникновение некоторой новой общности, некоторого целостного образования с упорядоченными, органическими отношениями между составляющими его элементами» (Барановский, 1983, с. 32), «процесс становления и развития связей, ведущий к возникновению состояния связанности» (Войтович, 1993, с. 11), объединение социальных систем в некую «общность или даже систему, обладающую самодостаточными интеграционными механизмами» (Etzioni, 1965).

Первой формой тесной интеграции являлись империи (Кузенков, 2022), которые создавались путем добровольного или принудительного объединения социумов и занимаемых ими географических пространств. В настоящее время наиболее распространена такая форма интеграции, как образование союзов. В основе интеграции – единый *нормативный* подход к механизмам функционирования союза.

Как правило, союзы не являются абсолютно симметричными и включают «ядро» и периферию интеграции. К первым относятся наиболее сильные в экономическом и политическом отношении государства, для которых характерны обеспечивающие эту силу институты (см., напр.: Acemoglu, 2003; Dellepiane Avellaneda, 2010; North, 2016 et al.). В процессе интеграции наблюдается институциональная конвергенция, которая облегчает взаимодействие в пределах

союза. Она обеспечивается за счет двух процессов: трансплантации институтов (целенаправленного заимствования институтов, развившихся в иной институциональной среде (Полтерович, 2001)) более успешного и эффективного «ядра» на периферию и двунаправленной (от «ядра» к периферии и обратно) институциональной диффузии. Таким образом, внутри союзов образуются «каналы» институционального расширения (экспансии) интегрируемых социумов. Следует отметить, что эта экспансия осуществляется не в одном направлении, а во встречных вследствие взаимообогащения нормами и полезными практиками. Трансплантация и диффузия институтов являются механизмами осуществления экспансии в современных условиях. Примером подобной институциональной экспансии может служить влияние немецкой правовой традиции на юридическое сообщество Европейского союза. Закон ЕС, который в настоящее время применяется во всех государствах – членах союза, имеет очевидный немецкий отпечаток. В то же время Европейский суд и Европейский суд по правам человека базируются, в основном, на французском законодательстве и юридических практиках Франции.

Нередко страны «ядра» интеграции прибегают к *управлению* процессами институциональной трансплантации и диффузии за счет использования механизмов стимулирующей обусловленности (финансирования трансплантации институтов, предоставления экономических преференций стране-акцептору) и социализации (обучения элиты целевой страны своим практикам). Отрицательная обусловленность (принуждение к внедрению институтов) используется крайне редко. Примером тому может служить принятие ЕС в 1999 г. Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы.

Институциональная диффузия имеет пространственный предел, который определяется следующими факторами:

1) разницей типов институциональных матриц стран донора и акцептора: чем больше отличия между ними, тем сложнее осуществляется диффузионный процесс. В силу своего имманентного творческого потенциала народы имеют возможность творчески переосмысливать (гибридизировать) диффундировавшие (трансплантированные) институты, «подстраивая» их под свою матрицу. Высокая степень гибридации, при которой существенные характеристики гибридного института позволяют отнести его к типу институтов, доминирующих в матрице социума – акцептора, определяет предел диффузии институтов;

2) истощением социальной системы – донора, который должен затрачивать огромные усилия (вкладывать значительные средства) на поддержание процесса.

Условием устойчивого и эффективного функционирования интеграционных союзов является возможность выработки единых норм по вопросам функционирования (порядка взаимодействия в рамках союза и управления им), что может накладывать предел их роста. Примером тому может служить Европейский союз, переживший несколько расширений в разных географических направлениях, присоединяя государства с различным уровнем экономического развития и различными культурами. При этом достигнутый предел расширения на Восток

обусловлен не только геополитическими причинами, но и значительными трудностями согласования институциональных матриц западноевропейских стран ЕС и государств постсоветского пространства. Р. Проди, председатель Европейской комиссии, заявлял в 2002 г., что ЕС не может расширяться далее, поскольку объединение может свестись лишь к зоне свободной торговли, утратив «политическую» составляющую взаимодействия⁴. Таким образом, предел расширения союза в современных условиях определяется не естественными географическими пределами, а возможностью согласования, «состыковки» *основных институтов, задающих принципы его функционирования (порядок взаимодействия в рамках союза и управления им). Предел расширения устойчивого интеграционного союза связан с пространственным пределом диффузии институтов.*

Как правило, формирование интеграционного объединения связано с определенным географическим регионом мира, что является следствием еще одной особенности эволюции человеческого общества – стремлением к дифференциации. Интеграция и дифференциация – два диалектически связанных процесса. Регион характеризуется установившимся региональным порядком, который определяется соотношением в интеграционных процессах регионализации (интеграция «снизу») и регионализма (интеграция «сверху» с передачей части суверенитета наднациональным структурам) (Solingen, 1998). Замечено, что существуют отличия региональных порядков в Европе и Азии (Байков, 2012): если в первом случае (мы установили, что в данном случае имеет место интеграция стран с институциональными матрицами Y-типа) значительное место занимает регионализм, во втором (преимущественно интеграция стран X-типа) – регионализация.

Кроме того, существенно отличается и региональное регулирование в различных регионах мира, понимаемое как способы координации социальных действий по созданию обязательных правил и/или общественных благ и услуг в одной или нескольких проблемных областях на региональном уровне (Börzel, Risse, 2016). Региональное регулирование включает иерархические и неиерархические способы формирования региональной политики по ключевым проблемам. Проанализировав эмпирические данные (Börzel, Risse, 2016), можно обнаружить, что первые, как правило, преобладают в регионах, объединяющих страны с Y-матрицей, вторые характерны для регионов стран с X-матрицей. Например, институты регионального регулирования в Восточной Азии не являются столь жесткими, как в ЕС. Их основу составляют неформальные средства укрепления доверия, двусторонние, многосторонние встречи лидеров стран, двусторонние и многосторонние соглашения о свободной торговле и по вопросам безопасности и т.д.

Таким образом, региональный порядок и региональное регулирование определяется преимущественным типом институциональных матриц интегрирующихся

⁴ Prodi, R. (2002, December 5–6). *A wider Europe: a proximity policy as a key to stability*. Retrieved July 5, 2023, from http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-02-619_en.htm

социальных систем, при этом интеграционные процессы инициируют формирование институтов комплементарного типа как институтов взаимодействия с другими участниками союза: если интегрируются общественные системы X-типа, то при взаимодействии между собой они задействуют Y-институты, и наоборот. Новые институты, возникшие как следствие интеграционных процессов, выполняют компенсаторную функцию, обеспечивая скомпенсированное, сбалансированное развитие как отдельного социума, так и всего союза в целом, сглаживая возможные институциональные перекосы.

В силу сложности пространства, занимаемого социальной системой, интеграция в современных условиях представляет собой многомерный и многоаспектный процесс, который далеко не всегда сводится к формированию протекционистских схем в торговле. Одним из главных драйверов интеграции остается безопасность, вследствие чего устойчивые союзы с высоким уровнем регионализма стремятся распространить свои институты вне интеграционного объединения (на ближайших соседей) для облегчения взаимодействия с окружающим миром, с одной стороны, с другой – в попытке создания зоны безопасности и процветания не только непосредственно у своих границ, но и у границ соседей вследствие огромной связности пространства в современном мире. Примером подобного явления следует считать Европейскую политику соседства (ЕПС), осуществляемую в отношении ближайших соседей ЕС с Востока и Юга. С момента ее запуска ЕПС представляла собой «экспансию без расширения». Европейская политика соседства не предполагала прямого доступа к преимуществам членства в ЕС и была направлена на распространение *институтов* ЕС за пределы интеграционного объединения (Русакович, Барахвостов, 2014, с. 9). Институциональная диффузия за пределы географического пространства, занимаемого интеграционным союзом, также представляет собой форму экспансии в современных условиях.

Заключение

Таким образом, предпринята попытка сопряжения геополитической и институциональной парадигм для исследования на *мезоуровне* роли пространства для социальных систем. Выявлена аналогия цивилизаций Суши и Моря со странами, характеризующимися соответственно институциональной матрицей X и Y типа. Наличие в институциональной матрице одновременно институтов двух типов (X и Y), сосуществующих на принципах «доминантности – комплементарности», соответствует идее Поля Видяля де ла Блаша о взаимопроникновении Суши и Моря.

Используя концепцию X(Y) «плотности» институциональных матриц, определяемой количеством и эффективностью комплементарных институтов в матрице, объяснено появление «береговой зоны» как зоны контакта географических ареалов, включающих страны противоположного (X или Y) типа. Показано, что особенности «береговой зоны» определяются повышенной проницаемостью институциональной матрицы для институтов комплементарного типа.

Обосновано, что географическое пространство играет важную роль в жизни общества, однако, вследствие наличия комплементарных институтов в институциональной матрице, связанного с деятельностью людей, направленной на преобразование природной и институциональной среды, не следует говорить об абсолютном географическом детерминизме, что согласуется с идеями пост-классической геополитики.

Показано, что в современных условиях жизненно важной необходимостью социальных систем является не территориальное расширение, а интеграция в различных формах. В ее основе – единый *нормативный* подход к механизмам функционирования союза. Трансплантация и диффузия *институтов* являются механизмами осуществления расширения (экспансии) в современных условиях. При этом институциональная экспансия осуществляется не в одном направлении (от «ядра» интеграции к периферии), а во встречных вследствие взаимообогащения нормами и полезными практиками.

Как правило, интеграционное объединение возникает в рамках некоторого географического региона мира. Показано, что формируемые при этом региональный порядок и региональное регулирование определяются преимущественным типом (X или Y) институциональных матриц интегрирующихся социальных систем. Если интегрируются общественные системы X-типа, то в основе регионального порядка и регионального регулирования – Y-институты, и наоборот. Новые институты, возникшие как следствие интеграционных процессов, выполняют компенсаторную функцию, обеспечивая скомпенсированное, сбалансированное развитие как отдельного социума, так и всего союза в целом, сглаживая возможные институциональные перекосы.

Список литературы

1. Байков, А. А. (2012). *Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии*. Москва: Аспект Пресс.
2. Барановский, В. Г. (1983). *Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики*. Москва: Наука.
3. Барахвостов, П. А. (2020). Великое княжество Литовское: опыт институциональных трансплантаций. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук*, 65(4), 424–431. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>
4. Барахвостов, П. А. (2021). Институциональные особенности интеграции земель Речи Посполитой в состав Российской и Австрийской империй. *Вестник МГИМО-Университета*, 14(4), 51–69. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-51-69>
5. Бессонова, О. Э. (1993). Раздаток как нерыночная система. *Известия СО РАН. Серия: Регион: экономика и социология*, (1), 29–41.

6. Бияков, О. А. (2004). Экономическое пространство: сущность, функции, свойства. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*, (2), 101–108.
7. Войтович, С. А. (1993). Генезис и развитие научного понятия «интеграция». В В. Н. Кудрявцев (Гл. ред.), *Курс международного права: в 7 т.* (Т. 7, с. 8–11). Москва: Наука.
8. Дугин, А. (2007). *Геополитика постмодерна: времена новых империй, очерки геополитики XXI века*. Санкт-Петербург: Амфора.
9. Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Москва: Канон.
10. Замятина, Н. Ю. (1998). Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*, (5), 75–88.
11. Зорина, Е. Г. (2018). Особенности постреальности и их влияние на политическое пространство. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, (4), 91–98.
12. Ипатов, А. Н. (2021). Военные конфликты XXI в. как результат противостояния стран суши и моря. *Этносоциум и межнациональная культура*, (3), 65–75.
13. Исаев, Б. А. (2008). Состояние современной геополитики в ее сравнении с геополитикой классического периода 1890–1940 гг. В В. Г. Марахов (Ред.), *Мировая политика и идейные парадигмы эпохи* (с. 64–71). Санкт-Петербург: Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств.
14. Карадже, Т. В. (2012). Политическое пространство/время: содержание понятий. *Вопросы политологии*, (4), 7–20.
15. Кирдина, С. Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y теорию*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
16. Кирдина, С. Г. (2016). Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике. *Пространственная экономика*, (3), 133–150. <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.133-150>
17. Кузенков, П. В. (2022). Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени. *Политическая наука*, (1), 80–99. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.03>
18. Кульков, В. М. (2014). Экономическое пространство: теоретические аспекты и современные процессы. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (1), 3–18.
19. Левяш, И. Я. (2016). Культурное отчуждение и границы: пропасти и мосты. В А. В. Данильченко (Ред.), *Диалог культур в эпоху глобальных рисков* (с. 193–196). Минск: Республик. ин-т высш. шк.
20. Ляпина, М. В., Моисеева, И. С. (2012). Экономическое пространство: сущность, функции, свойства. *Вестник Томского государственного университета*, (3), 34–57.
21. Озорнина, А. С. (2011). Региональные практики КНР и китайское социокультурное пространство. *Исторические, философские, политические*

и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, (3-1), 131–134.

22. Окунев, И. Ю. (2015). Методологический синтез в современной геополитике: навстречу неоклассической (посткритической) геополитике. *Политическая наука*, (2), 26–38.

23. Песоцкий, А. А. (2015). Теоретические подходы к определению понятия «экономическое пространство». *Вопросы экономики и права*, (82), 41–44.

24. Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, (3), 24–50.

25. Прохоренко, И. Л. (2012). О методологических проблемах анализа современных политических пространств. *ПОЛИС. Политические исследования*, (6), 68–80.

26. Пушкарёва, Г. В. (2012). Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации. *ПОЛИС. Политические исследования*, (2), 166–176.

27. Ремизова, М. Н. (2012). Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (10-1), 158–162.

28. Русакович, А. В., Барахвостов, П. А. (2014). Политика Европейского союза в отношении постсоветских государств Восточной Европы в 2004–2014 гг. *Журнал международного права и международных отношений*, (4), 9–15.

29. Самчук, М. М. (2012). Социокультурное пространство: структура и основные элементы. *Известия Волгоградского государственного технического университета*, 10(3), 78–82.

30. Цветкова, О. В. (2019). Политическое пространство: теоретико-методологические основы. *Социально-гуманитарные знания*, (5), 204–211.

31. Acemoglu, D. (2003). Root causes. *Finance & Development*, 40(2), 27–43.

32. Ahlfeld, S., Hemmer, H.-R., & Lorenz, A. (2005). The Economic Growth Debate – Geography Versus Institutions: Is There Anything Really New? *Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge*, (34).

33. Börzel, T. A., & Risse, T. (Eds.). (2016). *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199682300.001.0001>

34. Darwin, C. (1900). *Origin of Species*. Literary Classics.

35. Dellepiane Avellaneda, S. (2010). Good Governance, Institutions and Development: Beyond the Conventional Wisdom. *British Journal of Political Science*, 40(1), 195–224.

36. Etzioni, A. (1965). *Political Unification: a Comparative Study of Leaders and Forces*. New York: Rinehart. <https://doi.org/10.2307/2092795>

37. Gallup, J. L., Sachs, J. D., & Mellinger, A. (1999). Geography and Economic Development. *International Regional Science Review*, 22(2), 179–232. <https://doi.org/10.1177/016001799761012334>

38. Haverluk, T. W., Beauchemin, K. M., & Mueller, B. A. (2014). The three critical flaws of critical geopolitics: towards a neo-classical geopolitics. *Geopolitics*, 19(1), 19–39. <https://doi.org/10.1080/14650045.2013.803192>
39. Hausmann, R., Pritchett, L., & Rodrik, D. (2005). Growth Accelerations. *Journal of Economic Growth*, 10(4), 303–329. <https://doi.org/10.1007/s10887-005-4712-0>
40. Kirdina-Chandler, S. G. (2019). Western and non-Western Economic Institutional Models in Time and Geographical Space. *Terra Economicus*, 17(1), 8–23. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-1-8-23>
41. Klieman, A. (2013). Balance of Power, Balancing Power and Geopolitics. In *Workshop on Geopolitics & Great Powers* (pp. 26–64). Jerusalem.
42. Mackinder, H. J. (1904). The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, (23), 421–437.
43. Mellinger, A. D., Sachs, J. D., & Gallup, J. L. (2000). Climate, Coastal Proximity, and Development. In G. L. Clark, M. P. Feldman & M. S. Gertler (Eds.), *The Oxford Handbook of Economic Geography* (pp. 169–194). Oxford: Oxford Univ. Press.
44. North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
45. North, D. C. (2016). Institutions and economic theory. *The American Economist*, 61(1), 72–76. <https://doi.org/10.1177/0569434516630194>
46. Parent, O. & Zouache, A. (2009). Geographical Features vs. Institutional Factors: New Perspectives on the Growth of Africa and Middle-East. *Economic Research Forum*, Working Paper, (490).
47. Parent, O., & Zouache, A. (2012). Geography Versus Institutions: New Perspectives on the Growth of Africa and the Middle East. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 168(3), 488–518. <https://doi.org/10.1628/093245612802921006>
48. Plummer, P., & Sheppard, E. (2006). Geography Matters: Agency, Structures and Dynamics at the Intersection of Economics and Geography. *Journal of Economic Geography*, 6(5), 619–637. <http://dx.doi.org/10.1093/jeg/lb1005>
49. Ratzel, F. (1896). *History of Mankind*. Vol. 1. London: Macmillan and Co. Retrieved June 05, 2023, from <https://ia801505.us.archive.org/3/items/in.ernet.dli.2015.22248/2015.22248.the-history-of-mankind--vol-1.pdf>
50. Ratzel, F. (1900). Le sol, la société et l'État. In *L'année sociologique* (pp. 1–14). 1898–1899. Retrieved June 05, 2023, from <http://checharfle.h.c.f.unblog.fr/files/2010/02/ratzellesolsocieteetat.pdf>
51. Ratzel, F. (1902). Man as a Life Phenomenon on the Earth. In H. F. Helmut (Ed.), *The History of the World. A Survey of Man's Record* (Vol. 1, pp. 61–106). New York: Dodd, Mead and Co.
52. Rodríguez-Pose, A. (2013). Do Institutions Matter for Regional Development? *Regional Studies*, 47(5), 1034–1047. <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.748978>

53. Saha, B. (2013). Institutions or Geography: Which Matters Most for Economic Development? *Journal of Interdisciplinary Economics*, 25(1–2), 69–89. <https://doi.org/10.1177/02601079145246>
54. Semple, E. C. (2015). *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. Retrieved June 05, 2023, from <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>
55. Solingen, E. (1998). *Regional Order at Century's Dawn: Global and Domestic Influences and Grand Strategy*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
56. Spykman, N.J. (1938). Geography and foreign policy. *American political science review*, 32(1), 28–50. <https://doi.org/10.2307/1949029>
57. Storey, D. (2020). Political Geography. In *International Encyclopedia of Human Geography* (2nd ed.) (pp. 199–206). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10488-3>
58. Turner, F.J. (1932). *The Significance of Sections in American History*. Retrieved June 01, 2023, from <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>
59. Vidal de la Blache, P. (1926). *Principles of Human Geography*. London, Constable Publishers. Retrieved June 01, 2023, from <https://ia601409.us.archive.org/32/items/in.ernet.dli.2015.14647/2015.14647.Principles-Of-Human-Geography.pdf>
60. Wysienska-Di Carlo, K., & Di Carlo, M. (2014). *Attitudes towards redistribution and the welfare state in Poland*. Warsaw, Research Group on Comparative Analysis of Social Inequality, Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences. Retrieved June 01, 2023, from https://polpan.org/wp-content/uploads/2014/05/POLPAN_Attitudes_towards_redistribution_and_the_Welfare_State_1.pdf

---

References

1. Acemoglu, D. (2003). Root causes. *Finance & Development*, 40(2), 27–43.
2. Ahlfeld, S., Hemmer, H.-R., & Lorenz, A. (2005). The Economic Growth Debate – Geography Versus Institutions: Is There Anything Really New? *Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge*, (34).
3. Barakhvostov, P.A. (2020). Velikoe knyazhestvo Litovskoe: opyt institutsional'nykh transplantatsiy [Grand Duchy of Lithuania: institutional transplantation experience]. *Vestsi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi. Ser. gumanitarnykh navuk*, 65(4), 424–431. (in Russ.). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>
4. Barakhvostov, P.A. (2021). InstitutSIONal'nye osobennosti integratsii zemel' Rechi Pospolitoy v sostav Rossiyskoy i Avstriyskoy imperiy [Institutional analysis of the integration of Rzeczpospolita Lands in-to the Russian and Austrian empires]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 14(4), 51–69. (in Russ.). [Discourse-P. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 8–30](https://doi.org/10.24833/2071-
</div><div data-bbox=)

8160-2021-4-79-51-69

5. Baranovsky, V.G. (1983). *Politicheskaya integratsiya v Zapadnoy Evrope. Nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Political Integration in Western Europe]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

6. Baykov, A.A. (2012). *Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoy Azii* [Comparative integration. Experience and patterns of integration in the United Europe and Asia Pacific]. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.).

7. Bessonova, O.E. (1993). Razdatok kak nerynochnaya sistema [Razdatok as non-market system]. *Izvestiya SO RAN. Seriya: Region: ekonomika i sotsiologiya*, (1), 29–41. (in Russ.).

8. Biyakov, O.A. (2004). Ekonomicheskoe prostranstvo: sushchnost', funktsii, svoystva [Economic Space: essence, functions, properties]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (2), 101–108. (in Russ.).

9. Börzel, T.A., & Risse, T. (Eds.). (2016). *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199682300.001.0001>

10. Darwin, C. (1900). *Origin of Species*. Literary Classics.

11. Dellepiane Avellaneda, S. (2010). Good Governance, Institutions and Development: Beyond the Conventional Wisdom. *British Journal of Political Science*, 40(1), 195–224.

12. Dugin, A. (2007). *Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperiy. Ocherki geopolitiki XXI veka* [Postmodern geopolitics. Times of new empires. essays on geopolitics of the XXI century]. St. Petersburg: Amfora. (in Russ.).

13. Durkheim, É. (1995). *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Kanon. (in Russ.).

14. Etzioni, A. (1965). *Political Unification: a Comparative Study of Leaders and Forces*. New York: Rinehart. <https://doi.org/10.2307/2092795>

15. Gallup, J.L., Sachs, J.D., & Mellinger, A. (1999). Geography and Economic Development. *International Regional Science Review*, 22(2), 179–232. <https://doi.org/10.1177/016001799761012334>

16. Hausmann, R., Pritchett, L., & Rodrik, D. (2005). Growth Accelerations. *Journal of Economic Growth*, 10(4), 303–329. <https://doi.org/10.1007/s10887-005-4712-0>

17. Haverluk, T.W., Beauchemin, K.M., & Mueller, B.A. (2014). The three critical flaws of critical geopolitics: towards a neo-classical geopolitics. *Geopolitics*, 19(1), 19–39. <https://doi.org/10.1080/14650045.2013.803192>

18. Ipatov, A.N. (2021). Voennye konflikty XXI v. kak rezul'tat protivostoyaniya stran sush'i i moray [Military conflicts of the XXI century as a result of confrontation between land and sea countries]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, (3), 65–75. (in Russ.).

19. Isaev, B.A. (2008). Sostoyanie sovremennoy geopolitiki v ee sravnenii s geopolitikoy klassicheskogo perioda 1890–1940 gg. [The state of modern geopolitics in its comparison with the geopolitics of classical period 1890–1940]. In V.G. Marakhov

(Ed.), *Mirovaya politika i ideynye paradigmy epokhi* (pp. 64–71). St. Petersburg: Sankt-Peterburg. gos. un-t kul'tury i iskusstv. (in Russ.).

20. Karadzhe, T. V. (2012). Politicheskoe prostranstvo/vremya: sodержanie ponyatiy. [Political Space/Time: Essence of Concepts]. *Voprosy politologii*, (4), 7–20. (in Russ.).

21. Kirdina, S. G. (2014). *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X–Y teoriyu* [Institutional matrices and development of Russia: introduction in X–Y theory]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.).

22. Kirdina, S. G. (2016). Rol' institutov i geografii v ekonomicheskom razvitii: aktual'naya polemika v geterodoksal'noy ekonomike [Institutions and geography in economic development: a heterodox economic discussion]. *Prostranstvennaya ekonomika*, (3), 133–150. (in Russ.). <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.133-150>

23. Kirdina-Chandler, S. G. (2019). Western and non-Western Economic Institutional Models in Time and Geographical Space. *Terra Economicus*, 17(1), 8–23. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-1-8-23>

24. Klieman, A. (2013). Balance of Power, Balancing Power and Geopolitics. In *Workshop on Geopolitics & Great Powers* (pp. 26–64). Jerusalem.

25. Kulkov, V. M. (2014). Ekonomicheskoe prostranstvo: teoreticheskie aspekty i sovremennye protsessy [Economic space: theoretical aspects and modern processes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, (1), 3–18. (in Russ.).

26. Kuzenkov, P. V. (2022). Evolyutsiya imperii: ot Drevnego mira k Novomu vremeni [The evolution of empire: from the Ancient World to Modern Times]. *Politicheskaya nauka*, (1), 80–99. (in Russ.). <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.03>

27. Levyash, I. Ya. (2016). Kul'turnoe otchuzhdenie i frontiry: propasti i mosty [Cultural alienation and frontiers: chasms and bridges]. In A. V. Danilchenko (Ed.), *Dialog kul'tur v epokhu global'nykh riskov* (pp. 193–196). Minsk: Respublik. in-t vyssh. shk. (in Russ.).

28. Lyapina, M. V., & Moiseeva, I. S. (2012). Ekonomicheskoe prostranstvo: sushchnost', funktsii, svoystva [Economic space: essence, functions, properties]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 34–57. (in Russ.).

29. Mackinder, H. J. (1904). The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, (23), 421–437.

30. Mellinger, A. D., Sachs, J. D., & Gallup, J. L. (2000). Climate, Coastal Proximity, and Development. In G. L. Clark, M. P. Feldman & M. S. Gertler (Eds.), *The Oxford Handbook of Economic Geography* (pp. 169–194). Oxford: Oxford Univ. Press. (in Russ.).

31. North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>

32. North, D. C. (2016). Institutions and economic theory. *The American Economist*, 61(1), 72–76. <https://doi.org/10.1177/0569434516630194>

33. Okunev, I. Yu. (2015). Metodologicheskii sintez v sovremennoy geopolitike: navstrechu neoklassicheskoy (postkriticheskoy) geopolitike [Methodological synthesis

in modern geopolitics: towards neoclassical (postcritical) geopolitics]. *Politicheskaya nauka*, (2), 26–38. (in Russ.).

34. Ozornina, A. S. (2011). Regional'nye praktiki KNR i kitayskoe sotsiokul'turnoe prostranstvo. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie [Regional practices of the China and Chinese socio-cultural space]. *Voprosy teorii i praktiki*, (3-1), 131–134. (in Russ.).

35. Parent, O., & Zouache, A. (2009). Geographical Features vs. Institutional Factors: New Perspectives on the Growth of Africa and Middle-East. *Economic Research Forum*, Working Paper, (490).

36. Parent, O., & Zouache, A. (2012). Geography Versus Institutions: New Perspectives on the Growth of Africa and the Middle East. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 168(3), 488–518. <https://doi.org/10.1628/093245612802921006>

37. Pesotsky, A. A. (2015). Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya “ekonomicheskoe prostranstvo” [Theoretical approaches to the definition of concept “economic space”]. *Voprosy ekonomiki i prava*, (82), 41–44. (in Russ.).

38. Plummer, P., & Sheppard, E. (2006). Geography Matters: Agency, Structures and Dynamics at the Intersection of Economics and Geography. *Journal of Economic Geography*, 6(5), 619–637. <http://dx.doi.org/10.1093/jeg/lbl005>

39. Polterovich, V. M. (2001). Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, (3), 24–50. (in Russ.).

40. Prokhorenko, I. L. (2012). O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv [On methodological problems of analyzing modern political spaces]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, (6), 68–80. (in Russ.).

41. Pushkareva, G. V. (2012). Politicheskoe prostranstvo: problemy teoreticheskoy kontseptualizatsii [Political space: problems of theoretical conceptualization]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, (2), 166–176. (in Russ.).

42. Ratzel, F. (1896). *History of Mankind*. Vol. 1. London: Macmillan and Co. Retrieved June 05, 2023, from <https://ia801505.us.archive.org/3/items/in.ernet.dli.2015.22248/2015.22248.the-history-of-mankind--vol-1.pdf>

43. Ratzel, F. (1900). Le sol, la société et l'État. In *L'année sociologique* (pp. 1–14). 1898–1899. Retrieved June 05, 2023, from <http://checharfle.h.c.f.unblog.fr/files/2010/02/ratzellesolsocieteetat.pdf>

44. Ratzel, F. (1902). Man as a Life Phenomenon on the Earth. In H. F. Helmut (Ed.), *The History of the World. A Survey of Man's Record* (Vol. 1, pp. 61–106). New York: Dodd, Mead and Co.

45. Remizova, M. N. (2012). Interpretatsiya ponyatiya “sotsiokul'turnoe prostranstvo” v klassicheskoy sotsiologii [Interpretation of notion social-cultural space in classical sociology]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (10-1), 158–162. (in Russ.).

46. Rodríguez-Pose, A. (2013). Do Institutions Matter for Regional

Development? *Regional Studies*, 47(5), 1034–1047. <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.748978>

47. Rusakovich, A. V., & Barakhvostov, P.A. (2014). Politika Evropeyskogo soyuza v otnoshenii postsovetskikh gosudarstv Vostochnoy Evropy v 2004–2014 gg. [The European Union Policy towards Post-Soviet States of Eastern Europe in 2004–2014]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, (4), 9–15. (in Russ.).

48. Saha, B. (2013). Institutions or Geography: Which Matters Most for Economic Development? *Journal of Interdisciplinary Economics*, 25(1–2), 69–89. <https://doi.org/10.1177/02601079145246>

49. Samchuk, M. M. (2012). Sotsiokul'turnoe prostranstvo: struktura i osnovnye element [Socio-cultural space: the structure and basic elements]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 10(3), 78–82. (in Russ.).

50. Semple, E. C. (2015). *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. Retrieved June 05, 2023, from <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>

51. Solingen, E. (1998). *Regional Order at Century's Dawn: Global and Domestic Influences and Grand Strategy*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

52. Spykman, N.J. (1938). Geography and foreign policy. *American political science review*, 32(1), 28–50. <https://doi.org/10.2307/1949029>

53. Storey, D. (2020). Political Geography. In *International Encyclopedia of Human Geography* (2nd ed.) (pp. 199–206). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10488-3>

54. Tsvetkova, O. V. (2019). Politicheskoe prostranstvo: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Political space: theoretical and methodological foundations]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, (5), 204–211. (in Russ.).

55. Turner, F.J. (1932). *The Significance of Sections in American History*. Retrieved June 01, 2023, from <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>

56. Vidal de la Blache, P. (1926). *Principles of Human Geography*. London, Constable Publishers. Retrieved June 01, 2023, from <https://ia601409.us.archive.org/32/items/in.ernet.dli.2015.14647/2015.14647.Principles-Of-Human-Geography.pdf>

57. Voytovich, S. A. (1993). Genesis i razvitiye nauchnogo ponyatiya “integratsiya” [Genesis and development of scientific concept “integration”]. In V.N. Kudryavtsev (Gen. ed.), *Kurs mezhdunarodnogo prava: v 7 t.* (Vol. 7, pp. 8–11). Moscow: Nauka. (in Russ.).

58. Wysienska-Di Carlo, K., & Di Carlo, M. (2014). *Attitudes towards redistribution and the welfare state in Poland*. Warsaw, Research Group on Comparative Analysis of Social Inequality, Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences. Retrieved June 01, 2023, from https://polpan.org/wp-content/uploads/2014/05/POLPAN_Attitudes_towards_redistribution_and_the_Welfare_State_1.pdf

59. Zamyatina N. Yu. (1998). Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh [Settlement zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (5), 75–88. (in Russ.).

60. Zorina, E. G. (2018). Osobennosti postreal'nosti i ikh vliyanie na politicheskoe prostranstvo [Features of post-reality and their influence on the political space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, (4), 91–98. (in Russ.).

Информация об авторе

Павел Александрович Барахвостов, кандидат политических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by

Information about the author

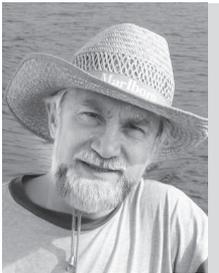
Pavel Aleksandrovich Barakhvostov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by

---

УДК 351/354:316.334(470)

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_31

ДИСКУРС ВЕЛИКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ: ИСТОРИЯ И КОНТЕКСТ

Михаил Валентинович Сухарев,

Институт экономики Карельского научного центра
Российской академии наук,
Петрозаводск, Россия,
suharev@narod.ru

Галина Борисовна Козырева,

Институт экономики Карельского научного центра
Российской академии наук,
Петрозаводск, Россия,
kozyrevakrc@gmail.com

Получена 16.09.2023.

Поступила после рецензирования 15.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Сухарев М. В., Козырева Г. Б. Дискурс великой институциональной реформы: история и контекст // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 31–58. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_31

Аннотация

При планировании новых институциональных реформ в Российской Федерации необходимо учитывать исторический опыт. Отмена крепостного права в России в XIX веке недостаточно пока изучена с позиции дискурс-анализа ее источников,

© Сухарев М. В., Козырева Г. Б., 2024

отражающих процесс проектирования фундаментальных преобразований, происходивший на протяжении десятков лет в «секретных комитетах» русских царей. Изучение этого дискурса представляет собой интерес не только для исторической науки, но также для исследования когнитивной компоненты управления масштабной институциональной и экономической реформой. Цель настоящей работы – выявить на основе проведения дискурс-анализа различных источников последовательность главных этапов подготовки и реализации реформы, а также исследовать отражение реформы в российской письменной культуре. В результате был исследован ход обсуждения подготовки реформ и принятия решений в контексте процесса реализации отмены крепостного права в России. Реформа проходила в условиях усиливающегося противостояния помещичьей элиты и народных масс, что заставляло архитекторов реформы действовать очень осторожно и скрытно. Показан достаточно высокий уровень проработки реформы. Противостояние между ее сторонниками и противниками отражалось в обширном корпусе печатных текстов газет и журналов того времени. Для исследования проявлений этого противостояния использовался контент-анализ российской письменной культуры XIX века с помощью технологии Google Books Ngram Viewer. На основе исследования выявлен алгоритм проектной подготовки и проведения крупных реформ на региональном и государственном уровне, который может быть уточнен и развит ходе дальнейших научных изысканий, доказана возможность использования технологии «больших данных» для исследования отражения политических реформ в письменной культуре общества. Опыт данной реформы может быть использован для совершенствования управления развитием системы институтов российского общества.

Ключевые слова:

Российская империя, институциональная реформа, крепостное право, управление реформой, дискурс, социальные преобразования, развитие, контент-анализ, государственное управление

Источники финансирования:

Статья подготовлена в рамках государственного задания Института экономики – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», тема научно-исследовательской работы «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Благодарности:

Благодарим корпорацию Google за создание уникального бесплатного сервиса для исследования текстов на русском языке.

UDC 351/354:316.334(470)

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_31

DISCOURSE OF THE GREAT INSTITUTIONAL REFORM: HISTORY AND CONTEXT

Mikhail V. Sukharev,

Institute of Economics, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia,
suharev@narod.ru

Galina B. Kozyreva,

Institute of Economics, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia,
kozyrevakrc@gmail.com

Received 16.09.2023.

Revised 15.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Sukharev, M.V. & Kozyreva, G.B. (2024). Discourse of the Great Institutional reform: history and context. *Discourse-P*, 21(1), 31–58. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_31

Abstract

When planning new institutional reforms in the Russian Federation, it is necessary to take into account historical experience. The abolition of serfdom in Russia in the 19th century has not yet been sufficiently studied from the standpoint of discourse analysis of its sources, reflecting design of those fundamental transformations that took place over decades in “secret committees” of Russian tsars. This discourse is of interest not only for historical studies, but for broader academic research, due to the cognitive component of managing a large-scale institutional and economic reform. The purpose of this work is to identify, on the basis of discourse analysis of various sources, the sequence of the main steps the reform completed in terms of development and implementation, as well as to explore the reflection of the reform in Russian written sources. As a result, we investigated the discussion about the reforms development and decision-making in the context of implementing the abolition of serfdom in Russia. The reform took place in the conditions of increasing opposition between the landowner elite and the masses, which forced the architects of the reform to act very cautiously and covertly. A fairly high level of reform elaboration is shown. The confrontation between its supporters and opponents was reflected in the vast corpus of printed texts of newspapers and magazines of that time. To study the manifestations of this confrontation, we undertook a content analysis of Russian written sources of the XIX century relying on the Google Books Ngram Viewer technology. Based on that, the algorithm of project development and implementation of major reforms at the

regional and state level has been identified. These results can be refined and developed in the course of further scientific research, the possibility of using big data technology to study the reflection of political reforms through the written sources has been proved. The experience of this reform can be used to improve managing the institutional systems development in Russian society.

Keywords:

Russian Empire, institutional reform, serfdom, administration of reforms, discourse, social transformations, development, content analysis, public administration

Funding:

The article was prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Economics, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Research Center “Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, the topic of the research work is “Comprehensive research and development of the fundamentals of sustainable development management of the northern and border zones of Russia in the context of global challenges”.

Acknowledgments:

We thank Google Corporation for creating a unique free service for researching texts in Russian.

Введение

Происходящие процессы глобальной трансформации требуют проведения фундаментальных преобразований в Российской Федерации. При планировании и реализации новых институциональных реформ необходимо учитывать исторический опыт. Процесс отмены крепостного права в России изучался множеством историков, экономистов, социологов и правоведов, но мало исследован с точки зрения организации подготовки и реализации реформы как социального когнитивного дискурса, процесса обсуждения и проектирования преобразований, происходивших в элитных сообществах, «секретных комитетах» русских царей. Выявление структуры этого дискурса представляет собой интерес как для политической и социальной наук, так и для органов управления масштабной институциональной и экономической реформой огромной страны. Цель настоящей работы – выявить на основе аналитического обзора комплекса научных и научно-популярных источников основные этапы проектирования и реализации реформы, методы управления выполнением реформы, способы управления государственными и региональными административными структурами, а также исследовать посредством дискурс-анализа отражение хода реформы

в российской письменной культуре. Нами использовался метод аналитического обзора различных источников (научных, юридических, публицистических, мемуарных), на основании которого был выбран ряд N-грамм (последовательностей слов), характерных для обсуждения реформы крепостного права. Затем с использованием отобранных N-грамм с помощью сервиса Google Books Ngram Viewer был проведен контент-анализ печатных текстов периода обсуждения и отмены крепостного права. Использовались публикации дореволюционного, советского и современного периодов. К результатам работы следует отнести исследование исторической и административной структуры процесса подготовки, а также дискурса обсуждения и реализации отмены крепостного права в России. К сожалению, следует отметить, что крайне желательное применение более широкого круга методов исторической науки, сделало бы объем статьи неприемлемым для журнальной публикации.

Подготовка отмены крепостного права, названная позже «великой реформой», заняла около полувека, возможно, и более, если считать от запрета работорговли в Крыму в 1783 г. Три императора участвовали в ее подготовке и проведении: Александр I, Николай I и Александр II. Да, реформа длилась невероятно долго, и ее результаты были подвергнуты самой разнообразной критике, но крестьяне все же были освобождены, а страна при этом не была разрушена. С позиций государственного проектирования институциональных изменений «великая реформа» была организована несравненно лучше так называемой горбачевской «перестройки». В. А. Томсинов писал уже в наши дни: «Таким образом, Россия стоит в настоящее время, как и полтора столетия назад, на пороге эпохи ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» (Томсинов, 2013, с. xiv). Сейчас, десять лет спустя, спорить с этим уже невозможно, поэтому очень важно осмыслить организационные технологии и социальные результаты прошедших реформ.

Широко распространенный тезис о «косном царском правительстве и бездарных русских генералах» при ближайшем знакомстве с обширным массивом исторических документов оказывается пропагандистским штампом. Взять хотя бы «Программу занятий губернских дворянских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян» (далее – «Программа»), регламентирующую проведение обсуждения реформы по всей России, организация которой вполне соответствует популярному в наше время направлению коммуникативного планирования (см., напр.: Kivits, Sawang, 2021). Организация в те времена дворянских комитетов в значительной степени предвосхищала собой проведение собеседований посредством метода фокус-групп, разработанный Р. Мертоном в 40-х гг. XX в. (Левинсон, Стучевская, 2003), опережая Европу и демократические США почти на 100 лет.

Всего в России были созданы 48 губернских дворянских комитетов, которым было предложено ответить на вопросы «Программы», касающиеся деталей организации отмены крепостного права таким образом, чтобы она произошла с минимальными потерями. Губернские комитеты должны были представить свои предложения в Главный комитет, причем, отдельно предложения поступали как от большинства, так и от меньшинства комитета, так что Главный комитет

получал «стереоскопическое» представление о настроениях дворянства всей страны.

Следует согласиться с Т. В. Андреевой, которая писала: «...акцентированная дидактичность опыта бюрократически управляемого процесса преобразований на фоне общественной дискуссии о модернизации России в XXI в. определяет нынешнюю актуализацию истории российских реформ, о чем свидетельствуют многочисленные конференции в столичных и провинциальных городах» (Андреева, 2014, с. 202). Но при этом, как писал И. А. Христофоров, нужно помнить следующее: «...изолированный анализ инфраструктурных проблем вряд ли способен был объяснить зигзаги правительственного курса. <...> Для этого нужен был анализ идеологического пространства, в котором в разное время разворачивалось “проектирование” крестьянской реформы» (Христофоров, 2011, с. 9). То есть, исследования дискурса, истории мысли, диалога между действующими лицами истории, которые все же не движутся по кругу, а ведут к накоплению знания, к развитию образа желательного будущего, имеют свое значение, потому что всякое важное человеческое действие (даже ошибочное) является результатом мышления.

Результаты исследования

Теоретические основы исследования. Аналитический обзор литературы, освещающей различные этапы масштабных социально-экономических процессов, причем в условиях отсутствия одной заранее выбранной методологической научной парадигмы, является сложной теоретической задачей, которую можно определить как «интерпретацию подборки опубликованных и/или неопубликованных документов, доступных из различных источников по конкретной теме, оптимально включающую в себя обобщение, анализ, оценку и синтез документов» (Onwuegbuzie et al., 2012). Требуется выявить, что было предпринято и что необходимо предпринять, определить переменные, имеющие отношение к теме, выявить взаимосвязи между теорией/концепциями и практикой, выделить образцовые исследования, избегая ненужных повторений, определить основные исследовательские методологии и проекты, которые были использованы, выявить противоречия и непоследовательности, определить сильные и слабые стороны исследовательских подходов (Onwuegbuzie et al., 2012). Более того, изучение достаточно сложной проблемы часто заставляет исследователя отойти от своих исходных представлений и обратиться к фундаментальной теории в поисках более подходящих инструментов анализа. Объект влияет на своего исследователя. В итоге нам пришлось совершить несколько циклов движения от исторических источников к способам их интерпретации и обратно, но уже с новым видением и пониманием, то есть пройти то, что на языке методологии называется герменевтическим кругом (Русакова, 2000, с. 123).

«Великая реформа», как называли отмену крепостного права в России XIX века, вызвала волну исследований, которые продолжают до настоящего

времени. Имеется огромное количество научной литературы, посвященной этим преобразованиям. Изучены мельчайшие подробности, включая архивные материалы и даже частную переписку (которая, однако, открывает истоки многих важных решений).

Однако работ, посвященных изучению того, как проектировалась сама реформа, очень немного (Захаров, 2011; Христофоров, 2011). Нашей целью являлось рассмотреть историю преобразований именно с точки зрения их обсуждения и последующей организации. Хотя, на первый взгляд, процесс подготовки реформ проходил достаточно хаотично, прерывался на многие годы, а затем возобновлялся опять, в нем, тем не менее, прослеживается определенная преемственность и систематичность, обусловленная характером дискурса, коммуникативными особенностями акторов, участвующих в обсуждении проблемы, историческим контекстом и фактором времени (van Dijk, 1998; Swales, 2017).

Здесь следует уточнить, что мы понимаем под понятием «дискурс». Среди множества определений нам ближе трактовка дискурса, понимаемого как речь, «погруженная в жизнь» (Макаров, 2003, с. 88), но не только «погруженная», но и влияющая на ее течение. С позиции концепции идеоматериальных полисистем (Сухарев, 2023) дискурс – это не процесс, происходящий между людьми, а процесс, происходящий в идеальном слое системы, состоящей из людей. Похожий подход встречается в работе Е. Борг (Borg, 2003). Так, И. А. Христофоров отмечает: «Конкурировали (порой в сознании одних и тех же людей) именно модели восприятия, образные и идеологические системы» (Христофоров, 2011, с. 9).

В отличие от теорий политического дискурса (напр.: ван Дейк, 2013, с. 16) в настоящей статье мы сосредоточились не на дискурсе между властью и обществом, а на дискурсе, происходящем внутри власти при производстве дискурса (Kuswandro et al., 2020), и только во вторую очередь – на отражении внутреннего элитного дискурса в общественном мнении. Важно понимать, что реакция общества учитывалась царем и его окружением при проектировании реформы, что внешний дискурс влиял на внутренний, что существовала и обратная связь. Следующей целью исследования было изучение того, как этот процесс отражался в письменных (конкретно – печатных) текстах рассматриваемого нами периода. Конечно, проводимое нами исследование ни в коей мере нельзя считать исчерпывающим; это только начальный опыт использования нового методологического инструмента.

В настоящее время благодаря работе специалистов Google существует база оцифрованных печатных текстов (590 тыс. текстов) на нескольких языках, включая русский (Масевич, Захаров, 2017). Это дает нам возможность увидеть, как часто в различных публикациях использовались характерные слова и словосочетания (N-граммы, определенные последовательности знаков), связанные с обсуждением подготавливаемых или уже проводящихся реформ. Конечно, сами разработчики и исполнители реформ в то время тоже следили за прессой, и иногда активизация обсуждений заставляла их приостанавливать ход реформ или даже вносить в них изменения.

В приведенных графиках по горизонтали указаны года, которыми датированы письменные источники, а по вертикали – частота появления фразы, заданной поисковой системе Google, по отношению к общему количеству слов в текстах этого времени.

Иногда оказывается, что кривая N-граммы начинает идти вверх раньше исследуемого события, это объясняется сглаживанием (усреднением) данных за некоторый период времени, которое производится программным обеспечением Google, иначе кривая превратилась бы в набор трудно читаемых пиков и провалов. Мы в данном исследовании использовали минимальное сглаживание (обозначено в Google цифрой 1). Обратим также внимание на то, что правила орфографии в исследуемый период отличались от современных; для согласования современного и дореволюционного написания мы использовали сервис «Славяница» (<http://slavenica.com>).

Долгая история реформы. А. И. Дживелегов в своей статье, опубликованной в 5-м томе «Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», отмечал: «Русского мужика освобождали дворяне и от того освободили так плохо. Иначе не могло быть. Помещиками руководили соображения экономической выгоды, бюрократией мотивы государственной пользы и безопасности. У лучших из деятелей реформы основа взглядов складывалась не из идейного увлечения, а именно из сознания необходимости, такой или другой»¹.

Англоязычные исследователи, которым тоже принадлежит ряд работ по российской реформе, затрудняются определить, как вообще идея об освобождении крестьян могла появиться в русском высшем обществе, которые сами владели крепостными. «Основной вопрос, на который пытаются ответить в своих исследованиях британские и американские историки отмены крепостного права, был сформулирован Д. Филдом: “Как такая реформа могла появиться при таком режиме?”» (Большакова, 2011, с. 201).

Однако внимательное изучение источников показывает, что именно российские императоры в нескольких поколениях были носителями этой идеи (дискурса). Еще Екатерина II через Вольное Экономическое общество в 1765 г. предложила для обсуждения вопрос о том, что выгоднее для России: крепостной или свободный труд, и премировала автора, решившего вопрос в пользу преимуществ свободного труда (Греков, 1940, с. 82).

Ответ на этот вопрос кроется, вероятно, не в каких-то личных настроениях царей, а в осознанной государственной необходимости. «Государство только этим путем могло протянуть руку к живому источнику народного труда и, черпая в этом источнике, поставить на правильную ногу свои финансы. Ибо отныне, по крайней мере, согласно теоретическим предвидениям, значительная доля крестьянских ресурсов, поглощавшихся неправильной, часто хищниче-

---

¹ Дживелегов, А. И. (1911). Николай Алексеевич Милютин. В *Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 5, с. 68). Москва: Т-во Сытина.

ской помещицей эксплуатацией, должна была идти на потребу государства. Государство просто поняло, что ему незачем делиться с помещиком, когда оно может захватить гораздо больше», – писал в своей статье о Н. А. Милютине признанный знаток реформы А. И. Дживилегов².

И дело здесь не в жадности царей, а в жизненной необходимости резко увеличить государственные расходы на развитие инфраструктуры России (железные дороги, шоссе, морские порты и т.д.) и армии, особенно артиллерии и морского флота, что со всей ясностью предстало перед правителями после неудачной Крымской войны, и еще раньше – после войны с Наполеоном, в ходе которой пришлось даже сдать Москву.

В работе У. Сандерленда (Sunderland, 2019, p. 445–446) представлена весьма подробная таблица многочисленных шагов российского правительства, связанных с положением подневольных людей; приведем здесь ее сокращенный русский перевод.

Указы и договоры, касающиеся отмены (ограничения) крепостничества и рабствования в России, на Атлантическом и Черном морях

1797	Ограничение барщины в России
1803	«Закон о вольных землепашцах» (Россия)
1804	Запрет на работорговлю на грузинских землях
1815	Венский конгресс 1815 года: Россия подписывает «Декларацию 8 держав о прекращении торга неграми»
1816	Освобождение крепостных в Эстонии
1817	Освобождение крепостных в Курляндии (Латвия)
1819	Освобождение крепостных в Ливонии
1819	Постановление о том, что казахские дети, купленные в качестве рабов, находятся в пожизненном, а не наследственном рабстве
1841	Пятисторонний договор 1841 года [«Договор между Великобританией, Австрией, Францией, Пруссией и Россией о пресечении работорговли в Африке»]
1847	Закон 1847 года, позволяющий крепостным выкупать свою свободу при продаже помещичьего имения
1857	Рескрипт Назимова 1857 года (Литовские губернии)
1861	Освобождение крепостных в России в 1861 году (44 губернии; в основном центральная и южная Европейская часть России, но также и Сибирь)
1863–1866	Освобождение государственных крестьян (Европейская Россия)
1864–1883	Освобождение крепостных в Грузии, Бессарабии, Армении и Азербайджане

Из приведенной таблицы видно, что множество актов по борьбе с рабством и ограничению крепостного права совершались задолго до реформы 1861 года,

² Там же, с. 76.

и под всеми ними лежит скрытый когнитивный процесс, который шел в высших кругах империи.

Еще Екатерина II задумывалась об отмене крепостного права, существует много свидетельств о том, что и Александр I был сторонником введения конституции и освобождения крестьян. Однако он полагал, что дворяне-помещики к этому еще не готовы и что широкое обсуждение вопроса возбудит читающее общество (в то время в основном дворянское) и вызовет противодействие.

Идея создания плана развития российского государства появилась в 1802–1804 гг. в записках М. М. Сперанского, написанных по заказу Александра I (Андреева, 2019). Однако по результатам войны 1812 года в состав России вошли новые территории (в том числе, столь большие, как Польша), политическое устройство которых заметно отличалось от российского. Александр I понимал, что попытки их унификации встретят сильное сопротивление, кроме того, их относительную автономию Россия обязалась соблюдать по решениям Венского конгресса. Но, что еще существеннее, Александр I считал, что включение территорий с более современным институциональным устройством поможет постепенно распространить этот исторический опыт на остальную Россию.

Вот что пишет С. В. Мироненко по поводу выступления Александра I 15 марта 1818 года при открытии польского Сейма в связи с дарованием Конституции Польше, недавно вошедшей в состав России: «Образование, существовавшее в вашем краю, – говорил Александр, обращаясь к членам сейма, а в сущности, ко всей империи, – дозволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить на все страны, моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приурочиваю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости» (Мироненко, 1990, с. 19–20).

Посмотрим, как это выступление Александра I отразилось в российской печати (см. Рисунок 1). Интересно, что русское общество намного сильнее реагировало на введение Конституции во Франции (1800 и 1870 гг.), чем на выступление собственного императора, возможно, потому что оно произошло не в Санкт-Петербурге, а в польском сейме. Небольшой пик в районе 1820 года, однако, имеется. Возможно также, что российским журналам не рекомендовали обсуждать эту тему.

После смерти Александра I его наследник Николай I в 1826 г. поручил Сперанскому суммировать результаты разработки реформ, сделанные при жизни Александра; он считал себя обязанным их продолжить. Сперанский писал, что следует совместными усилиями верховной власти и представителей просвещенной бюрократии разработать план действий и создать для этого специальное государственное учреждение. По его мнению, было необходимо: 1) проанализировать все проекты с предложениями, поступающие на высочайшее имя; 2) отобрать в них «лучшие правила», привести их в систему и на их основе составить «коренные законы»; 3) выявить тактические средства, способствующие введению их в действие (Андреева, 2019).

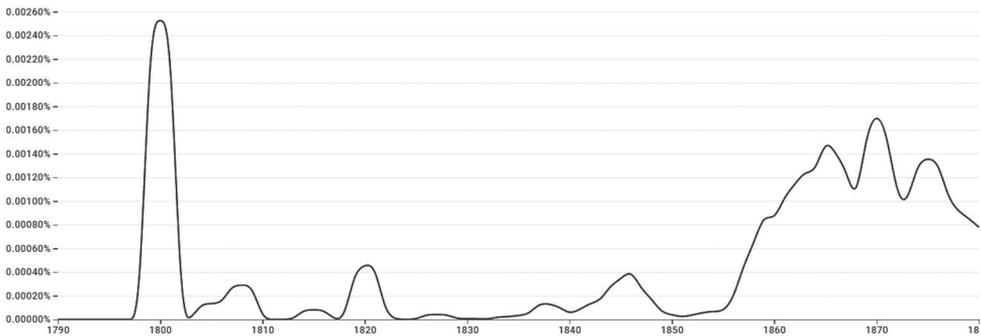

Рисунок 1 – Google Ngram «конституция», период 1790–1880

Figure 1 – Google Ngram “constitution”, period 1790–1880

Секретные комитеты Александра I и Николая I. Подготовка реформ (а отмена крепостного права была лишь одной из них, кроме нее подготавливались Земская реформа, Городская реформа, Реформа просвещения, Судебная реформа и ряд других) долгое время шла в так называемых «секретных комитетах» с тем, чтобы не вызывать преждевременного «брожения умов».

Примерно в 1818–1820-х гг. Александр I поручил графу Н. Н. Новосильцеву подготовить проект русской конституции (Уставная грамота Российской империи), который в дальнейшем не был использован (Шеститко, 2019, с. 30–31).

В те же годы под руководством министра финансов А. Д. Гурьева начал разрабатываться проект крестьянской реформы. Для разработки был создан специальный Секретный комитет – первый среди подобных комитетов XIX в. В конце 1819 г. набросок плана реформы был готов. Но он не получил одобрения императора и поэтому не был завершён (Шеститко, 2019, с. 71).

Проект освобождения крестьян готовился в величайшей тайне под руководством А. А. Аракчеева, и в феврале 1818 г. один из вариантов этого проекта уже был передан императору (Мироненко, 1990, с. 69).

По N-грамме мы можем видеть, что российскому правительству удалось поддерживать секретность: до 1860 г. словосочетание «секретный комитет» встречалось довольно редко (см. Рисунок 2).

После преждевременной смерти Александра I 1 декабря 1825 г. на трон взошел Николай I, который желал продолжить реформы, планировавшиеся Александром. Для этого был создан новый специальный комитет, который получил в дальнейшем общеупотребительное название по дате своего создания «Комитет 6 декабря 1826 года», целью которого было «собрать все сведения о тех предположениях, кои в Царствование блаженныя памяти Императора Александра I были в виду и занимали, как прежний Государственный Совет, так и ныне существующий». Среди этих бумаг были и предложения по крепостному праву, о чем сообщал в своей докладной записке граф Кочубей: «Вашему Императорскому Величеству угодно было, чрез Генерала от инфантерии Графа Толстаго, изъявить Высочайшую волю, чтоб Комитет 6 Декабря 1826 года занялся рассмотрением,

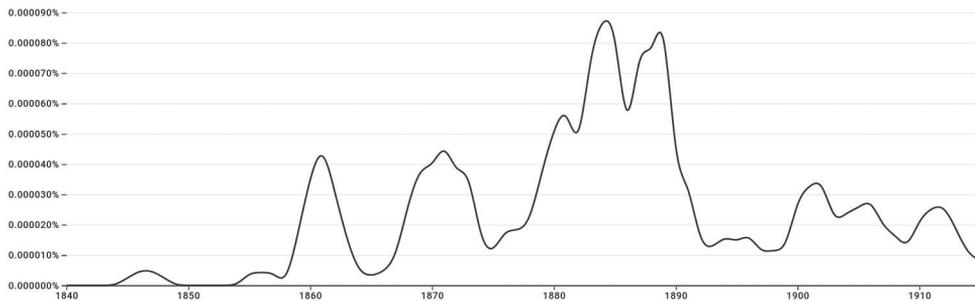

Рисунок 2 – Google Ngram «секретный комитет», период 1840–1915

Figure 2 – Google Ngram “secret committee”, period 1840–1915

какое законоположение сделано быть может, о прекращении личной продаже людей»³.

В Российской империи того времени разнообразие устройства входящих в нее регионов (губерний, областей, княжеств и т.д.) было намного больше, чем в СССР и современной России. Различались местные законы, некоторые регионы даже сохраняли собственные валюты и особые органы власти (Польша, Финляндия). Касалось это и крепостного права. В присоединенных к России губерниях, ранее входивших в состав Польши, большая часть помещиков имели польское происхождение и были католиками, в то время как крепостные были православными русскими и украинцами. Это обостряло отношения между ними, и губернаторы, представлявшие русского царя, часто оказывались на стороне крестьян, возможно потому, что помещики были поляками и католиками.

Киевский губернатор Д. Г. Бибиков обратился к царю с предложением ввести так называемые инвентари, в которых фиксировалось состояние помещичьих хозяйств, в том числе земли, которой пользовались крестьяне. Интересно, что для введения инвентарей были созданы губернские комитеты, которые должны были не только составлять эти документы, но и формировать принципы их составления. Это следует рассматривать как дискурс между высшей и региональной ветвями власти. Комитеты начали создаваться с 15 апреля 1844 г. в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Волынской и Подольской губерниях⁴. 26 мая 1847 г. положение об инвентарях было утверждено царем, оно значительно уменьшало произвол помещиков по отношению к своим крестьянам. Было запрещено уменьшать количество земли в пользовании крестьян, ограничена барщина, количество работ ограничено урочным положением.

³ Бумаги [Особого секретного] комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 Декабря 1826 года. (1894). В *Сборник Императорского Русского Исторического Общества* (Т. 90, с. 360). Санкт-Петербург: Гос. тип.

⁴ Василенко, Н. П. (1911). Крестьянский вопрос в юго-западном и северо-западном крае при Николае I и введение инвентарей. В *Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 4, с. 94–109). Москва : Т-во Сытина.

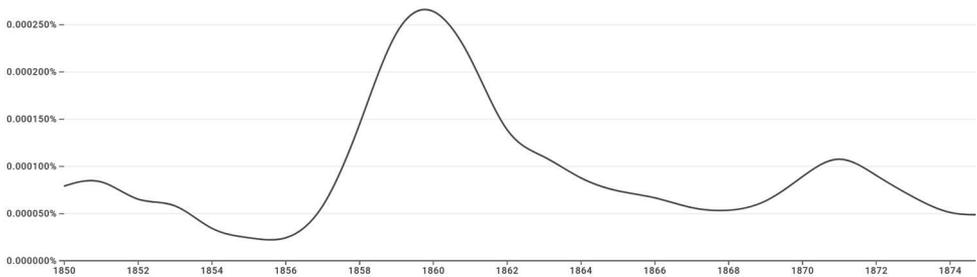

Рисунок 3 – Google Ngram «инвентари», период 1850–1875

Figure 3 – Google Ngram “inventory”, period 1850–1875

Американский исследователь У. Сандерленд считает, что важной частью культурных перемен в России XIX в., подготавливающих отмену крепостного права, был перевод распространенной во всем мире книги Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (более 67 изданий в период с 1857 по 1917 г.), а также публикация книги И. Тургенева «Записки охотника» (Sunderland, 2019, p. 448).

Приведем N-граммы названий этих книг:

Рисунок 4 – Google Ngram «Хижина дяди Тома», период 1840–1875

Figure 4 – Google Ngram “Uncle Tom's Cabin”, period 1840–1875

N-грамма подтверждает значительный интерес российской публики к этой книге, обострившийся в период подготовки и проведения реформы.

Рисунок 5 – Google Ngram «Записки охотника», период 1835–1875

Figure 5 – Google Ngram “Notes of a hunter”, period 1835–1875

Мы видим пик интереса в период публикации книги в журнале «Современник» (1847–1851 гг.), а затем, после непродолжительного спада, еще более повышающийся в годы, предшествующие реформе. Пик 1870 года связан, вероятно, с проходившей в это время реформой городского самоуправления. Интересно, что эти N-граммы заметно коррелируют друг с другом в период 1840–1865 гг.

Сандерленд приводит также интересные данные о том, что в каталоге библиотеки Комитета, которому царь Александр поручил разработать закон 1861 года, перечислено около 600 иностранных работ в основном на немецком, французском и английском языках. Работы включают тридцать два названия, относящиеся к освобождению крепостных в Пруссии и землях Габсбургов, переданных Комитету в дар из личной библиотеки великой княгини Елены Павловны (Sunderland, 2019, p. 448). По другим данным, в библиотеке Комитета было около 1000 работ (Джаншиев, 2008, с. 223).

Это подтверждает наш тезис о том, что реформа готовилась вполне основательно и даже на определенном научном уровне, которого явно не доставало реформам 1985–1991 гг. в СССР.

Крымская война. Поражение в Крымской войне привело российское общество, включая его политическую элиту, к пониманию необходимости модернизации всей системы общественного устройства.

Позволим себе обширную цитату из многотомника «Великая реформа», уж очень глубоким чувством она наполнена: «Тотчас после падения Севастополя Юрий Самарин писал: “С самого начала восточной войны, когда еще никто не мог предвидеть ее несчастного исхода, громадные приготовления наших врагов озабочивали людей, понимавших положение России, гораздо меньше, чем наше внутреннее неустройство. События оправдали их опасения. Мы сдались не перед внешними силами Западного Союза, а перед нашим внутренним бессилием. Это убеждение, видимо проникающее всюду, досталось нам дорогой ценою, но мы готовы принять его, как достойное вознаграждение за все наши жертвы и уступки”. <...> В записках Кошелева читаем: “Высадка союзников в Крым в 1854 г., последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя нас не слишком огорчили; ибо мы были убеждены, что даже поражения России сноснее для нее и даже полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время. Общественное и даже народное настроение, хотя отчасти бессознательное, было в том же роде”. И действительно, в то время люди самых различных положений, направлений и настроений, словно сговорившись, в один голос указывали в своих письмах на то, что из развалин Севастополя должно будет подняться обновление и возрождение к лучшей жизни всей России. Так, в одном письме Ивана Серг. Тургенева от 5 сентября 1855 г. также читаем указание на то, что падение Севастополя должно стать для России тем, чем стало для Пруссии поражение при Иене»⁵.

⁵ Кизеветтер, А. А. (1911). Русское общество и реформа 1861. В *Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 4, с. 113–114). Москва: Т-во Сытина.

Именно неудачи крымской войны положили конец многолетним колебаниям императора и окружающей его российской элиты по проведению реформ; более того, они почувствовали, что и более широкий слой городского общества, и даже далекий от политики народ уже не просто ждут, но требуют начала спасительных реформ.

Рисунок 6 – Google Ngram «реформы», период 1830–1930

Figure 6 – Google Ngram “reforms”, period 1830–1930

На N-грамме можно видеть огромный рост употребления слова «реформы» после 1855 г.; этот запрос на реформы не прекратился и после 1861 г., и даже после всех действительно глубоких реформ Александра II, достигнув максимума после русско-японской войны и революции 1905 года. Может быть, именно определенная успешность этих преобразований вызывала у общества желание продолжать и углублять реформы, достигая лидерства России во всем мире. Однако общество не понимало цены реформ, не понимало, что для усвоения реформ требуется время, и немалое. Россия вошла в Первую мировую войну в состоянии незавершенной реконструкции и государства, и народа.

Популярность реформ резко упала после революции 1917 года и Гражданской войны в России, когда, с одной стороны, количество произведенных реформ уже превысило все мыслимые пределы, а с другой – количество реальных дел и темпы роста начали удовлетворять самые смелые ожидания. Это был период, когда даже многие белые эмигранты простили большевикам революцию и войну, поскольку результатом стало восстановление и усиление Российской империи, пусть и в новой форме.

Начало реформы 1861 года. Первое официальное заявление по крестьянскому вопросу Александр II сделал 30 марта 1856 г. В речи, обращенной к московскому дворянству, он заявил: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить всем вам, что я не имею намерения сделать это сейчас. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнет уничтожаться снизу. Прошу вас,

господа, подумать, как бы привести все это в исполнение. Передайте слова мои дворянам для соображения»⁶.

В конце того же года министр внутренних дел доложил царю, что все обращения к дворянству не дали результата, фактически дворяне отмалчивались. Тогда решено было учредить специальный секретный комитет под руководством самого царя. 3 января 1857 г. состоялось первое заседание этого комитета. Объяснив присутствовавшим, что проблема крепостного права давно уже занимает правительство, Александр II обратился к членам комитета с вопросом: следует ли немедленно принять меры по освобождению крестьян? Присутствовавшие единогласно ответили, что крепостное право есть зло, и для блага государства необходимо немедленно приступить к обсуждению принципов, на которых может быть проведено освобождение, но при том постепенно и без резких поворотов⁷.

Летом 1857 г. Александр II был за границей и встречался с королем Пруссии Вильгельмом и бароном Гакстгаузенем, автором известной книги о русской сельской общине, которые укрепили царя в решимости отменить крепостное право (Джаншиев, 2008, с. 103).

Однако работа комитета, в котором оказалось множество явных и скрытых противников реформы, практически свелась к бесплодным прениям, и тогда в августе 1857 г. царь включил в состав комитета своего брата, великого князя Константина Николаевича, который был явным сторонником реформы. В результате после заседаний 16, 17 и 18 августа комитет решил сделать свои постановления, настолько осторожные, что слова «освобождение крестьян» были заменены неопределенным выражением «улучшение быта помещичьих крестьян» (Джаншиев, 2008, с. 142).

Заметим, что перемещение знаковых фигур в административных структурах непременно является частью администрирования процесса преобразований. Административное сообщество очень чутко реагирует на эти сигналы высшего руководства.

Не сразу, но N-грамма «улучшение быта помещичьих крестьян» проникла в комплекс русских печатных текстов; то, что кривая начинает идти вверх раньше 1857 г., объясняется сглаживанием (усреднением) данных программного обеспечения Google, иначе кривая превратилась бы в набор пиков и провалов (см. Рисунок 7).

Примерно в это же время дворянство Могилевской губернии обратилось к царю с ходатайством об отмене там крепостного права с тем, чтобы не проводить уже ненужную инвентаризацию, которая отнимала много времени и сил. Еще одной причиной этого обращения исследователи называют то, что дворяне западных губерний были более готовы переходить к рыночным отношениям, чем дворяне центральной России. Однако они предполагали освобождение крестьян

⁶ Вишняков, Е.И. (1911). *Ход крестьянской реформы. Начало законодательных работ. В Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 4, с. 139). Москва: Т-во Сытина.

⁷ Там же, с. 140–141.

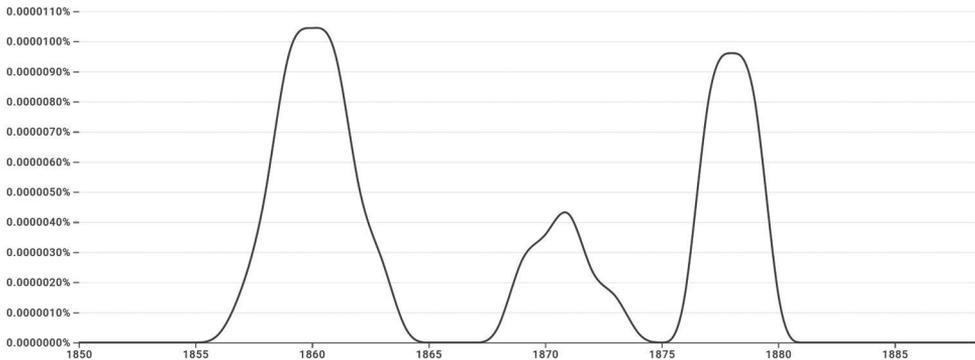

Рисунок 7 – Google Ngram «улучшение быта помещичьих крестьян», период 1850–1890. Пик 1878 г. – реакция крестьян и общества на русско-турецкую войну, которая обострила «крестьянский вопрос» (Буганов, 1987)

Figure 7 – Google Ngram “improving the life of the peasant peasants”, the period 1850–1890. Peak of 1878 – reaction of peasants and society to the Russian-Turkish war, which aggravated the “peasant question” (Buganov, 1987)

без земли, земля должна была остаться в собственности помещиков. Крестьянам не оставалось бы ничего иного, как наниматься к ним на работу батраками.

На заседании комитета 23 ноября 1859 г. Ростовцев сказал: «Я уверен, что, если у крестьян совсем отрезать землю, будет пугачевщина (я говорю это между своими в дружеском обществе), и не могу не предвидеть в таком случае страшных обстоятельств и страшных потрясений, которые ожидают бедную Россию...»⁸.

Поэтому на ходатайство Александр II ответил известным рескриптом от 20 ноября 1857 г. на имя генерал-губернатора литовских губерний В. И. Назимова, в котором предлагал создать губернские дворянские комитеты и общую комиссию в Вильно для обсуждения «улучшения быта помещичьих крестьян». Царь понимал, что освобождение крестьян без земли грозит бунтами или даже «пугачевщиной». Поэтому по его настоянию в принципы освобождения было включено наделение крестьян землей, но с выкупом у помещиков (для их успокоения), однако с рассрочкой на длительный период (это в пользу крестьян – немногие могли выкупить эту землю немедленно).

Основания освобождения должны были быть следующими:

«1) Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется приусадебная земля, которую они должны выкупить в течение определенного времени; сверх того, им должна была предоставляться необходимая для жизни и выполнения обязанностей перед правительством и помещиком количество земли, за которое они или платят оброк или отбывают работу помещику.

2) Крестьяне должны быть распределены по сельским общинам, которые несут ответственность за своих крестьян, помещикам же предоставлялась вотчинная полиция, – и

⁸ Дживелегов, А. И. (1911). Николай Алексеевич Милютин (с. 75).

3) При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть обеспечена уплата государственных и земских податей и денежных сборов»⁹.

Дживелегов сообщает одну интересную особенность произошедшего: предполагалось, что копии рескрипта будут разосланы всем губернаторам и губернским предводителям. При этом «крепостническая партия, которая всячески старалась оттянуть решительный приступ к реформе, которая с большим аппетитом приспособилась, чтобы похоронить ее в секретном комитете, приняла меры к тому, чтобы рескрипт не был опубликован, но Ланской с Милютиным, предвидя это, в одну ночь отпечатали его (и разослали с почтой. – М. С., Г. К.), и когда утром пришло приказание не рассылать, было уже поздно»¹⁰. Это привело к огромному усилению взаимодействия между внутренним дискурсом власти и общественным дискурсом по отношению к крепостному праву.

9 декабря 1857 г., принимая петербургских дворян, государь уже лично повторил им, что считает неотложным делом разрешение крестьянского вопроса. После этого намерения правительства стали слишком известны, и 17 декабря документы 20 ноября и 5 декабря были опубликованы в газетах¹¹.

8 января 1858 г. (информация об этом была опубликована лишь 18 февраля) секретный комитет был преобразован в «Главный Комитет по крестьянскому делу для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии» и 4 марта при Министерстве внутренних дел был открыт «Земский отдел центрального статистического комитета»¹².

Важную роль в ходе реформы сыграло путешествие Александра II по России в августе – сентябре 1858 г. В разных губерниях царь встречался с дворянами, обещая при окончательном обсуждении реформы в Главном Комитете вызвать в Петербург по два дворянских депутата от губернии, но в то же время выражал свою желание совершить освобождение крестьян. Это решительное заявление царя положило конец колебаниям и сомнениям дворянства. В эту поездку император увидел, что со стороны дворянства нельзя ожидать особенно сильной оппозиции, потому что среди этого сословия есть много лиц, понимающих необходимость реформы. Успокоился государь и относительно настроений простого народа, который всюду встречал его как инициатора освобождения. В половине октября государь вернулся в Петербург с уверенностью в успехе начатого дела¹³.

После этого Главный комитет начал ускоренно работать над проведением реформы. Важной особенностью, как бы не характерной для самодержавного типа правления в России, был этап проведения широкого обсуждения реформы

⁹ Вишняков, Е. И. (1911). *Ход крестьянской реформы...* (с. 144).

¹⁰ Дживелегов, А. И. (1911). *Николай Алексеевич Милютин* (с. 78).

¹¹ Вишняков, Е. И. (1911). *Ход крестьянской реформы...* (с. 146).

¹² Вишняков, Е. И. (1911). *Главный комитет и редакционные комиссии. В Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 4, с. 166). Москва: Т-во Сытина.

¹³ Там же, с. 170.

во всех губерниях России, где для этого создавались «губернские дворянские комитеты», которые на своих заседаниях должны были обсудить план проведения реформы и дать результаты своих обсуждений в виде письменных материалов, которые должна была собрать специальная Редакционная комиссия при Главном комитете.

О причинах этого решения Е. Вишняков писал: «При работах комиссии решено было допустить широкую гласность с тем, чтобы, по выражению Ростовцева, “призвать на помощь общее участие, которое прольет свет на каждую оставшуюся в тени сторону вопроса, дополнить недостающие факты и исправит во-время каждую ошибку комиссии”. В целях гласности решено было журналы и труды комиссии печатать в значительном количестве экземпляров... Редакционная комиссия заняла очень своеобразное положение среди других учреждений. ...она на самом деле через своего председателя Ростовцева, пользовавшегося неограниченным доверием Александра II, была подчинена непосредственно самому государю»¹⁴.

П. Зайончковский писал: «Губернские комитеты начали свою деятельность в 1858 г. Первым приступил к работе Петербургский комитет (14 января), последним – Оренбургский (11 декабря). Созыву губернских комитетов предшествовали уездные съезды, на которых дворяне избирали своих представителей, а также высказывали точку зрения на предстоящую подготовку проекта реформы» (Зайончковский, 1968, с. 93).

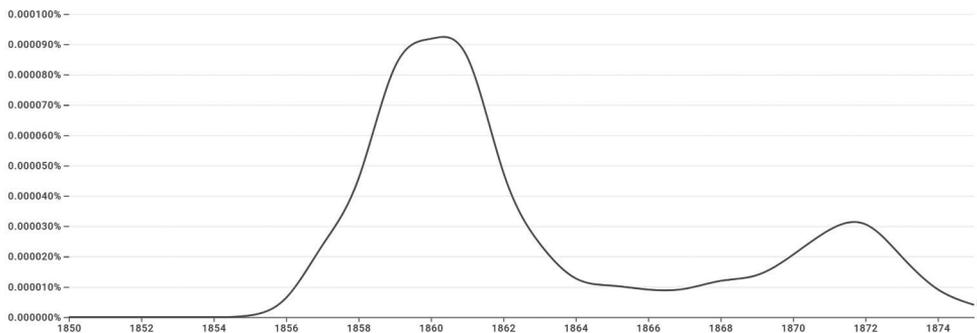

Рисунок 8 – Google Ngram «губернские комитеты», период 1850–1875

Figure 8 – Google Ngram “provincial committees”, period 1850–1875

Пик 1872 г. вызван, возможно, обострением обсуждения результатов крестьянской реформы после революции во Франции.

Для обеспечения работы губернских дворянских комитетов были разработана весьма подробная инструкция, известная как «Положения 19 февраля», опубликованные в 1861 г. в виде сборника объемом 360 страниц¹⁵.

¹⁴ Там же, с. 175.

¹⁵ Вормс, А. Э. (1911). Положения 19 февраля. В *Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем* (Т. 6, с. 10–11). Москва: Т-во Сытина.

Рисунок 9 – Google Ngram «Положения 19 февраля», период 1855–1880
Figure 9 – Google Ngram “The position of February 19”, the period 1855–1880

Рост употребления фразы «положения 19 февраля» начался до 1860 г., ускорился после публикации в 1861 г. и достиг максимума 1863 г., когда процесс реформы уже набрал обороты и многим нужен был текст для практических действий. Пик 1871 г. вызван, возможно, активизацией общественного мнения в связи с событиями Парижской коммуны, пик 1877 г. – тем, что началось переосмысление результатов реформы, крестьяне остались без земли (в 1877 г. крестьяне владели всего 6,2 % российской земли). Интересно заметить, что Некрасов опубликовал последнюю часть «Кому на Руси жить хорошо» именно в 1876 г.

Результатом работы губернских комитетов оказались более 2000 печатных листов различных предложений, которые поступили в Главный комитет. Но Редакционные комиссии извлекали оттуда только то, что находили нужным по их усмотрению (Джаншиев, 2008, с. 230–231). Тем не менее, следует предполагать, что они получили важную информацию о том, чего желали бы помещики России и о том, чего они опасались и с чем были категорически не согласны.

Для проведения реформы в 1861 году были созданы «губернские по крестьянским делам присутствия». Их главными задачами были составление, проверка, и введение уставных грамот. На эту работу отводился год. В грамотах определялись отведенные крестьянам наделы и все повинности, натуральные и денежные, в пользу помещиков. Однако к марту 1862 г. в Главный комитет были представлены всего 9187 грамот, что было менее 3/10 необходимого общего числа.

Причиной отставания было огромное количество споров между помещиками и крестьянами как по количеству отводимой земли, так и по обязанностям крестьян в пользу помещиков за пользование этими землями¹⁶.

Для ускорения работы пришлось создать институт «мировых посредников», роль которых была в разрешении этих споров. Первоначально предпо-

¹⁶ Корнилов, А. А. (1911). Деятельность мировых посредников. В Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем (Т. 5, с. 239–242). Москва: Т-во Сытина.

лагалось, что посредники должны быть из дворян, но избираться крестьянами. Но затем «для ускорения процесса» выбор посредников был доверен губернаторам, но утверждались они Сенатом и не могли быть уволены без разрешения Сената.

Согласно циркуляру министра внутренних дел Ланского, мировые посредники должны быть примирителями интересов обоих сословий, ими не могут быть люди, которые заявили себя сторонниками интересов одного сословия или искателями штатных мест¹⁷.

После введения института мировых посредников число утвержденных уставных грамот начало быстро расти и, достигнув 57395 к августу 1862 г. и 97539 – к 12 марта 1863 г. Однако и это количество составляло 88,67 % общего числа душ, причем менее половины были подписаны крестьянами¹⁸.

Рисунок 10 – Google Ngram «мировые посредники + посредник», период 1850–1910
Figure 10 – Google Ngram “world intermediaries + mediator”, period 1850–1910

Н-грам показывает очень высокий уровень употребления выражения «мировые посредники» (на уровне 0,0003 % по сравнению с 0,00003–0,00007 в других н-грамах).

Осторожность (или даже нерешительность) в проведении крестьянской реформы в России привела к ее затяжному характеру, запаздыванию модернизации общества, высокому уровню недовольства народных масс и вышедших из этих масс разночинцев.

В результате доля земли в руках помещиков сократилась с 77,8 % в 1877 г. до 52,54 % в 1905 г., а у крестьян увеличилась с 6,2 % в 1877 г. до 12,78 % в 1905 г. Около 11% принадлежало крестьянским товариществам и обществам (разные формы не поделенной общинной земли). Еще 12,79% в 1905 г. владели купцы и почетные граждане¹⁹. И это при том, что дворян в России было 1220 тыс. чел, а крестьян – около 99 млн²⁰.

¹⁹ Рубакин, Н. А. (1912). *Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы* (с. 124). Санкт-Петербург: Изд-во «Вестника знания» (В. В. Битнера).

²⁰ Там же, с. 54.

Понятно недовольство этих 99 миллионов и результат отступления в 1916 г. плохо вооруженной и обмундированной армии, в основном состоящей из этих крестьян. Однако следует напомнить, что это произошло через пол века после реформы 1861 года.

В завершение своего исследования мы суммировали этапы отмены крепостного права в виде алгоритма проведения стратегических реформ, представленного на следующем рисунке.

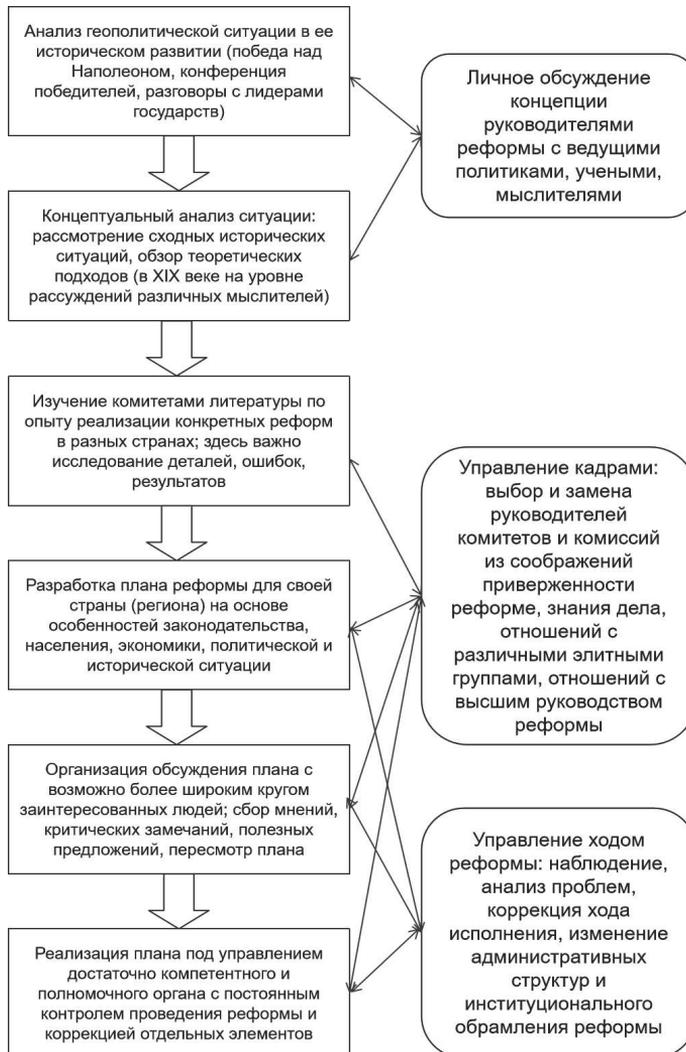

Рисунок 11 – Алгоритм планирования и схема дискурса стратегических реформ (разработан авторами)

Figure 11 – Algorithm of strategic reforms planning and chart of discourse (developed by the authors)

Заключение

Отмена крепостного права в Российской империи не зря была названа «Великой реформой». Это было принципиальное (формационное) изменение социально-экономических отношений, затрагивающее значительную часть (более 30%) населения страны, с одной стороны, крестьян, получавших свободу и землю, но за счет многолетних выплат и работ в пользу помещиков, обреченных на тяжелый труд и нищету и лишенных возможности развивать хозяйство, с другой – помещиков, которые теряли свой привычный образ жизни и постоянный доход. Изменялись сами экономические механизмы, внеэкономическое принуждение заменялось рыночными отношениями.

Готовилась эта реформа невероятно долго, более полувека, за это время сменились пять императоров России (начиная с Екатерины Великой). К ее разработке была привлечена целая плеяда выдающихся людей, изучен опыт проведения подобных реформ в целом ряде стран Европы, было проведено широчайшее по тому времени обсуждение реформы в губернских дворянских комитетах. Это был исторический внутренний диалог внутри высшей российской власти, внутриэлитный дискурс об опасных, но необходимых изменениях в устройстве государства.

Общим фоном подготовки реформы являлся постоянный страх императоров перед нарушением устойчивости правления, страх перед народными восстаниями, с одной стороны, и заговорами дворянских элит – с другой; мучительный поиск равновесия между этими силами, не раз потрясавшими русское государство. Эти колебания были прерваны внешней причиной – поражением в Крымской войне, которое показало категорическую необходимость модернизации государства, поскольку его очевидная слабость неизбежно вызвала бы новые попытки многочисленных соседей усилить себя за счет России.

Реформа была проведена, привела к началу освобождения крестьян, не вызвала ни слишком опасных бунтов, ни элитных переворотов. Но осторожность имела своей оборотной стороной слишком медленное развитие общества и экономики, вследствие которого Россия не успела завершить модернизацию к Первой мировой войне, начала терпеть поражение и в этих обстоятельствах не смогла избежать революции и гражданской войны

Казалось бы, ужасный результат, но территория бывшей империи была почти восстановлена и менее чем через десять лет после окончания гражданской войны Россия перешла к необычайно быстрому росту. Интересно сравнить этот результат с другим глобальным планом. В самом конце существования СССР была разработана «Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы», в разработке которой участвовали 46 ведущих научных институтов СССР. Эта программа готовилась на серьезном уровне, на основе практически полного знания обо всей тогда еще государственной экономике и научном потенциале страны.

Как же получилось, что начало реформ было назначено точно на год, когда СССР прекратил свое существование? Дело в том, что программа готовилась

в рамках советской парадигмы социально-экономического развития, а возможность смены самой парадигмы не рассматривалась и не могла рассматриваться. В отличие от этого, отмена крепостного права как раз учитывала смену парадигмы с феодальной на рыночную; может быть, именно поэтому Россия прожила после этого еще почти полвека относительно спокойно.

В наше беспокойное время гуманитарные науки России, включая науку администрирования, должны разработать очень широкую теорию управления стратегическими реформами, учитывая даже такие историко-философские аспекты, как возможная смена самых общих парадигм.

Перейдем к теме отражения хода крестьянской реформы в письменной печатной культуре России. Несмотря на закрытый характер подготовки реформы, эти обсуждения достигали более широких кругов и отражались в письменной культуре общества. В настоящее время существуют базы данных, содержащие оцифрованные тексты значительной части всех письменных источников того времени; по своему объему они относятся к категории так называемых больших данных. Использование этих данных может помочь в углубленных исследованиях политических процессов, происходящих в обществе в различные исторические периоды, в том числе на региональном уровне.

Список литературы

1. Андреева, Т. В. (2014). Власть и реформы в России в первой половине XIX в.: историография конца XX – начала XXI в. *Петербургский исторический журнал*, (2), 202–238. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00035>
2. Андреева, Т. В. (2019). Записка М. М. Сперанского о создании Комитета 6 декабря 1826 года. *Петербургский исторический журнал*, (4), 252–271. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2019-00084>
3. Большакова, О. В. (2011). Отмена крепостного права в России. Англоязычная историография 1960–1990-х годов : (Аналитический обзор). В В. С. Коновалов (Ред.), *Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): Сб. обзоров и рефератов* (с. 200–220). Москва: ИНИОН.
4. Буганов, А. В. (1987). Отношение крестьянства к русско-турецкой войне 1877–1878 годов (по материалам последней четверти XIX в.). *История СССР*, (5), 182–189.
5. Греков, Б. Д. (1940). *Главнейшие этапы истории крепостного права в России*. Москва; Ленинград: Гос. социально-экон. изд-во.
6. Дейк, Т. А. ван. (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Москва: Кн. дом «Либроком».
7. Джаншиев, Г. А. (2008). *Эпоха великих реформ* (Т. 1). Москва: Издат. дом «Территория будущего».
8. Зайончковский, П. А. (1968). *Отмена крепостного права в России* (Изд. 3-е, перераб. и доп.). Москва: Просвещение.

9. Захаров, В. И. (2011). Алгоритм подготовки аграрной реформы 1861 года. *Социально-политические науки*, (1), 29–39.
10. Левинсон, А., Стучевская, О. (2003). Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR). *Мониторинг общественного мнения*, (1), 46–55.
11. Макаров, М. Л. (2003). *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис.
12. Масевич, А. Ц., Захаров, В. П. (2017). Модели частотного поведения русской политической лексики XX века. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 15(2), 30–46.
13. Мироненко, С. В. (1990). *Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия*. Москва: Мысль.
14. Русакова, О. Ф. (2000). *Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы. Идеи*. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН.
15. Сухарев, М. В. (2023). Идеоматериальные полисистемы и политика. *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*, (1), 15–33. <https://doi.org/10.18522/2949-0707.2023.1.1533>
16. Томсинов, В. А. (Ред., авт. предисл. и вступ. ст.). (2012). *Крестьянская реформа 1861 года в России*. Москва: Зерцало.
17. Шеститко, В. (2019). *Секретные комитеты правительства Николая I и воссоединение униатов*. Минск: Медиал.
18. Христофоров, И. А. (Ред.). (2011). *Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.)*. Москва: Собрание.
19. Borg, E. (2003). Discourse community. *ELT Journal*, 57(4), 398–400. <https://doi.org/10.1093/elt/57.4.398>
20. Kivits, R. & Sawang, S. (2021). Communicative Planning. In *The Dynamism of Stakeholder Engagement. Contributions to Management Science* (pp. 19–27). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-70428-5_3
21. Kuswandro, W. E., Marijan, K. & Nugroho, K. (2020). Discursive Institutionalism as Framework of Analysis for Multi-Vector Power Relations in Organizing Political Parties. *Open Journal of Political Science*, 10(4), 607–625. <https://doi.org/10.4236/ojps.2020.104036>
22. Onwuegbuzie, A. J., Leech, N. L., & Collins, M. T. K. (2012). Qualitative Analysis Techniques for the Review of the Literature. *The Qualitative Report*, 17(56), 1–28.
23. Sunderland, W. (2019). The Imperial Emancipations: Ending Non-Russian Serfdoms in Nineteenth-Century Russia. In D. Schorkowitz, J. R. Chávez, & I. W. Schröder (Eds.), *Shifting Forms of Continental Colonialism Unfinished Struggles and Tensions* (pp. 437–461). London, U.K.: Palgrave Macmillan.
24. Swales, J. M. (2017). The Concept of Discourse Community: Some Recent Personal History. *Composition Forum*, (37), Fall 2017. Retrieved May 16, 2023, from <https://compositionforum.com/issue/37/swales-retrospective.php>

25. Van Dijk, T.A. (1998). What is political discourse analysis? In J. Blommaert, Ch. Bulcaen (Eds.), *Political Linguistics* (pp. 11–52). Amsterdam: John Benjamins.

References

1. Andreeva, T. V. (2014). Vlast' i reformy v Rossii v pervoy polovine XIX v.: istoriografiya kontsa XX – nachala XXI v. [The power and reforms in Russia in the first half of the 19th century: historiography of the end of the 20th and the beginning of the 21st century]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, (2), 202–238. (in Russ.). <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2014-00035>
2. Andreeva, T. V. (2019). Zapiska M. M. Speranskogo o sozdanii Komiteta 6 dekabrya 1826 goda [Note by M. M. Speransky on the establishment of the Committee on December 6, 1826]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, (4), 252–271. (in Russ.). <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2019-00084>
3. Bolshakova, O. V. (2011). Otmena krepostnogo prava v Rossii. Angloyazychnaya istoriografiya 1960–1990-kh godov : (Analiticheskiy obzor) [The abolition of serfdom in Russia. English-language historiography of the 1960s–1990s (Analytical review)]. In V. S. Konovalov (Ed.), *Reforma 1861 g. v istorii Rossii (k 150-letiyu otmeny krepostnogo prava): Sb. obzorov i referatov* (pp. 200–220). Moscow: INION. (in Russ.).
4. Borg, E. (2003). Discourse community. *ELT Journal*, 57(4), 398–400. <https://doi.org/10.1093/elt/57.4.398>
5. Buganov, A. V. (1987). Otnoshenie krest'yanstva k russko-turetskoy voyne 1877–1878 godov (Po materialam posledney chetverti XIX v.) [The attitude of the peasantry to the Russian-Turkish war of 1877–1878 (According to the materials of the last quarter of the 19th century)]. *Istoriya SSSR*, (5), 182–189. (in Russ.).
6. Dijk, T.A. van. (2013). *Diskurs i vlast': Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: Knizhnyy dom “Librokom”. (in Russ.).
7. Dzhanshiev, G.A. (2008). *Epokha velikikh reform (T. 1)* [The era of great reforms (Vol. 1)]. Moscow: Izdatel'skiy dom “Territoriya budushchego”. (in Russ.).
8. Grekov, B. D. (1940). *Glavneyshie etapy istorii krepostnogo prava v Rossii* [The main stages in the history of serfdom in Russia]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. (in Russ.).
9. Khristoforov, I.A. (Ed.). (2011). *Sud'ba reformy: Russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The fate of reform: The Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890s)]. Moscow: Sobranie. (in Russ.).
10. Kivits, R. & Sawang, S. (2021). Communicative Planning. In *The Dynamism of Stakeholder Engagement. Contributions to Management Science* (pp. 19–27). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-70428-5_3
11. Kuswandro, W. E., Marijan, K. & Nugroho, K. (2020). Discursive Institutionalism as Framework of Analysis for Multi-Vector Power Relations in

Organizing Political Parties. *Open Journal of Political Science*, 10(4), 607–625. <https://doi.org/10.4236/ojps.2020.104036>

12. Levinson, A. & Stuchevskaya, O. (2003). Fokus-gruppy: evolyutsiya metoda (obzor diskussii na konferentsii ESOMAR) [Focus groups: the evolution of the method (review of the discussion at the ESOMAR conference)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, (1), 46–55. (in Russ.).

13. Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis. (in Russ.).

14. Masevich, A. Ts. & Zakharov, V. P. (2017). Modeli chastotnogo povedeniya russkoy politicheskoy leksiki XX veka [Diachronic research of the Russian political lexicon of the 20th century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 15(2), 30–46. (in Russ.).

15. Mironenko, S. V. (1990). *Stranitsy taynoy istorii samodержaviya: politicheskaya istoriya Rossii pervoy poloviny XIX stoletiya* [Pages of the secret history of autocracy: the political history of Russia in the first half of the 19th century]. Moscow: Mysl'. (in Russ.).

16. Onwuegbuzie, A. J., Leech, N. L. & Collins, M. T. K. (2012). Qualitative Analysis Techniques for the Review of the Literature. *The Qualitative Report*, 17(56), 1–28.

17. Rusakova, O. F. (2000). *Filosofiya i metodologiya istorii v XX veke: shkoly, problemy. Idei* [Philosophy and methodology of history in the XX century: schools, problems, ideas]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UrO RAN. (in Russ.).

18. Shestitko, V. (2019). *Sekretnye komitety pravitel'stva Nikolaya I i vossoedinenie uniatov* [Secret committees of the government of Nicholas I and the reunification of the Uniates]. Minsk: Medial. (in Russ.).

19. Sukharev, M. V. (2023). Ideomaterial'nye polisistemy i politika [Ideomaterial polysystems and politics]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, (1), 15–33. (in Russ.). <https://doi.org/10.18522/2949-0707.2023.1.1533>

20. Sunderland, W. (2019). The Imperial Emancipations: Ending Non-Russian Serfdoms in Nineteenth-Century Russia. In D. Schorkowitz, J. R. Chávez & I. W. Schröder (Eds.), *Shifting Forms of Continental Colonialism Unfinished Struggles and Tensions* (pp. 437–461). London, U.K.: Palgrave Macmillan.

21. Swales, J. M. (2017). The Concept of Discourse Community: Some Recent Personal History. *Composition Forum*, (37), Fall 2017. Retrieved May 16, 2023, from <https://compositionforum.com/issue/37/swales-retrospective.php>

22. Tomsinov, V. A. (Ed., preface & introductory art.). (2012). *Krest'yanskaya reforma 1861 goda v Rossii* [Peasant reform of 1861 in Russia]. Moscow: Zertsalo. (in Russ.).

23. Van Dijk, T. A. (1998). What is political discourse analysis? In J. Blommaert & Ch. Bulcaen (Eds.), *Political Linguistics* (pp. 11–52). Amsterdam: John Benjamins.

24. Zakharov, V. I. (2011). Algoritm podgotovki agrarnoy reformy 1861 goda

[The sequence of the agrarian reform (1861) formation]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*, (1), 29–39. (in Russ.).

25. Zayonchkovskiy, P. A. (1968). *Otmena krepostnogo prava v Rossii* (Izd. 3-e, pererab. i dop.) [The abolition of serfdom in Russia (3rd ed., rev. and augm.)]. Moscow: Prosveshchenie. (in Russ.).

Информация об авторах

Михаил Валентинович Сухарев, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3190-9893>, e-mail: suharev@narod.ru

Галина Борисовна Козырева, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9303-0361>, e-mail: kozyrevarc@gmail.com

Information about the authors

Mikhail Valentinovich Sukharev, Candidate of Economical Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Petrozavodsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3190-9893>, e-mail: suharev@narod.ru

Galina Borisovna Kozyreva, Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Economics, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9303-0361>, e-mail: kozyrevarc@gmail.com

---

РОССИЙСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА ВЫСТУПЛЕНИЙ ЛИДЕРОВ РЕГИОНОВ

Софья Константиновна Калашникова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
sofyakalashnikova15@gmail.com

Мария Ярославовна Погодина,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
mariiapogodina@gmail.com

Получена 27.11.2023.

Поступила после рецензирования 11.01.2024.

Принята к публикации 25.01.2024.

Для цитирования: : Калашникова С.К., Погодина М.Я. Российские агломерации в контексте территориальной политики идентичности: опыт критического дискурс-анализа выступлений лидеров регионов // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 59–77. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_59

© Калашникова С. К., Погодина М.Я., 2024

Аннотация

Исследование сфокусировано на территориальной политике идентичности в отношении населения четырех российских агломераций с ядром-мегаполисом: Московская, Петербургская, Краснодарская и Казанская агломерации. Анализ информационного пространства агломераций проводился с фокусом на реализуемую политику идентичности на данных территориях. Были сформированы критерии отбора текстов для анализа, определены базовые символические основания мы-образа, выявлены общие и специфические черты дискурса в разных регионах, определена значимость развития агломераций в общем массиве данных. Были применены как качественные, так и количественные методики. Результаты анализа позволили выделить общие характеристики властного дискурса: использование различных аспектов политики памяти в поздравительном дискурсе, выделение темы транспортных сетей как главного компонента развития агломераций. В дискурсе власти Московской агломерации ярко подчеркивается инновационность, современность города, его значимость для всей страны, а также статус одного из крупнейших мегаполисов мира. Акцент делается на «до» и «после», подтверждая расхожую фразу о том, как «похорошела Москва при Собянине». Дискурс Петербургской агломерации тесно связан с образом блокадного города и во многом обращен в прошлое. Наблюдается некоторая размытость представлений власти о будущем города. Значительную роль в развитии территорий Северной столицы играет образ федеральной власти. Казанскую и Краснодарскую агломерации ожидает утверждение мастер-плана развития регионов в ближайшем будущем, что отразилось в речах политических лидеров. Краснодарскую агломерацию отличает обращение к молодежной политике и вопросам «правильного» воспитания молодых граждан, а также подчеркивание тесного сотрудничества с Республикой Беларусь в агропромышленном секторе. Казань – единственный регион, где власти наряду с инфраструктурными вопросами также обращают внимание на культурные, социальные проблемы агломерации. Глава региона часто говорит о Казани как о центре культурной и религиозной интеграции.

Ключевые слова:

политика идентичности, территориальная идентичность, политика идентичности в агломерациях, критический дискурс-анализ, анализ текстов, тематическое моделирование

Источники финансирования:

исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

RUSSIAN AGGLOMERATIONS IN THE CONTEXT OF TERRITORIAL IDENTITY POLITICS: CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS OF REGIONAL AUTHORITIES' SPEECHES

Sofia K. Kalashnikova,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia,
sofyakalashnikova15@gmail.com;

Mariia Y. Pogodina,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia,
mariiapogodina@gmail.com

Received 27.11.2023.

Revised 11.01.2024.

Accepted 25.01.2024.

For citation: Kalashnikova, S.K., Pogodina, M.Y. (2024). Russian agglomerations in the context of territorial identity politics: critical discourse analysis of regional authorities' speeches. *Discourse-P*, 21(1), 59–77. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_59

Abstract

The study focuses on territorial identity politics regarding the population of four Russian agglomerations with a megacity core, such as Moscow, St. Petersburg, Krasnodar, and Kazan agglomerations. The conducted analysis resulted in identifying common discursive characteristics among various authorities: they all relate to memory politics when using congratulatory discourse, and highlight the topic of transport networks as the main component of agglomeration development. The authorities of the Moscow agglomeration emphasize innovative and modern side of the city in their discourse, its importance for the whole country, as well as its status as one of the largest megacities in the world. The discourse of the St. Petersburg agglomeration is closely connected with the image of the city under siege and in many respects is turned to the past. However, at the same time the authorities here seem to become non-specific when talking about the future of the city. The Kazan and Krasnodar agglomerations are expected to approve a master plan for regional development soon, which is reflected in the speeches of their political leaders. The Krasnodar agglomeration authorities are distinguished by their focus on youth politics and proper education of young citizens, as well as by emphasizing the importance of close cooperation with the Republic of Belarus in the agro-industrial sector. Kazan is the only

region under discussion where the authorities, along with infrastructure issues, also pay attention to cultural and social problems of the agglomeration. The head of the region often speaks about Kazan as a centre of cultural and religious integration.

Keywords:

identity politics, territorial identity, agglomeration identity politics, critical discourse analysis, text analysis, topic modeling

Funding:

The study was carried out at St. Petersburg State University with financial support from the Russian Science Foundation under the research project № 23-28-00933 “Identity Politics in Russian Agglomerations in the Context of International Experience”.

Введение

В рамках ставшего классическим социального конструктивистского подхода феномен идентичности рассматривается как процесс формирования различных компонентов идентитарной матрицы, а не как ригидное состояние (Бергер, Лукман, 1995). В рамках такого понимания большое значение уделяется акторам политики идентичности и их деятельности.

В российском исследовательском поле существует устойчивая практика изучения семиотических средств политики идентичности и символической политики. По мнению О. Ю. Малиновой, речевые стратегии политиков неразрывно связаны с практико-ориентированной деятельностью, направленной на решение конкретных задач, например, конструирование границ сообщества (Малинова, 2019).

Е. Н. Молодыхенко определяет несколько групп традиционных тематик для исследований в области критического дискурс-анализа. Исследование репрезентации этнических групп, изучение репрезентаций идентичностей в контексте расизма, проблемы гендерной идентичности, вопросы конструирования национальной идентичности (Молодыхенко, 2017). Также можно говорить о развивающемся тренде в российских политологических исследованиях, где дискурс-анализ применяется не только для исследования политики идентичности на федеральном уровне, но и для выявления характерных особенностей различных типов территориальной идентичности (Евгеньева, 2015; Малинова, 2018; Русакова, 2020).

О. В. Попова определяет государственную политику идентичности как набор закрепленных в юридических документах практик и инструментов формирования и развития заданной системы политических взглядов и политических ценностных ориентиров основной массы населения. Такая политика нацелена на создание заданного мы-образа граждан и образа государства. По мнению ав-

тора, официальный дискурс обращений и посланий глав государств входит в обязательный набор средств государственной политики идентичности. Политика идентичности, реализуемая региональной политико-административной элитой, также является государственной, однако включает в себя не только гражданско-национальный компонент, но и региональную, часто городскую специфику (Попова, 2020).

Так как целью политического дискурса является не только референция происходящего и декларация ценностных ориентиров, но и побуждение адресата к действию или как минимум создание почвы для убеждения, дискурсивные практики значимы не только для формирования определенного типа политической идентичности, но и для изучения эффективности коммуникации между властью и обществом. Как отмечает Ю.Т. Левшенко, чертой политического дискурса является отсутствие практики обязательной аргументации и преобладание эмоционального вектора, что особенно значимо для изучения дискурсивных особенностей политики идентичности и символической политики (Левшенко, 2012).

В современной академической трактовке региональной идентичности существует два основных подхода: объективистский и субъективистский (Макарова, 2017). В рамках первого подхода акцент делается на объективно сложившуюся социально-территориальную структуру и общность населения региона, которая формируется самостоятельно и стихийно. Субъективистский взгляд ставит во главу угла вопрос о целеполагании этих процессов: региональная идентичность конструируется намеренно при особой роли элит, которые являются ключевым актором этих процессов. На наш взгляд, данные модели не являются взаимоисключающими, так как даже при ведущей роли политических субъектов невозможно исключить значимость социокультурных факторов. Однако в данной работе мы руководствуемся в большей степени логикой субъективистского подхода, так как деятельность политических акторов входит в предметное поле исследования.

Преимущества формирования региональной идентичности могут быть рассмотрены в рамках инструментального подхода. По мнению М.В. Назукиной, устойчивая территориальная идентичность становится базовым условием для развития региона и является необходимым ресурсом, обеспечивающим «конкурентоспособность» субъекта на общефедеральном уровне (Назукина, 2018).

Говоря о степени устойчивости территориальных форм идентичности, исследовательский фокус сосредоточен не только на темпоральных особенностях, но и на пространственных границах идентичности. Это особенно актуально в рамках изучения политики идентичности в агломерациях. Именно эти территориальные системы в большей степени отражают урбанизационные и глобализационные тренды.

Территориальная идентичность в агломерациях формируется на стыке региональной и локальной идентичности. В разных частях агломерации для жителей будет характерен свой баланс этих компонентов в зависимости от ряда факторов. Однако необходимость интеграции и консолидации населения в агломерациях, снижение социальной напряженности, формирование доверия

к местным и региональным органам власти делают политику идентичности важной частью управленческой повестки в целом.

Мы определяем термин «агломерация» как высокоурбанизированную территорию, включающую в себя группу городов и муниципалитетов, которые тесно связаны между собой экономически и социально, а также географически компактно расположены. Агломерацию отличает высокая плотность населения и высокий уровень экономической активности. Стоит отметить, что в мире существуют различные типы агломераций, в том числе и сельскохозяйственные, однако в контексте развития этих типов территориальных образований в России наибольшее значение имеют промышленные.

Исследование сфокусировано на территориальной политике идентичности в отношении населения крупнейших агломераций с ядром-мегаполисом. Сравнительная перспектива исследования определила выбор регионов: Московская и Петербургская агломерации как столичные территории с особым юридическим статусом; Краснодарская агломерация как самая быстрорастущая по численности населения в России¹; Казанская агломерация как центр национальной республики, где этнический компонент имеет важное значение в процессе формирования региональной идентичности. Для нас было важно определить общую дискурсивную канву, которая вписывает региональный политический дискурс в общероссийский контекст, а также определить специфические речевые паттерны лидеров разных регионов.

Все четыре агломерации, рассматриваемые в рамках работы, включают в себя территории соседних субъектов федерации. Поэтому вслед за группой британских исследователей мы предлагаем использовать обновленный концепт мягких пространственных представлений («soft space imaginaries») для изучения развития территорий в динамике (Hincks et al., 2017). При аналитическом удобстве модель позволяет учитывать перераспределение полномочий и ресурсов на расширяющейся территории, что особенно важно, если агломерации располагается на территории нескольких административных образований.

Основным актором символической политики и политики идентичности остается политическая элита. Политический курс развития регионов во многом определяется лидерами субъектов, о чем свидетельствует институциональная деятельность по созданию и утверждению групп документов, частично определяющих различные направления политики идентичности. Например, государственные программы или стратегии развития регионов, которые включают в себя политические ориентиры для реализации культурной политики, политики памяти, языковой политики в республиках, а также описывают образ будущего территории. Во время публичных выступлений, обращений и интервью лидеры региона также воспроизводят определенные образы территории и характеристики жителей, транслируют месседжи, призванные объединить и консолидировать населения

---

¹ Краснодарская агломерация получила план финансирования инфраструктуры (2023, 6 июня). Взято 21 ноября 2023, с <https://expertsouth.ru/news/krasnodarskaya-aglomeratsiya-poluchila-plan-finansirovaniya-infrastruktury/>

вокруг определенных символических доминант. Важным аргументом для выбора именно такого фокуса исследования стала традиционная для российской политической культуры персонализация политической сферы (Фарукшин, 2016). При таких условиях рупором идей для жителей выступаем именно первое лицо. На уровне исследуемых регионов это губернаторы, мэр и президент республики.

Значимость фигуры лидеров региона возросла в период пандемии коронавирусной инфекции, так как ответственность за принятие решений по противодействию распространению вируса была делегирована именно главам субъектов. Регулярные отчеты о проведенных мерах и статистические данные представлялись губернаторами регионов и президентами республик. Проведение частичной мобилизации осенью 2022 г. в рамках специальной военной операции (СВО) также вошло в зону ответственности глав регионов, а не военных подразделений. В ситуации новых вызовов и рисков федеральная власть предоставляет региональным властям достаточно широкие полномочия для решения самых острых проблем. С расширением зоны ответственности растет и политический вес этой группы управленцев, что влияет на значимость фигуры губернаторов/глав республик в медийном пространстве.

Методология исследования

Методологический подход базируется на теории дискурса Н. Фэркло, где дискурс является одним из множества аспектов социальной практики (Fairclough, 1995). По мнению Н. Фэркло, дискурс и социальные структуры – взаимно конституирующие сущности: социальные структуры влияют на создание дискурсивного события, а оно формирует политическую реальность. Значимыми для определения методологического фрейма исследования являются идеи новой социальной морфологии пространства М. Кастельса (Кастельс, 1999), а также определение власти как возможности контроля над публичным дискурсом в разных семиотических измерениях (Ван Дейк, 2013).

Дискурсивный анализ информационного пространства Московской, Петербургской, Казанской и Краснодарской агломераций проводился с фокусом на реализуемую политику идентичности на данных территориях. Анализ включает элементы сравнительного межрегионального анализа. Для сбора текстового материала мы осуществили мониторинг и контент-анализ материалов, опубликованных на официальных сайтах региональных органов власти: сайты и порталы губернаторов и региональных правительств. Мы старались избегать использования информации, публикуемой СМИ, так как для нас было важно выявить логику позиционирования региона политико-административной элитой без внешнего журналистского фрейминга. Собранные материалы охватывают период последних пяти лет: с начала 2019 г. до ноября 2023 г. Корпус текстов состоял из 100 материалов разных форматов (выступления, обращения, комментарии, интервью). Общее количество слов по итогу составило 16994.

Эмпирическое исследование носит комплексный характер: мы используем качественные и количественные методики. Для проведения критического анализа

дискурса применялось тематическое моделирование (Topic modelling) – новейшая технология в области обработки текстовых данных. Корпус текстов в работе анализируется с помощью тематического моделирования с использованием Латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet allocation – LDA). Этот метод машинного обучения позволяет автоматически объединять группы слов в темы, которые лучше всего характеризуют исследуемый набор документов. Анализ текстов с помощью метода тематического моделирования позволяет решить проблемы синонимии и полисемии слов. Проблема синонимии возникает, когда одна и та же концепция выражается различными словами, а полисемии – когда одно и то же слово имеет различные смыслы в зависимости от контекста (Коршунов, Гомзин, 2012). Изучение именно тем, а не отдельных терминов позволяет решить эти две проблемы, что делает тематическое моделирование одним из наиболее эффективных способов анализа текстовых коллекций документов. Метод используется в том числе и для анализа юридических текстов (Митрофанова, Атугодаге, 2023), публикаций в СМИ (Mueller, Rauh, 2018). Помимо этого, ручное чтение множества текстов требует больших затрат времени исследователя, тогда как тематическое моделирование может быть автоматизировано, позволяя быстро определить основные темы корпуса текстов. Так, группа исследователей из США классифицировали и анализировали 200 тыс. речей в Конгрессе и 5 тыс. президентских обращений начиная с 1880 г. Используя подход, основанный на контекстуальном встраивании текста, авторы обнаружили, что современные республиканцы значительно чаще используют слова, издавна метафорически связанные с мигрантами, такие как «animals» и «cargo», и чаще используют такие фреймы, как «criminals» и «legality» (Card et al., 2022). Результатом модели тематического моделирования является список тем. Если группировка по темам имеет смысл и является логичной (что может быть оценено экспертом в данной области исследований), то модель считается валидной.

Метод тематического моделирования предполагает проведение этапа тщательной предобработки данных для дальнейшего анализа. Для выполнения всех необходимых шагов предобработки данных была использована специально разработанная компьютерная программа на языке программирования Python. На первом этапе из всех текстовых блоков были удалены знаки препинания и другие символы. Далее был проведен процесс токенизации, в результате которого комментарии были разделены на отдельные единицы анализа (токены) – слова. Для приведения всех слов к одной форме была выполнена процедура лемматизации, в результате которой существительные были приведены в единственное число именительного падежа, прилагательные – в мужской род единственного числа именительного падежа, глаголы, причастия и деепричастия – в инфинитив несовершенного вида. Для отсеивания наиболее часто встречаемых слов, которые не несут смысловой нагрузки, была использована библиотека Natural Language Toolkit в Python. Примеры слов, которые были удалены из текста: будто, впрочем, хорошо, свою, этой, перед, иногда, лучше, чуть, нельзя, такой, более, всегда, конечно, между. Кроме того, были удалены слова, встречающиеся только один раз. Очищенный корпус слов использовался для построения модели тематического моделирования.

Следуя за С. Харди, мы определяем цель дискурс-анализа как выявление конструктивных эффектов дискурса в ходе структурированного и систематического анализа текстов (Hardy, 2001). Среди задач исследования: формирование критериев отбора текстов; определение базовых символических оснований мы-образа; выявление типичных фрагментов дискурса; общие и специфические черты дискурса в разных регионах; определение значимости развития агломераций в общем массиве данных.

Результаты

Московская агломерация

Говоря о типе выступлений, где С. С. Собянин описывает образ Москвы и москвичей, отметим, что это в большей степени выступления на различных конференциях, посвященных развитию территорий. Среди ключевых характеристик москвичей, которые мэр повторяет на протяжении нескольких лет, можно отметить такие, как трудолюбие, талант, отзывчивость и др.: «Трудолюбие, талант, целеустремленность, отзывчивость и любовь к Родине – главные достоинства москвичей»².

Мэр Москвы в разных контекстах говорит о жителях города как о сообществе. Например, поздравление с Днем Города содержит такое высказывание: «Но это – и не день рождения людей, которые живут в этом городе. И это не чествование тех, кто основал город... Это праздник сообщества, сообщества горожан. Которые в этот день чувствуют некое единство. Единство судьбы, истории и будущего. Причем, это единство очень конкретное. Мы платим налоги на содержание и развитие города, выбираем власть»³.

Правительство Москвы уже несколько лет уделяет особое внимание развитию нецентральных районов города. Мэр также говорит о значимости развития территорий вне центра: «Нужно осмыслить московские районы и придать им новую идентичность... Сложившиеся спальные районы не дают жителям возможность чувствовать свою идентичность... Кварталы сложились по устаревшим принципам городской среды, поэтому появилась необходимость в создании новых точек притяжения»; «Люди гордятся этим, люди знают историю этих районов, и важно обустроить их на должном уровне»⁴.

В целом, нарратив «нового» занимает важное место в речах С. С. Собянина. Это во многом отражает и позиционирование Москвы как современного мегаполиса мирового уровня. Так, по результатам тематического моделирования прилагательные «новый», «современный» появляется сразу в двух темах,

² Собянин поздравил москвичей с Днем России (2022, 12 июня). *РИА Новости*. Взято 21 ноября 2023, с <https://ria.ru/20220612/prazdnik-1794855944.html>

³ Собянин С. День города (2018, 08 сентября). *Сергей Собянин : Личный блог*. Взято 21 ноября 2023, с <https://www.sobyanin.ru/den-goroda>

⁴ Собянин призвал придать идентичность столичным спальным районам (2019, 7 июня). *Интерфакс*. Взято 21 ноября 2023, с <https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/106198/>

посвященных Московского агломерации. Во-первых, тема транспорта и обновления транспортной системы Москвы: «Сейчас работаем уже над третьим и четвертым диаметрами, создавая новые магистральные пути». Во-вторых, С. С. Собянин подчеркивает инновационность и технологичность Москвы: «Современная Москва – мегаполис преобразований и активных граждан, где реализуют масштабные транспортные, промышленные, инновационные и другие программы...»; «Качественный, современный район – это качественный и современный город Москва, где мы с вами живем»⁵.

Образ новой Москвы противопоставляется недавнему прошлому, которое представляется в основном в негативных оценках, если только речь не идет о героях прошлого: «Москва постепенно теряла свою идентичность и все больше напоминала стандартные города СССР. Впоследствии возник запрос на серьезные изменения, и начался длительный период развития»; «Сегодня, когда мы прошли этот путь, если бы мы предложили москвичам вернуться в Москву 2000-х или 2010 года, я думаю, был бы полный консенсус – никто бы не захотел туда возвращаться»⁶. Такое контрастное описание, которое повторяется в обращениях и выступлениях мэра, безусловно, подчеркивает его личный вклад в развитие города и воспроизводит фразу, уже ставшую крылатой за последние 10 лет: «Как похорошела Москва при Собянине!»

Образ Москвы ориентирован на международное признание как одного из крупнейших мегаполисов мира. Развитие Москвы имеет глобальное значение и ориентировано на поддержание общечеловеческих ценностей: «...по скорости перемен мы входим в число мировых лидеров. Развитие Москвы – наш вклад в прогресс человечества»; «Москва реализует уникальную программу переселения жителей из ветхих пятиэтажных домов... Тем самым мы обеспечиваем социальную справедливость и вносим свой вклад в борьбу с неравенством, которое является серьезной проблемой современного мира»⁷.

Согласно международным оценкам на 2022 г., Московская агломерация занимает 18-е место в мире по численности населения (более 17 млн человек)⁸. Такой размер территории определяется величиной урбанизированной зоны (территория сплошной застройки). В Стратегии развития Центрального федерального округа в качестве единственной агломерации определена Большая Московская агломерация или Московский регион. Несмотря на то, что стратегия предусматривает переход от модели «центрального» развития к модели более

⁵ Сергей Собянин: «Важно посмотреть на район глазами жителя» (2022, 5 августа). Взято 21 ноября 2023, с <https://www.mos.ru/mayor/themes/231299/8520050/>

⁶ Сергей Собянин выступил на пленарном заседании Московского урбанистического форума (2021, 1 июля). Взято 21 ноября 2023, с <https://www.mos.ru/mayor/themes/11299/7467050/>

⁷ Сергей Собянин рассказал о развитии Москвы на «Форуме России: определяя будущее» в Дубае (2021, 3 декабря). Взято 21 ноября 2023, с <https://www.mos.ru/mayor/themes/11299/7899050/>

⁸ Demographia. World Urban Areas. Взято 26 ноября 2023, с <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf>

сбалансированного роста всех территорий ЦФО, механизмы формирования других перспективных агломераций не описаны⁹.

Развитие агломерации – постоянная тема в выступлениях мэра. В основном речь идет об инфраструктурных темах: транспорт, логистика, рабочие места. В рамках тематического анализа характеристика Москвы как «главного транспортного узла страны» выделилась в отдельную тему, которая описывается следующими терминами: транспорт, транспортный, развитие, создание, центральный, мегаполис, крупный, огромный, масштаб, агломерация, нагрузка, поток, логистика. С. С. Собянин многократно подчеркивает важность Москвы как центра, через который проходят автомобильные, железнодорожные, авиационные потоки: «Москва в силу своих особенностей – это крупнейший транспортный узел. Большинство автомобильных, железнодорожных перевозок проходит через Москву. Плотность населения огромная. Плюс, Вы правильно сказали, это еще и агломерация более чем 20-миллионная»¹⁰. Помимо транспортной тематики, значимость Московской агломерации подчеркивается в контексте занятости населения: «Московская агломерация – ведущий генератор бизнеса и рабочих мест для всей страны. В Москве работает 2,5 миллиона жителей других регионов». С. С. Собянин также делает акцент на значимости развития Большой Москвы для всей страны: «Москва является одной из крупнейших мировых экономических агломераций и, конечно, прямо влияет на развитие других регионов, особенно соседних регионов, создавая около 3,5 миллиона рабочих мест по всей стране»¹¹. Об интеграционных и миграционных процессах в размах развития агломерации лидер не говорит.

Такая риторика может быть связана с тем, что в 2012 г. территория Москвы увеличилась в 2,5 раза за счет территории Московской области. Формирование «Новой Большой Москвы» потребовало от руководства города уделить усиленное внимание развитию включенных территорий: транспорту, дорожному и жилищному строительству, социальному благоустройству, что отразилось в содержании публичных выступлений. Москва как столица страны обладает широкой сетью международных партнеров, однако в риторике С. С. Собянина образ города и жителей практически не связан с международными проектами.

Санкт-Петербургская агломерация

Агломерация располагается на территории двух субъектов – Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Санкт-Петербург и сопредельные территории Ленинградской области фактически образуют единое пространство

⁹ *Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 года*. Взято 21 ноября 2023, с <https://docs.cntd.ru/document/902302272>

¹⁰ *Сергей Собянин доложил Владимиру Путину о ходе развития Москвы* (2021, 11 сентября). Взято 21 ноября 2023, с <https://www.mos.ru/mayor/themes/2299/7665050/>

¹¹ *Сергей Собянин: Москва продолжит реализацию стратегических проектов развития города* (2020, 4 сентября). Взято 22 ноября 2023, с <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/6760050/>

с общим населением, превышающим 6 млн человек. Документом, который полностью посвящен развитию Петербургской агломерации, является Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 г. и с перспективой до 2050 г. Формирование единого культурного ландшафта, достойного историко-культурного потенциала Северной столицы, значит одним из принципов градостроительного развития агломерации¹².

Наблюдается некоторая размытость представлений власти о будущем города, а также создается впечатление, что лидер региона не определился с основаниями символического позиционирования территории. Стратегия города во многом ориентируется на европейские примеры («комфорт», «высокое качество жизни»), но в своих выступлениях губернатор Санкт-Петербурга А. Д. Беглов практически не использует этот нарратив. Активно используемой символической базой для объединения жителей региона остается советская риторика Дня Победы и блокадного города (Калашникова, 2020). Результаты тематического моделирования также показывают ярко выраженную тему «блокады», которая характеризуется следующим набором терминов: житель, военный, блокада, война, мир, воин, история, защищать, ленинградец, подвиг, единство, человек, труд, родина.

В контексте развития Петербургской агломерации можно отметить несколько характерных моментов. Во-первых, А. Д. Беглов разделяет управление агломерацией с губернатором Ленинградской области А. Ю. Дрозденко, одновременно обозначая основные направления деятельности: «Мы определили формулу: два самостоятельных субъекта и одна агломерация»; «Мы договорились с Ленинградской областью, что совместно будем решать проблемы утилизации мусора, развития транспортной системы»¹³. Так же, как в дискурсе С. С. Собянина, главный компонент развития агломерации – это расширение транспортной сети. Во-вторых, А. Д. Беглов многократно подчеркивает заслугу В. В. Путина в развитии агломераций, в первую очередь с точки зрения финансовой помощи: «Хотел бы от имени петербуржцев сказать слова благодарности нашему Президенту, потому что таких масштабных работ и таких масштабных инвестиций никогда не было. Они не сравнимы по затратам ни с КАД, ни с ЗСД, они гораздо больше. И влияют не только на нашу агломерацию, но и на весь северо-запад и всю страну»¹⁴. Наконец, отдельным блоком выделяется тема про-

¹² Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 года и с перспективой до 2050 года. Взято 22 ноября 2023, с <https://arch.lenobl.ru/ru/dokumenty/dokumenty-territorialnogo-planirovaniya/koncepciya-sovmestnogo-gradostroitel'nogo-razvitiya-sankt-peterburga-i/>

¹³ Беглов рассказал, как Петербург и Ленобласть будут утилизировать мусор (2021, 20 сентября). Взято 22 ноября 2023, с <https://spbdnevnik.ru/news/2021-09-20/beglov-rasskazal-kak-peterburg-i-lenoblast-budut-utilizirovat-musor>

¹⁴ Александр Беглов поблагодарил Владимира Путина за масштабные инвестиции в Петербург (2023, 26 октября). Взято 22 ноября 2023, с <https://spbdnevnik.ru/news/2023-10-26/aleksandr-beglov-poblagodaril-vladimira-putina-za-masshtabnye-investitsii-v-peterburg>

мышленности, тесно связанная с научным компонентом. В один тематической блок объединились термины: промышленность, предприятия, машиностроение, отрасль, продукция, судостроение, технологичный, колледж, научный, молодой, образование. Губернатор подчеркивает промышленную развитость города, называя его «центром науки и высоких технологий»: «Город демонстрирует уверенные успехи в судостроении и энергомашиностроении. Вместе с научными институтами мы работаем над развитием отраслей беспилотников и электрического транспорта»¹⁵.

Краснодарская агломерация

В Стратегии развития Краснодарского края Краснодарская городская агломерация определяется как «постиндустриальный культурно-исторический центр Южного полюса роста с высоким качеством жизни, ориентированный на инновационно-креативный сектор экономики и развитие обрабатывающих производств, в том числе перерабатывающей промышленности как составной части агропищевого субкластера»¹⁶. На данный момент ведется разработка долгосрочного плана социально-экономического развития Краснодарской агломерации. Документ планируют утвердить уже в этом году. Его формированием занимается Центр стратегических разработок, Министерство экономики региона, а также мэрии муниципальных образований, входящих в агломерацию. В дискурсе губернатора В. И. Кондратьева развитие проблем агломерации развито слабо. Эта тема скорее передана на уровень вице-губернатора: «Краснодарская агломерация – это более 30% объемов базовых отраслей экономики. От предложенных нами социально-экономических инициатив во многом зависит развитие не только агломерации, но и всего региона»¹⁷. В. И. Кондратьев особо подчеркивает проблему градостроительства, точечной застройки, но в контексте общей территории Краснодарского края, без привязки к агломерации.

Отдельной темой выделяется компонент развития молодежной политики в регионе: «Дети и подростки должны стать самыми активными участниками жизни региона. Пусть они гордятся своим краем. У нас думающая молодежь. Давайте поможем ей мыслить правильно, даже тем, кто, может быть, заблуждается. Иначе за нас это сделают другие»¹⁸; «Мы верим, что вы – другая молодежь!

¹⁵ Беглов поздравил жителей с Днем промышленности Петербурга (2023, 10 сентября). Взято 22 ноября 2023, с <https://gorod-plus.tv/news/120214>

¹⁶ Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 года № 3930-КЗ «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года». Взято 21 ноября 2023, с <https://docs.cntd.ru/document/550301926>

¹⁷ Краснодар получит долгосрочный план развития агломерации (2022, 18 ноября). Взято 22 ноября 2023, с <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1131/show/663678/>

¹⁸ Вениамин Кондратьев: «Подростки должны стать активными участниками жизни региона. Пусть они гордятся своим краем» (2023, 09 февраля). Взято 21 ноября 2023, с <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1133/show/677404/>

Не поколение “пепси” и гаджетов»¹⁹; «Сегодня край уделяет особое внимание патриотическому и духовному воспитанию молодежи»²⁰.

Казанская агломерация

Так же, как и Краснодар, в 2023 году Казань ожидает презентация и утверждение мастер-плана Казанской агломерации. Над документом работает Институт Генплана Москвы и Институт пространственного планирования Республики Татарстан²¹. Казанская агломерация не стала исключением и тоже включает прилегающие территории соседнего региона. В Стратегии социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 г. Казанской агломерации посвящен отдельный раздел²². Согласно документу, в агломерации проживает более 1,5 млн человек. В отличие от Краснодара, в Татарстане президент Республики лично участвует в развитии Казанской агломерации. В дискурсе президента Р. Н. Минниханова прослеживается четкое понимание направлений развития агломерации: «между Казанью и Зеленодольском нужно создавать мощные промышленные зоны»; «В агломерациях необходимо создать инфраструктуру для комфортной жизни и работы. Нужны промплощадки, технопарки, индустриальные парки. Необходимо создать новые точки притяжения»²³; «При планировании жилой застройки необходимо обеспечить... синхронизацию с созданием социальной, дорожной, транспортной и деловой инфраструктуры. Следует переходить от точечной застройки и строительства отдельных жилых комплексов к сбалансированному развитию агломераций»²⁴. Алгоритм тематического моделирования также выделяет отдельный блок речей, посвященных постановке агломерационных проблем: застройка, выполнение, обеспечивать, агломерация, развитие, работа, задача. Большое внимание в дискурсе президента Республики также уделяется теме языка и культуры, сохранению и преумножению «духовного достояния народов, проживающих в республике». С другой стороны, Р. Н. Минниханов неоднократно поздравляет

¹⁹ В Краснодаре состоялся первый съезд Союза казачьей молодежи (2019, 12 апреля). Взято 21 ноября 2023, с <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1135/show/476241/>

²⁰ Вениамин Кондратьев: «В бюджете есть деньги. И важно построить то, что нужно людям в первую очередь» (2019, 26 декабря). Взято 21 ноября 2023, с <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1133/show/517477/>

²¹ Мастер-план Казанской агломерации представят в декабре 2023 года (2023, 12 апреля). Взято 21 ноября 2023, с <https://tass.ru/v-strane/17502999>

²² Стратегия социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 года. Взято 21 ноября 2023, с https://kznscience.ru/?page_id=1140

²³ Рустам Минниханов: «Создание рабочих мест – приоритетная задача при развитии агломераций» (2021, 30 июля). Взято 21 ноября 2023, с <https://tatarstan.ru/index.htm/news/1998449.htm>

²⁴ Президент Татарстана: «Развитие агломераций будет способствовать увеличению ввода жилья» (2021, 21 января). Взято 21 ноября 2023, с <https://rais.tatarstan.ru/index.htm/news/1910427.htm>

татарстанцев с Днем русского языка, подчеркивая свое особое участие в сохранении русского языка и популяризации русской литературы в Татарстане: «Богатство русского языка позволяет не только передать многогранность русской культуры, но и раскрыть глубины духовного наследия народов России». Похожий нарратив прослеживается в религиозной тематике, где президент также подчеркивает важность развития «межцивилизационного диалога, сближения позиций мусульманских и православных религиозных деятелей в деле защиты общих ценностей», указывая на свое личное содействие в развитии этого направления и особой роли Татарстана в этом процессе.

Заключение

Результаты исследования показывают общие и специфические черты дискурса в анализируемых нами регионах. Были сформированы критерии отбора текстов для анализа, определены базовые символические основания мы-образа, выявлены общие и специфические черты дискурса в разных регионах, определена значимость развития агломераций в общем массиве данных.

Проведенный анализ позволил выделить общие характеристики властного дискурса: использование различных аспектов политики памяти в поздравлениях, обращенных к жителям; выделение темы транспортных сетей как главного компонента развития агломераций. В дискурсе власти Московской агломерации ярко подчеркивается инновационность, современность города, его значимость для всей страны, а также статус одного из крупнейших мегаполисов мира. Акцент делается на «до» и «после», подтверждая расхожую фразу о том, как «похорошела Москва при Собянине». Дискурс Петербургской агломерации тесно связан с образом блокадного города и во многом обращен в прошлое. Наблюдается некоторая размытость представлений власти о будущем города. Значительную роль в развитии территорий Северной столицы играет образ федеральной власти. Казанскую и Краснодарскую агломерации ожидает утверждение мастер-плана развития регионов в ближайшем будущем, что отразилось в речах политических лидеров. Краснодарскую агломерацию отличает обращение к молодежной политике и вопросам «правильного» воспитания молодых граждан. Казань – единственный регион, где власти наряду с инфраструктурными вопросами, также обращают внимание на культурные, социальные проблемы агломерации. Глава региона часто говорит о Казани как о центре культурной и религиозной интеграции.

Во всех четырех анализируемых агломерациях значительная часть внимания властей уделяется транспортно-инфраструктурной составляющей, что подтверждается результатами как качественного, так и количественного анализа. Однако вопросы общественной и культурной интеграции в их региональном контексте пока регулярно поднимаются только в Татарстане. Отсутствие органов управления на уровне агломераций, интеграционной и общекультурной повестки создает значительные трудности для развития агломераций. Большой по населению и территории регион – ядро агломерации – диктует свои условия развития, что вызывает опасения «периферии» и усиливает политические риски проектов.

Список литературы

1. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медиум.
2. Дейк, Т. А. ван. (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Москва: Кн. дом «Либроком».
3. Евгеньева, Т. В. (2015). Образно-символические репрезентации советского прошлого в современной политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 11(3), 16–31.
4. Калашникова, С. К. (2020). Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 16(4), 505–517. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.406>
5. Кастельс, М. (1999). *Становление общества сетевых структур*. Москва: Academia.
6. Коршунов, А., Гомзин, А. (2012). Тематическое моделирование текстов на естественном языке. *Труды Института системного программирования РАН*, (23), 215–244.
7. Левшенко, Ю. И. (2012). Политический дискурс в СМИ и легитимация власти в контексте социально-политических изменений. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (3-1), 111–115.
8. Макарова, Г. И. (2017). Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования. *Oriental Studies*, 10(1), 84–94. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-84-94>
9. Малинова, О. Ю. (2018). Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых». *Политическая наука*, (3), 45–69. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.03>
10. Малинова, О. Ю. (2019). Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. *Южно-российский журнал социальных наук*, 20(3), 91–105. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105>
11. Митрофанова, О. А., Атугодаге, М. М. (2023). Динамическое тематическое моделирование русскоязычного корпуса юридических документов. *Terra Linguistica*, 14(1), 70–87. <https://doi.org/10.18721/JHSS.14107>
12. Молодыхенко, Е. Н. (2017). Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*, 8(3), 122–133. <https://doi.org/10.18721/JHSS.8312>
13. Назукина, М. В. (2018). Наименование как инструмент конструирования территориальной идентичности (на примере выбора названия для нового терминала пермского аэропорта). *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, (4), 54–61. <https://doi.org/10.7242/1998-2097/2018.4.8>
14. Попова, О. В. (2020). О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии. *Политическая наука*, (4), 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

15. Русакова, О.Ф. (2020). Структурный дискурс-анализ статьи президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». *Дискурс-Пи*, 17(4), 10–25. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10401>
16. Фарукшин, М.Х. (2016). Российская политическая культура в российском научном дискурсе. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 12(3), 4–25.
17. Card, D., Chang, S., Becker, C., Mendelsohn, J., Voigt, R., Boustan, L., Abramitzky, R. & Jurafsky, D. (2022). Computational analysis of 140 years of US political speeches reveals more positive but increasingly polarized framing of immigration. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(31), e2120510119, 1–37. <https://doi.org/10.1073/pnas.2120510119>
18. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London; New York: Longman Group Limited. https://pdfprof.com/PDF_Image.php?id=77119&t=28#listPDF3
19. Hardy, C. (2001). Researching organizational discourse. *International studies of management & organization*, 31(3), 25–47. <http://dx.doi.org/10.1080/00208825.2001.11656819>
20. Hincks, S., Deas, I. & Haughton, G. (2017). Real geographies, real economies and soft spatial imaginaries: Creating a “more than Manchester” region. *International Journal of Urban and Regional Research*, 41(4), 642–657. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12514>
21. Mueller, H. & Rauh, C. (2018). Reading between the lines: Prediction of political violence using newspaper text. *American Political Science Association*, 112(2), 358–375. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000570>

References

1. Berger, P., & Luckmann, Th. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium. (in Russ.).
2. Card, D., Chang, S., Becker, C., Mendelsohn, J., Voigt, R., Boustan, L., Abramitzky, R. & Jurafsky, D. (2022). Computational analysis of 140 years of US political speeches reveals more positive but increasingly polarized framing of immigration. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(31), e2120510119, 1–37. <https://doi.org/10.1073/pnas.2120510119>
3. Castells, M. (1999). *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur* [The formation of a society of network structures], Moscow: Academia. (in Russ.).
4. Dijk, T.A. van. (2013). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: Knizhnyy dom “Librokom”. (in Russ.).
5. Evgenieva, T.V. (2015). *Obrazno-simvolicheskie reprezentatsii sovetskogo proshlogo v sovremennoy politike* [Figurative and symbolic representation of the soviet past in contemporary politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 11(3), 16–31. (in Russ.).

6. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London; New York: Longman Group Limited. https://pdfprof.com/PDF_Image.php?id=77119&t=28#listPDF3
7. Farukshin, M. Kh. (2016). Rossiyskaya politicheskaya kul'tura v rossiyskom nauchnom diskurse [The Russian political culture in the Russian academic discourse]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 12(3), 4–25. (in Russ.).
8. Hardy, C. (2001). Researching organizational discourse. *International studies of management & organization*, 31(3), 25–47. <http://dx.doi.org/10.1080/00208825.2001.11656819>
9. Hincks, S., Deas, I. & Haughton, G. (2017). Real geographies, real economies and soft spatial imaginaries: Creating a “more than Manchester” region. *International Journal of Urban and Regional Research*, 41(4), 642–657. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12514>
10. Kalashnikova, S. K. (2020). Regional'naya politika identichnosti: obraz Sankt-Peterburga v diskurse liderov regiona [Regional identity politics: the image of St. Petersburg in the discourse of regional leaders]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 16(4), 505–517. (in Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.406>
11. Korshunov, A., & Gomzin, A. (2012). Tematicheskoe modelirovanie tekstov na estestvennom yazyke [Thematic modeling of natural language texts]. *Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN*, (23), 215–244. (in Russ.).
12. Levshenko, Yu. I. (2012). Politicheskii diskurs v SMI i legitimatsiya vlasti v kontekste sotsial'no-politicheskikh izmeneniy [Political discourse in mass media and power legitimization in social-political changes context]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (3-1), 111–115. (in Russ.).
13. Makarova, G. I. (2017). Vzglyad na regional'nyu identichnost': k programme sotsiologicheskogo issledovaniya [An insight into regional identity: sociological research program revisited]. *Oriental Studies*, 10(1), 84–94. (in Russ.). <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-84-94>
14. Malinova, O. Yu. (2018). Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V. V. Putina i formirovanie mifa o “likhikh devyanostykh” [Justifying the political course of the 2000 s and constructing the myth about “the hard nineties” in the Vladimir Putin’s discourse]. *Politicheskaya nauka*, (3), 45–69. (in Russ.). <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.03>
15. Malinova, O. Yu. (2019). Konstruirovaniye smyslovykh ramok pamyati o reformakh 1990-kh gg. v liberal'nom diskurse 2000-kh gg. [Framing memory about the reforms of the 1990s in the liberal discourse in the 2000s]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 20(3), 91–105. (in Russ.). <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105>
16. Mitrofanova, O. A., & Atugodage, M. M. (2023). Dinamicheskoe tematicheskoe modelirovanie russkoyazychnogo korpusa yuridicheskikh dokumentov [Dynamic topic modelling of the Russian legal text corpus]. *Terra Linguistica*, 14(1), 70–87. (in Russ.). <https://doi.org/10.18721/JHSS.14107>
17. Molodychenko, E. N. (2017). Identichnost' i diskurs: ot sotsial'noy teorii k praktike lingvisticheskogo analiza [Identity and discourse: from social theory to

practice of discourse analysis]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 8(3), 122–133. (in Russ.). <https://doi.org/10.18721/JHSS.8312>

18. Mueller, H., & Rauh, C. (2018). Reading between the lines: Prediction of political violence using newspaper text. *American Political Science Association*, 112(2), 358–375. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000570>

19. Nazukina, M.V. (2018). Naimenovanie kak instrument konstruirovaniya territorial'noy identichnosti (na primere vybora nazvaniya dlya novogo terminala permskogo aeroporta) [Naming as a tool of constructing territorial identity (on the example of choosing the name for the new terminal of the Perm airport)]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*, (4), 54–61. (in Russ.). <https://doi.org/10.7242/1998-2097/2018.4.8>

20. Popova, O.V. (2020). O nereshennykh problemakh teorii gosudarstvennoy politiki identichnosti v rossiyskoy politologii [Unresolved problems in the theory of state identity policy in Russian political science]. *Politicheskaya nauka*, (4), 86–110. (in Russ.). <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

21. Rusakova, O.F. (2020). Strukturnyy diskurs-analiz stat'i prezidenta RF V. Putina “75 let Velikoy Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriey i budushchim” [Structural discourse analysis of the article by the president of the Russian Federation V. Putin “75 years of the Great Victory: shared responsibility to history and the future”]. *Diskurs-Pi*, 17(4), 10–25. (in Russ.). <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10401>

Информация об авторах

Софья Константиновна Калашникова, аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9837-3363>, e-mail: sofyakalashnikova15@gmail.com

Мария Ярославна Погодина, стажер-исследователь факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1536-6109>, e-mail: mariapogodina@gmail.com

Information about the authors

Sofia Konstantinovna Kalashnikova, PhD student, Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9837-3363>, e-mail: sofyakalashnikova15@gmail.com

Maria Yaroslavovna Pogodina, Research Intern, Department of Political Science, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1536-6109>, e-mail: mariapogodina@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ 2000-Х ГОДОВ

Екатерина Юрьевна Алёшина,

Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия,
alcatherine@yandex.ru

Наталья Юрьевна Костина,

Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия,
nubones@yandex.ru

Получена 11.08.2023.

Поступила после рецензирования 13.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Алёшина Е. Ю., Костина Н. Ю. Особенности репрезентации понятийного поля «Глобализация» в англоязычной политической риторике 2000-х годов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 78–97. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_78

Аннотация

В статье исследуется проблема актуализации и презентации понятийного поля «Глобализация» в англоязычном публичном политическом дискурсе начала 2000-х

© Алёшина Е. Ю., Костина Н. Ю., 2024

годов. Актуальность обусловлена особенностями геополитической ситуации периода, когда глобализационный процесс, подкрепленный теорией неолиберального экономического развития, явился точкой пересечения экономических интересов англосаксонской элиты с политическими, имплицитно подразумевая заявку на построение новой модели мироустройства. В условиях быстротекущих и нарастающих изменений общественного сознания и политической ситуации разрабатывались стратегии воздействия на мировое общественное мнение в направлении складывания картины «уверенных целенаправленных процессов с четким руководством» на фоне всеобщей нестабильности и хаотичности изменений. Цель исследования можно определить как выявление специфики формирования понятийного поля «Глобализация» в лексической системе английского языка как результата когнитивного освоения социального конструкта нового типа с последующей реализацией и модификацией в дискурсивной практике политического общения. Таким образом, в центре исследовательского интереса находятся механизмы информационного освоения изменяющегося социального опыта через языковые знаки, а также процесс пополнения и модификации полученной информации в когнитивно-деятельностной коммуникации. Отмечается, что рассматриваемое понятийное поле коррелирует с фазами развития политического и экономического проекта «Глобализация». В исследовании выявлены стратегии представления понятийного поля в публичном политическом дискурсе, как основанные на типичных для англо-американского риторического стиля чертах, так и обусловленные особенностями геополитической ситуации и психологии целевой аудитории американских политиков в начале XXI века. Делаются выводы относительно аспектуальной специфики отражения картины мира в англосаксонской политической коммуникации. В частности, отмечается, что англосаксонский политический дискурс в начале 2000-х годов пополнился новыми понятиями глобалистики, обработанными в соответствии с желанием элиты лидировать на трансграничном уровне, стусевать острые углы классовости, повернуть мировое развитие в сторону интересов невидимого путешествующего без преград капитала.

Ключевые слова:

глобализация, политическая риторика, понятийное поле, американские политики, англосаксонская политическая коммуникация

REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL FIELD «GLOBALIZATION» IN THE ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL RHETORIC OF THE 2000S.

Ekaterina Yu. Aleshina,

Penza State University,
Penza, Russia,
alcatherine@yandex.ru

Nataliya Yu. Kostina,

Penza State University,
Penza, Russia,
nubones@yandex.ru

Received 11.08.2023.

Revised 13.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Aleshina, E.Yu., Kostina, N.Yu. (2024). Representation of the Conceptual Field «Globalization» in the English-Language Political Rhetoric of the 2000s. *Discourse-P*, 21(1), 78–97. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_78

Abstract

The article examines a problem of the conceptual framework for Globalization in English-language public political discourse in the early 2000s. This framework correlates with different phases of Globalization as a political and economic project. The study identifies strategies for representing the conceptual framework in public political discourse based on typical Anglo-American rhetorical style and it takes into account current geopolitical situation and psychology of the target audience for American politicians at the beginning of the 21st century. It is worth mentioning that globalization, grounded by the theory of neoliberal economic development, was the process where economic interests of Anglo-Saxon elite intersected with political ones, claiming to build a new model of the world order. In the context of rapid and growing changes in public consciousness and the political situation, certain strategies were developed to influence public opinion all around the world and make people believe that Globalization is a purposeful process that brings clear and confident leadership against the background of general instability and chaotic changes. The purpose of the study is to identify the specific features of the conceptual framework for Globalization in the lexical system of the English language that resulted from a new type of social construct having been developed, followed by modification in

discursive practice of political communication. Thus the paper goes into the mechanisms of how social experience changes being informationally assimilated through linguistic signs, as well as the way the information received through cognitive activity communication is modified. Conclusions are drawn regarding the world picture being reflected in Anglo-Saxon political communication. In particular, it is noted that typical Anglo-Saxon political discourse in the early 2000s was replenished with new concepts of global studies, processed in accordance with the desire of the elite to lead at the cross-border level, to remove class conflicts from view, and to turn the world development towards the interests of invisible capital travelling without barriers.

Keywords:

globalization, political discourse, conceptual framework, American politicians, Anglo-Saxon political communication

---

Введение

С конца 1990-х гг. после трансформации биполярной структуры мировых политических отношений появилась необходимость ее замены новым типом взаимодействия на межгосударственном уровне. В это же время проявляет себя новая виртуальная социальная надстройка (Интернет и социальные сети), в которой территориальные границы не имеют решающего значения, в экономике укрепляется разделение труда и появляются новые типы межнационального взаимодействия на основе компьютерных технологий, в теории социальности – идеи полной победы западного типа демократии и «конца истории» (в терминах Ф. Фукуямы).

В этих условиях англосаксонский мир делает ставку на глобализационный процесс, подкрепленный теорией неолиберального экономического развития как точку пересечения своих экономических интересов с политическими, в перспективе делая заявку на построение новой модели мироустройства.

Свое видение глобализации как нового элемента всеобщей картины мира в 2000-х гг. англосаксонская политическая элита изложила через политические дискурсивные практики. В условиях быстротекущих и нарастающих изменений общественного сознания и политической ситуации разрабатывались стратегии воздействия на мировое общественное мнение в направлении складывания картины «уверенных целенаправленных процессов с четким руководством» на фоне всеобщей нестабильности и хаотичности изменений.

К началу 2000-х гг. в общем поле политического дискурса постепенно возникло понятийное поле «Глобализация», сформировавшееся как результат и дистилляция глобальных и национальных речевых практик в области глобализации. Особенности репрезентации понятийного поля «Глобализация» представляют несомненный исследовательский интерес.

Цель исследования можно определить как выявление специфики формирования понятийного поля «Глобализация» в лексической системе английского

языка как результата когнитивного освоения социального конструкта нового типа с последующей реализацией и модификацией в дискурсивной практике политического общения. Таким образом, в центре исследовательского интереса находятся механизмы информационного освоения изменяющегося социального опыта через языковые знаки, а также процесс пополнения и модификации полученной информации в когнитивно-деятельностной коммуникации. При этом достижение цели исследования предполагает решение ряда задач, направленных на изучение этапов развития глобализационного проекта и выявление целевых установок по мере складывания практик дискурса глобализации. Исследование проведено на лингвистическом материале оригинальных выступлений американских политиков высокого ранга общим объемом 125 000 знаков.

Методологические основы исследования

В современных условиях интерес к дискурс-исследованиям не ослабевает. Работы, посвященные политическому дискурсу, направлены на изучение когнитивных механизмов организации дискурса и проблему отражения в нем актуальных вопросов современности (Т. ван Дейк, Р. Водак, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, О. Ф. Русакова, В. Ю. Самарцев, Н. Феркло, П. Чилтон, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Согласно О. Ф. Русаковой, «с конца 1960-х годов “лингвистический поворот”, прежде всего благодаря интенсивному распространению идей и терминологии постмодернизма и семиотики в интеллектуальных кругах, превращается в “дискурсивный поворот”» (Русакова, 2006, с. 191).

В данном исследовании под дискурсом мы понимаем «тематически определенный текст, задуманный и предполагаемый как целый и завершённый, но рассмотренный в ситуации общения, в которой он разворачивается» (Блох, 2013, с. 9). Соответственно, политический дискурс представляет собой текст, разворачивающийся в ситуации политического общения (Алёшина, 2020). В фокусе исследовательского интереса – функционирование понятийного поля «Глобализация» в ситуации политической коммуникации.

В соответствии с основными положениями теории коммуникации мы используем понятие коммуникативной стратегии как совокупности запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели (Клюев, 1998, с. 10). Реализация стратегий сопровождается созданием семанто-информационных блоков, в соответствии с коммуникативными интенциями участников политического общения. В терминах Т. ван Дейка это семантические макроструктуры, состоящие из «макропропозиций довольно высокого уровня, выведенных из пропозиций, содержащихся в тексте, а также из фоновых знаний о мире»: «Они должны быть выведены из семантической интерпретации слов, фраз, предложений или последовательности предложений» (Дейк, 2000, с. 58). С когнитивной точки зрения в процессе реализации речевой стратегии происходит вербализация и объективация определенного содержания, которые знаменуют собой «работу с информацией, когнитивный процесс, рождающийся

в процессах познания и восприятия мира» (Григорьева, 2007, с. 21). Ключевую роль лексики в этом процессе подчеркивает Е. С. Кубрякова: «Все единицы языка служат либо выражению информации, либо ее распределению, либо, наконец, членению потока информации и при этом, делая это, они обслуживают как мыслительные процессы в голове отдельного человека, так и способствуют отражению опыта человечества в целом, фиксируя результаты восприятия и познания действительности» (Кубрякова, 2004, с. 251).

Важную методологическую составляющую данного исследования представляет концепция полевой организации лексических единиц. Выросшая из теории Й. Трира и В. Порцига (Trier, 1931; Porzig, 1934) концепция в ее современном виде постулирует, что для языка актуальна постоянно пополняющаяся строго организованная система понятий в виде понятийных полей, каждому из которых соответствует лексическое поле языка, состоящее из совокупности слов, объединенных общей гиперсемой (Жеребило, 2012).

Таким образом, концепция полевой организации словарного состава изначально направлена на осмысление связи содержательной стороны языка и его структурной организации на лексическом уровне. По Й. Триру, лексические поля – это реальности, которые занимают положение между единичными словами и совокупностью словаря. Они являются частью целого и сходны со словами в том, что вступают в сочетания, образуют единицы более высокого уровня, а также сходны со словарем в том, что могут быть разложены на меньшие единицы (Trier, 1931).

Теория лексического поля развивалась в трудах Л. Ельмслева, Л. Вайсгербера, С. Ульмана и других авторов. Л. Вайсгербер приходит к пониманию лексического поля как группы взаимодействующих знаков, являющейся частью промежуточного мира на границе мира вещей и мира сознания (Вайсгербер, 1993). В последствии основные векторы исследовательской мысли распределились между семасиологическим направлением (от слова к выражаемому смыслу) и ономасиологическим направлением (от идеи к способам ее выражения). Значительный вклад в развитие семасиологических исследований поля внесли Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова; ономасиологические исследования представлены работами Д. Н. Шмелева, М. В. Никитина, Ю. С. Степанова и др.

Значимость полевой теории как структурного конструкта разных уровней языка с высоким исследовательским потенциалом подчеркивается И. А. Стерниным: «В современной лингвистике интенсивно исследуются как отдельные языковые поля, так и полевой характер языка в целом. Проводимые исследования показывают плодотворность полевой модели языковой системы, которая представляет систему языка как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер» (Стернин, 1985, с. 30).

На современном этапе большинством исследователей признается, что «поле имеет особую структуру – ядро-периферия, – для которой характерна максимальная концентрация полнообразующих признаков в ядре и неполный набор

этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности на периферии» (Нильсон, 2001, с. 33). Системность организации рассматриваемого лексического конструкта наилучшим образом демонстрируется через роль семантического ядра поля, которое консолидируется вокруг компонента-доминанты. При этом периферия имеет зонную организацию (Стернин, 1985, с. 38).

С появлением понятия «дискурс» горизонты исследовательской парадигмы в отношении лексического поля расширились. Стало очевидно, что применение полевого подхода помогает развивать целостную теорию дискурса (Чернявская, 2001). В то же время изучение дискурсивной актуализации единиц лексического поля обогащает теорию полевой организации лексики, поскольку анализ и моделирование семантического поля только на основании лексикографических источников не будет полным, так как словарное толкование не способно объяснить всех реальных применений слова (Шмелев, 1973).

Актуальные исследования последнего времени, рассматривающие проблемы семантики и дискурса, направлены на выявление когнитивных механизмов передачи и аккумуляции информации в дискурсе через языковой знак. При процессуальном подходе к дискурсивным практикам актуализируются идеи семантических полей как носителей национальной специфики, так как «каждое семантическое поле присущим только данному языку способом членит тот кусок действительности, который оно отражает» (Караулов, 1976, с. 24).

Результаты исследования

Феномен глобализации: становление и эволюция

Термин «глобализация» получил распространение в середине 1970-х гг. и сначала использовался для характеристики экономической интеграции, постепенно расширяя референцию в соответствии с развитием процессов электронной коммуникации, социального взаимодействия и становления всемирных связей в целом.

Многогранность глобализации обусловила становление нового научного направления – глобалистики – на стыке истории, политологии и философии. Феномен глобализации изучали зарубежные и отечественные исследователи (З. Бауман, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Т. Левит, Р. Робертсон, К. С. Гаджиев, Н. В. Загладин, А. Н. Чумаков и др.).

Расцвет глобализации пришелся на 1980–1990-е годы и характеризовался стремлением к объединению рынков под эгидой нелиберальной политической модели и соответствующей идеологии, в рамках которой открыто провозглашалось торжество либеральной демократии и ее полная победа, отождествлявшаяся с метафорой Ф. Фукуямы «конец истории».

В начале 2000-х гг. проект «Глобализация» оценивается неоднозначно. Подчеркиваются его недостатки и необходимость пересмотра его стратегических составляющих.

В феврале 2004 г. был опубликован программный документ комиссии ООН по докладу «Справедливая глобализация: создание возможностей для всех»,

в котором были сформулированы основные направления глобализационного процесса, его недостатки, а также возможные способы их исправления. В документе отмечалось, что глобализация придала импульс процессу глубоких преобразований жизни общества в целом и каждого человека в отдельности. Благодаря новой технологии, потребовавшей большей открытости политики, мир стал более чем когда-либо взаимозависимым. В то же время подчеркивалось, что современный процесс глобализации ведет к весьма неоднородным результатам как внутри стран, так и между ними. «Создается богатство, но при этом слишком многие страны и народы не могут воспользоваться его преимуществами. Кроме того, они лишены возможности оказывать воздействие на этот процесс... Даже в экономически благополучных странах некоторые работники и общины также испытывают на себе отрицательные последствия глобализации, и при этом осознание такого неравенства еще более усиливается благодаря революции в глобальных коммуникационных системах... Такой глобальный дисбаланс морально неприемлем и политически несостоятелен. Для того чтобы изменить подобное положение вещей, надо не пытаться наскоком реализовать утопические идеи, а постепенно и скоординировано осуществлять преобразования и при этом проводить самые широкие меры, начиная от реформ различных элементов глобальной экономической системы и вплоть до укрепления механизмов управления на местном уровне»¹.

После терактов 11 сентября 2001 г. и кризиса 2008 года сомнения в эффективности глобализации как провозглашенного «проекта тысячелетия» усилились. Активизировалось движение антиглобализма.

Критический аспект дискурса глобализации актуализирует и заостряет противоречия процесса, демонстрирует альтернативные векторы осмысления будущего человечества. Н. Хомский подчеркивал, что «современная форма рыночно ориентированной и продвигаемой корпорациями глобализации – не единственная и далеко не лучшая из возможных форм», отмечая, что бенефициарами существующей формы глобализации являются ее архитекторы – приближенные к власти владельцы частного капитала². На развитие идеологии антиглобализма значительное влияние оказали труды З. Баумана «Текущая современность» (Бауман, 2008), Н. Кляйн «No Logo. Люди против брендов» (Кляйн, 2005), А. Сена «Развитие как свобода» (Сен, 2004) и др.

С 2008 г. начал получать широкое распространение дискурс постглобализации, высвечивающий ограниченность проекта глобализации и подвергающий критике неолиберальную модель общественного устройства. По мнению Ю. В. Асочакова, понятие «постглобализация» разграничивает глобализацию во времени и пространстве, делая видимой «линию разлома» неолиберальной

¹ *A Fair Globalization: Creating Opportunities for All: Report of the world Commission on the Social Dimensions of Globalization.* (2004). Retrieved January 20, 2021, from <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/document/a-fair-globalization-creating-opportunities-for-all/>

² Chomsky, N. (2016, July 2). *Globalization, Inequality and Political Alienation.* Retrieved September 12, 2022, from <https://chomsky.info/globalization-inequality-and-political-alienation/>

модели, где следующий логический шаг связан с признанием недействительными таких понятий, как «однополярность», «рыночный фундаментализм» и др. (Асочаков, 2019, с. 22).

Постглобализацию, на наш взгляд, следует рассматривать не как отказ от глобализации, а скорее как ее переход в новую стадию своего развития, включающий пересмотр целого ряда прежних установок. Согласимся со следующим утверждением: «...постглобализация как концепция смены содержания глобализации и превращения ее в категорию объектов, отвечающих требованиям “зрелости реальности”, может быть рассмотрена в терминах диалектического метода и исследована научно, т.е. на основе наблюдений и анализа. Это открывает перспективы для объективного изучения глобализации и создания в результате теории глобализации, которая не будет, в отличие от “проекта тысячелетия”... нарративом о “конце истории”, желательном продвижении либеральной демократии, глобальном развитии как “лечении болезни” пока еще “непросвещенных” частей мира» (Асочаков, 2019, с. 23).

Понятийное поле «Глобализация»

Понятийное поле, представляющее собой систему понятий-лексем, организованных вокруг центрального понятия, складывается вокруг смысловых доминант картины мира языкового сообщества. Соответственно, развитие наполняемости поля связано с внеязыковыми продвижениями в соответствующей сфере деятельности человека. Мы рассматриваем смысловое поле «Глобализация», формирование которого совпало со стадиями развития проекта глобализации.

Формирование референтной базы поля началось с появлением понятия глобализации, продолжилось с оформлением и проведением в жизнь концепции глобального развития в рамках неолиберальной идеологии, пополнялось из научного, публицистического и других дискурсов, программных документов по теме, что привело к появлению дискурса глобализации.

Согласно А. О. Лалетиной и Е. С. Гриценко, «наибольшее освещение феномен глобализации получил в экономической теории, политологии, социологии и культурологии, важным результатом этих научных изысканий является возникновение дискурса глобализации» (Лалетина, Гриценко, 2012, с. 255). В политическом отношении этот дискурс формируется как совокупность дискурсивных практик по проблемным вопросам мировой политики и мировой цивилизации (Глассер, 2023).

Таким образом, освоение нового социального конструкта сопровождалось активизацией коммуникативных практик в данной понятийной области, что приводило к оформлению вновь возникаемого опыта в системе языка. Так, структурно лексическое и семантическое поле понятия «Глобализация» представляется состоящим, во-первых, из базового понятия-концепта “globalization” или «ядра», во-вторых, из организованного вокруг «ядра» пространства понятий-дериватов, таких как “globality” (глобализм), “global” (глобальный), “postglobalization” (постглобализация); в-третьих, из периферийной зоны, куда входят экономические практики глобализации, социальные, экологические

и культурные проблемы, связанные с процессами глобализации, политические глобальные решения и ряд других вопросов глобального уровня.

Упомянутый программный документ «Справедливая глобализация: создание возможностей для всех» актуализировал некоторые участки понятийного поля концепта Globalization: “social (economic, political, environmental) dimensions of globalization” – социальные (экономические, политические, экологические) измерения глобализации; “global community” – глобальное сообщество; “key characteristics of globalization: (trade, foreign investment, financial flows, technology, interrelations, environment)” – ключевые характеристики глобализации (торговля, зарубежные инвестиции, финансовые потоки, технологии, международные отношения, окружающая среда); “uneven development” – неравномерное развитие; “goals of globalization” – цели глобализации и некоторые другие.

В рамках критического дискурса происходит активное пополнение понятийного поля концепта «Глобализация», в частности, благодаря критическим публикациям по проблемам глобализма Н. Хомского³. Ряд понятий получают ярко выраженную негативную оценочность, вводятся в оборот новые метафоры, устойчивые выражения: “march to the tune of neoliberal globalization” (марш под дудку неолиберальной глобализации); “massive economic insecurity” (массовая экономическая незащищенность); “myths about globalization” (мифы о глобализации); “antiglobalists are modern Luddites” (антиглобалисты – это современные луддиты); “to back the clock against progress of science and technology” (повернуть часы назад против прогресса науки и технологии); “the GVC world” (мир глобальных цепочек добавленной стоимости); “global power” (глобальная власть); “winners and losers of globalization” (победители и проигравшие глобализации); “technology and globalization are not destiny” (технология и глобализация не предначертаны судьбой); “adverse effects of globalization” (побочные эффекты глобализации) и др.

В связи с вышесказанным дадим уточненное определение дискурса глобализации, который мы предлагаем понимать как совокупность коммуникативных практик на глобальном и национальном уровнях, в результате которых формируется и лексически оформляется участок картины мира языкового сообщества, отражающий как объективные процессы, так и устойчивые ассоциативные связи, характерные для определенного исторического этапа развития языкового сообщества.

Репрезентация глобализации в политическом дискурсе начала 2000-х гг.

Рассмотрим стратегические установки, встречаемые в публичных репрезентациях дискурса глобализации, представленные в выступлениях таких американских политических лидеров начала 2000-х гг., как Б. Обама (президент США в 2009–2017 гг.) и Дж. Керри (в 2009–2013 гг. – председатель Сенатского комитета по внешней политике, в 2013–2017 гг. – Государственный секретарь США).

³ Chomsky, N. (2017, June 22). *Myths of Globalization*. Retrieved March 5, 2023, from <https://chomsky.info/20170705/>

Стратегия демонстрации успешности проекта основывается на искусственном создании образа «абсолютно успешного политико-экономического продукта» через логическую аргументацию и эмоциональное воздействие: формулировки успехов глобализации, перезарядку отрицательных понятий, введение собственной терминологии и образности, развенчание негативных стереотипов как несостоятельных. Проиллюстрируем данную стратегию отрывком из обращения Б. Обамы к Британскому парламенту 25 мая 2011 г.

“The time for our leadership is now. It was the United States and the United Kingdom and our democratic allies that shaped a world in which new nations could emerge and individuals could thrive. And even as more nations take on the responsibilities of global leadership, our alliance will remain indispensable to the goal of a century that is more peaceful, more prosperous and more just... In other words, we live in a global economy that is largely of our own making. And today, the competition for the best jobs and industries favors countries that are free-thinking and forward-looking; countries with the most creative and innovative and entrepreneurial citizens”⁴.

«Именно сейчас настало время для нашего лидерства. Именно США, Соединенное Королевство и наши демократические союзники сформировали мир, в котором могут появиться новые нации, а отдельные личности могут процветать. Даже когда все больше наций принимают обязательства глобального лидерства, наш альянс останется незаменимым в достижении цели века, которая является более мирной, процветающей и справедливой... Другими словами, мы живем в глобальной экономике, которая есть результат наших трудов. А сегодня конкуренция за лучшие рабочие места и промышленность приносит успех свободомыслящим и масштабно мыслящим странам, странам с самыми креативными, изобретательными и предприимчивыми гражданами».

Приведенный отрывок характеризует нарочито пафосный тон. Ключевое слово “leadership” (лидерство) в первом предложении дополняется впоследствии эпитетом “global” (глобальное). Инверсия в первом предложении сосредотачивает внимание слушателей на понятии «сейчас», суть которого раскрывается при помощи метафор “have shaped a world” (сформировали мир), “the goal of the century” (цель столетия), параллельных конструкций с повышенной эмоциональностью “a century that is more peaceful, more prosperous, more just” (век более мирный, более процветающий, более справедливый), эпитетов-гипербол “the most creative and innovative and entrepreneurial citizens” (наиболее креативные, инновационно думающие и предприимчивые граждане), гиперболических метафор “economy which is largely of our own making” (экономика во многом нашего авторства).

Таким образом, создается картина экономического благополучия как результата усилий политической элиты по реализации положительно зарекомендовавшего себя экономического направления.

⁴ Obama, B. (2011, May 25). *Address to the British Parliament*. Retrieved August 25, 2020, from <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamabritishparliament.htm>

Рассмотрим еще один пример – отрывок из обращения Б. Обамы к народу Греции 16 ноября 2016 г.

“Because the world has never, collectively, been wealthier, better educated, healthier, less violent than it is today. That’s hard to imagine, given what we see in the news, but it’s true. And a lot of that has to do with the developments of a integrated, global economy”⁵.

«Потому, что мир никогда коллективно не был здоровее, лучше информирован, менее полон насилия, чем сегодня. Это сложно представить, посмотрев новости, но это правда. И многое из этого является следствием прогресса интегрированной, глобальной экономики».

Данный отрезок текста реализует пафосную положительную образность, подобную предыдущему текстовому отрывку, гиперболизированные структуры с прилагательными в сравнительной степени имплицитно подразумевают сравнение с «доглобализационной» эпохой не в пользу последней: “the world has never, collectively, been wealthier, better educated, healthier, less violent than it is today” (мир никогда коллективно не был здоровее, лучше информирован, менее полон насилия, чем сегодня); аргумент к глобализации как основе процветания “a lot of that has to do with the developments of an integrated, global economy” (многое из этого является следствием прогресса интегрированной, глобальной экономики); аргумент к истине “hard to imagine, given what we see in the news, but it’s true” (это сложно представить, посмотрев новости, но это правда).

Заслуживает внимания появление аргументативной базы, построенной на утверждении глобализации как основы современного экономического процветания. Оправдание глобализации построено на аргументе к ней самой как единственному возможному сценарию развития.

Стратегия подмены экономических сторон глобализации политическими. При продвижении проекта глобализации фоном для риторики стало общее место про доминирование США и его роли арбитра в решении проблем глобализации. В выступлении Дж. Керри о Транстихоокеанском торговом партнерстве 19 мая 2015 г. глобализация представлена как естественный процесс, без которого невозможно дальнейшее развитие.

“Globalization has no reverse gear, my friends. As technology continues to evolve, as more and more people in the world have smartphones and look and listen to what people are doing and thinking in other countries, the world will become more interconnected, not less. And no politician anywhere in the world has the power to change people’s desires to be connected, to be part of the world, and in many ways to share what they see other people having that they want themselves”⁶.

⁵ Obama, B. (2016, November 16). *Address to the People of Greece*. Retrieved August 19, 2020, from <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamagreeceseople.htm>

⁶ Kerry, J. (2015, May 19). *Transpacific Trade Pact Speech*. Retrieved August 19, 2020, from <https://www.americanrhetoric.com/speeches/johnkerrytranspacifictradepactboeing.htm>

«Мои друзья, у глобализации нет задней скорости. Технологии продолжают развиваться по мере того, как у все большего количества людей появляются смартфоны для того, чтобы наблюдать за жизнью и образом мысли людей из других стран, мир становится более взаимосвязанным, не менее. И ни один политик в мире не имеет власти над желанием людей быть объединенными, быть частью мира и во многом делиться тем, что имеют одни и хотели бы иметь другие».

Текстовый отрывок начинается с создания яркого образа глобального процесса как стремительно движущегося вперед болида, не имеющего конструктивной возможности дать заднюю скорость. По мере развития нарратива выдвигаются аргументы к естественным процессам, не имеющим обратного хода: появления новых технологий и желанию людей жить лучше. Сравнительная конструкция “the world will become more interconnected, not less” (мир становится более взаимосвязанным, не менее) с эмфатическим построением актуализирует идею естественности и необратимости глобальных изменений. Кульминацией можно считать аргумент к несостоятельности попыток обратить процесс вспять. В данном отрывке демонстрируется потенциал англосаксонской риторики в утверждении сценария необратимости глобальных перемен, что также имеет своей целью создание определенного стереотипа мышления.

Стратегия замалчивания и затемнения экономических выгод групп лоббирования. В процессе репрезентации интересов политических и экономических элит в продвижении проекта «Глобализация» англосаксонская риторика, которая на первый взгляд является открытой и демократической, оказывается на самом деле подтекстово закрытой: затемняется аргументативная база, ораторы прибегают к откровенно популистским приемам уменьшения дистанции с аудиторией, даже к некоторой степени фамильярности, что можно проиллюстрировать отрывком из выступления Дж. Керри о Транстихоокеанском торговом партнерстве от 19 мая 2015 г.

“The third major argument that you hear against TPP (Transpacific Partnership) is the standard line about outsourcing and globalization. It’s a genuine feeling... The fact is globalization is here to stay. No one can put that genie back in the bottle. What we can do is mitigate the negative impacts. And in the end, when you measure all the benefits against all the negatives, I believe the balance says it is absolutely a good thing for our nation and for the world”⁷.

«Третий основной аргумент, который вы слышите против Транстихоокеанского партнерства, это стандартное место об аутсорсинге и глобализации. Это искреннее чувство... Но факт в том, что глобализации пришла, чтобы остаться. Нельзя загнать джинна обратно в бутылку. Что мы реально сможем сделать – это смягчить отрицательные последствия. В конце концов, когда вы взвесите положительные и отрицательные последствия, то, думаю, результат подскажет вам, что это хорошая вещь для нашей нации и мира в целом».

Приведенный отрывок содержит аргументацию от противного. Негативные последствия глобализации в нем названы «общим местом» аргументации про-

⁷ Kerry, J. (2015, May 19). Op. cit.

тивников глобализационных союзов: “the third major argument that you hear against TPP (Transpacific Partnership) is the standard line about outsourcing and globalization” (третий основной аргумент, который вы слышите против транс-тихоокеанского партнерства, это стандартное место об аутсорсинге и глобализации). Таким образом, борьба с противниками ведется при помощи аргумента в пользу необратимости глобализации и призыва к действиям сомнительной эффективности.

Стратегия признания некоторых отрицательных последствий глобализации с целью продвижения собственной политики. Проиллюстрируем данную стратегию отрывком из выступления Б. Обамы, обращенного к европейцам 25 апреля 2016 г.

“As I mentioned before, the economic anxieties many feel today on both sides of the Atlantic are real. The disruptive changes brought about by the global economy, unfortunately, sometimes are hitting certain groups, especially working-class communities, more heavily. And if neither the burdens, nor the benefits of our global economy are being fairly distributed, it’s no wonder that people rise up and reject globalization. If there are too few winners and too many losers as the global economy integrates, people are going to push back”⁸.

«Как я уже упоминал, озабоченность экономическими проблемами по обе стороны океана имеет под собой реальную подоплеку. Разрушительные изменения, принесенные глобальной экономикой, к сожалению, сильно бьют по некоторым социальным группам, особенно рабочему классу. И если ни побочные эффекты, ни дивиденды от глобальной экономики не будут справедливо распределены, нечего и удивляться, что люди поднимутся в протесте против глобализации. Если будет слишком мало победителей и слишком много проигравших в процессе мировой экономической интеграции, люди от нее отшатнутся».

Приведенный фрагмент речи изобилует образами и лексемами отрицательной оценочности: “the economic anxieties many feel today on both sides of the Atlantic are real” (озабоченность экономическими проблемами по обе стороны океана имеет под собой реальную подоплеку), “disruptive changes brought about by the global economy” (разрушительные изменения, принесенные глобальной экономикой), “are hitting certain groups, especially working-class communities, more heavily” (сильно бьют по некоторым социальным группам, особенно рабочему классу), “people rise up and reject globalization” (люди поднимутся в протесте против глобализации), “people are going to push back” (люди от нее отшатнутся). В осмыслении глобальных проблем появляются фразы-клише с двумя пиками смысла: “neither the burdens, nor the benefits of global economy” (ни побочные эффекты, ни дивиденды от глобальной экономики), “winners and too many losers of the global economy” (победители и проигравшие в мировой экономике).

---

⁸ Obama, B. (2016, April 25). *Address to the Peoples of Europe*. Retrieved October 10, 2021, from <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaeuropheanover.htm>

В указанном выступлении Б. Обамы «открытая» постановка проблемы оборачивается провозглашением популистских способов ее решения:

“So all of us in positions of power have a responsibility as leaders of government and business and civil society to help people realize the promise of economic and security in this integrated economy. And the good news is, we know how to do it. Sometimes we just lack the political will to do it”⁹.

«Поэтому все мы, лидеры правительств, бизнеса и общественности, имеющие доступ к власти, несем ответственность за реализацию перспектив экономической интеграции и идей безопасности в новом мире в сознании людей. И хорошая новость состоит в том, что мы знаем, как это сделать. Иногда нам просто не хватает политической воли сделать это».

В данном отрывке, являющемся продолжением предыдущего высказывания, кризисная ситуация объясняется недостатком политической воли.

Таким образом, в проекте «Глобализация» совмещаются два жизненно важных для политических сил вектора: экономический и политический. Идея представления фактов развития как «глобальных» имеет важную импликацию, а именно, существуют способы организовать и управлять вне зависимости от внутренних интересов, причем так, чтобы «всем было выгодно».

Анализ лингвистического материала показывает, что в рамках политического дискурса происходит расширение и развитие понятийного поля концепта «Глобализация», вводятся новые понятия, возникают образы, озвучиваются клише. Политический дискурс обогатил семантическое поле данного концепта такими выражениями как “globalization is here to stay” (глобализация здесь, чтобы остаться); “no one can put that genie back in the bottle” (никто не может загнать джина обратно в бутылку); “globalization has no reverse gear” (у глобализации нет задней скорости); “the dizzying pace of globalization” (головокружительная поступь глобализации) и др.

Заключение

Основными источниками семантического обогащения концепта «Глобализация» выступают реальные изменения, происходящие в различных глобальных пространствах (политическом, экономическом, экологическом и др.), которые подвергаются дискурсивному осмыслению и интерпретациям со стороны представителей элит, органов власти, экспертного сообщества, СМИ, сетевых сообществ и других авторитетных институтов. Значительное влияние на процесс трансформации дискурса глобализации оказывают риторические и информационные особенности современных политических коммуникаций, формирующие и отражающие расстановку политических сил, массовые настроения социальных групп и оценку положения дел на мировой арене.

В начале 2000-х гг. проект «Глобализация» предоставил возможность для активного продвижения на мировой арене интересов англосаксонской

⁹ Obama, B. (2016, April 25). Op. cit.

элиты, в связи с чем он оказался ключевым в формировании идеологии и разнообразных практик неолиберализма. В результате непрерывно развивающейся информационно-коммуникативной деятельности в риторической системе данного проекта стали формироваться новые дискурсивные комплексы, существенно обогатившие его лексическую и семантическую основу.

Новая расстановка политических сил в начале 2000-х гг. привела к появлению однополярной модели мира, которая оформилась в виде концепта глобализации, первоначально представляемого как достижение «конца истории», т.е. окончательной и бесповоротной мировой победы либеральной демократии. Однако вскоре проект «Глобализация» подвергся критике со стороны антиглобалистов и других общественных сил, а также – различных исследователей и аналитиков, выступающих за необходимость развития новых форм глобализации с новыми движущими силами и новой идеологией. В результате возникла концепция постглобализации, лексически обогатившая дискурсивное поле глобализации и открывшая перспективы нового этапа в развертывании глобализации.

Рассмотренные нами риторические стратегии выступлений таких американских лидеров, как Б. Обама и Дж. Керри, позволили говорить о создаваемой ими во многом искаженной, прагматически ангажированной и затушеванной посредством различных манипулятивных приемов глобальной картины мира. При общей риторической театральности англосаксонского политического дискурса, его претензии на демократичность и открытость на деле имеет место подтасовка аргументации, популизм и схоластика.

Важным результатом дальнейшего проведения работ в сфере дискурс-исследований процесса обогащения лексического поля «Глобализация» станет формирование своеобразной «базы данных» в виде единиц соответствующего понятийного поля с полной референцией, воспроизводящей реальную картину глобализующегося мира. При этом следует помнить, что англосаксонский политический дискурс представляет собой складывавшуюся веками практику публичной политической риторики, которая в последние годы существенно пополнилась новыми понятиями глобалистики, обработанными в соответствии с желанием властной элиты лидировать на трансграничном уровне, маскировать острые углы классовости, повернуть мировое развитие в сторону непрерывного удовлетворения все возрастающих потребностей путешествующего без границ олигархического капитала.

Список литературы

1. Алёшина, Е. Ю. (2020). *Публичное выступление, посвященное политическому конфликту*. Москва: Прометей.
2. Асочаков, Ю. В. (2019). Постглобализация и новые контуры будущей современности. *Телескоп*, (1), 19–23. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.103>

3. Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Москва; Санкт-Петербург: Питер.
4. Блох, М. Я. (2013). Дискурс и системное языкознание. *Язык. Культура. Речевое общение*, (1), 5–10.
5. Вайсгербер, Й. Л. (1993). *Родной язык и формирование духа* (Изд. 2-е, испр. и доп.). Москва: УРСС.
6. Глассер, М. А. (2023). Российский дискурс глобализации. В О. П. Иванов (Отв. ред.), *Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир* (с. 236–260). Москва: Проспект.
7. Григорьева, В. С. (2007). *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты*. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. техн. ун-та.
8. Дейк, Т. А. ван. (2000). *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: Благовещ. гуманит. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ.
9. Жеребило, Т. В. (2012). *Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: словарь-справочник*. Назрань: Пилигрим.
10. Караулов, Ю. Н. (1976). *Общая и русская идеография*. Москва: Наука.
11. Кляйн, Н. (2005). *No Logo: люди против брендов*. Москва: Добрая кн.
12. Клюев, Е. В. (1998). *Речевая коммуникация: Коммуникативные стратегии. Коммуникативные тактики. Успешность речевого взаимодействия*. Москва: Приор.
13. Кубрякова, Е. С. (2004). *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Яз. славян. культуры.
14. Лалетина, А. О., Гриценко Е. С. (2012). Дискурсы глобализации в зарубежной лингвистике. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, (638), 225–265.
15. Нильсон, Е. А. (2001). *Лексико-семантическое поле звукообозначений в английском языке (синхронный и диахронный аспекты)*: [Дис. ... канд. филол. наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена]. Российская государственная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000323855/?ysclid=ltb9arcj3h43154635
16. Русакова, О. Ф. (2006). Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций. *Политэкс: Политическая экспертиза*, 2(3), 191–212.
17. Сен, А. (2004). *Развитие как свобода*. Москва: Новое изд-во.
18. Стернин, И. А. (1985). *Лексическое значение слова в речи*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.
19. Чернявская, В. Е. (2001). Дискурс как объект лингвистических исследований. В В. Е. Чернявская (Отв. ред.), *Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса* (с. 11–22). Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов.

20. Шмелев, Д. Н. (1973). *Проблемы семантического анализа лексики: (На материале русского языка)*. Москва: Наука.
21. Porzig, W. (1934). Wesenhafte bedeutungsbeziehungen. Beiträge zur *Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 58(Jahresband), 70–97. <https://doi.org/10.1515/bgsl.1934.1934.58.70>
22. Trier, J. (1931). *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes (die Geschichte eines Sprachliches feldes)*. Bd. 1. Heidelberg: C. Winter.

References

1. Aleshina, E. Yu. (2020). *Publichnoe vystuplenie, posvyashchennoe politicheskomu konfliktu* [Public speech dedicated to the political conflict]. Moscow: Prometey. (in Russ.).
2. Asochakov, Yu. V. (2019). Postglobalizatsiya i novye kontury budushchey sovremennosti [Post-globalization and new contours of the future Modernity]. *Teleskop*, (1), 19–23. (in Russ.). <https://doi.org/10.33491/telescope2019.103>
3. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Moscow; St. Petersburg: Piter. (in Russ.).
4. Blokh, M. Ya. (2013). Diskurs i sistemnoe yazykoznanie [Discourse and Systemic Linguistics]. *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*, (1), 5–10. (in Russ.).
5. Chernyavskaya, V. E. (2001). Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as an object of linguistic research]. In V. E. Chernyavskaya (Resp. ed.), *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa* (pp. 11–22). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov. (in Russ.).
6. Dijk, T. A. van. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskiy gumanitarnyy kolledzh im. I. A. Boduena de Kurtene. (in Russ.).
7. Glasser, M. A. (2023). Rossiyskiy diskurs globalizatsii [Russian discourse of globalization]. In O. P. Ivanov (Resp. ed.), *Novaya epokha mezhdunarodnoy bezopasnosti. Rossiya i mir* (pp. 236–260). Moscow: Prospekt. (in Russ.).
8. Grigorieva, V. S. (2007). *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. (in Russ.).
9. Karaulov, Yu. N. (1976). *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka. (in Russ.).
10. Klein, N. (2005). *No Logo: lyudi protiv brendov* [No Logo: taking aim at the brand bullies]. Moscow: Dobraya kniga. (in Russ.).
11. Klyuev, E. V. (1998). *Rehevaya kommunikatsiya: Kommunikativnye strategii. Kommunikativnye taktiki. Uspeshnost' rehevogo vzaimodeystviya* [Speech communication: Communication strategies. Communication tactics. The success of speech interaction]. Moscow: Prior. (in Russ.).

12. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (in Russ.).
13. Laletina, A. O., & Gritsenko E. S. (2012). Diskursy globalizatsii v zarubezhnoy lingvistike [Discourses of globalization in foreign linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, (638), 225–265. (in Russ.).
14. Nilson, E. A. (2001). *Leksiko-semanticheskoe pole zvukooboznacheniy v angliyskom yazyke (sinkhronnyy i diakhronnyy aspekty)* [Lexico-semantic field of sound meanings in English (synchronous and diachronic aspects)] [Dissertation, The Herzen state pedagogical university of Russian]. (in Russ.). Russian State Library. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000323855/?ysclid=ltb9arcj3h43154635
15. Porzig, W. (1934). Wesenhafte bedeutungsbeziehungen [Essential meanings]. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 58 (Jahresband), 70–97. (in Russ.). <https://doi.org/10.1515/bgsl.1934.1934.58.70>
16. Rusakova, O. F. (2006). Osnovnye raznovidnosti sovremennykh teoriy politicheskogo diskursa: opyt klassifikatsiy [Basic versions of modern theories of political discourse: experience of classifications]. *Politeks: Politicheskaya ekspertiza*, 2(3), 191–212. (in Russ.).
17. Sen, A. K. (2004). *Razvitie kak svoboda* [Development as freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (in Russ.).
18. Shmelev, D. N. (1973). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki: (Na materiale russkogo yazyka)* [Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the Russian language)]. Moscow: Nauka. (in Russ.).
19. Sternin, I. A. (1985). *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. (in Russ.).
20. Trier, J. (1931). *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes (die Geschichte eines Sprachliches feldes)* [Der deutschen Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes (the history of a linguistic field) (Vol. 1)]. Heidelberg: C. Winter. (in Russ.).
21. Weisgerber, J. L. (1993). *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Mother tongue and Mental Education (2nd ed., rev. and augm.)]. Moscow: URSS. (in Russ.).
22. Zherebilo, T. V. (2012). *Terminy i ponyatiya lingvistiki: Leksika. Leksikologiya. Frazеologiya. Leksikografiya: slovar'-spravochnik* [Terms and concepts of linguistics: Vocabulary. Lexicology. Phraseology. Lexicography: a reference dictionary]. Nazran: Pilgrim. (in Russ.).

Информация об авторах

Екатерина Юрьевна Алёшина, доктор филологических наук, доцент, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0916-1014>, e-mail: alcatherine@yandex.ru

Наталья Юрьевна Костина, кандидат филологических наук, доцент, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6148-1619>, e-mail: nubones@yandex.ru

Information about the authors

Ekaterina Yurievna Aleshina, Doctor of Philology, Associate Professor, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0916-1014>, e-mail: alcatherine@yandex.ru

Natalia Yurievna Kostina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0009-0000-6148-1619>, e-mail: nubones@yandex.ru

---

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА В МАРКЕТИНГОВОМ ДИСКУРСЕ

Селезнева Лариса Васильевна,

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Москва, Россия,
loramuz@yandex.ru

Получена 18.08.2023.

Поступила после рецензирования 07.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Селезнева Л.В. Позиционирование субъекта в маркетинговом дискурсе // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 98-109. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_98

Аннотация

Позиционирование представляет собой особую форму коммуникативного процесса, которая включает маркетинговые и рекламные мероприятия по обеспечению компании или товара определенным местом (позицией) на рынке.

При этом компании активно используют разные маркетинговые коммуникативные стратегии в социальных медиа. Если концепция позиционирования была разработана в 90-е гг. XX в. и остается одной из самых популярных маркетинговых теорий, то в дискурсологии нет однозначного понимания процесса позиционирования и механизмов анализа. Позиционирование рассматривается, с одной стороны, как результат интеракции между инстанциями, т.е. между креатором, референтом и реципиентом и их взаимного влияния, а с другой – как применяемые субъектные позиции. Поэтому задача заключается в том, чтобы определить дискурсивный механизм позиционирования. В основу исследования были положены методологические принципы дискурсологии, позволившие выявить позиции участников коммуникативного взаимодействия и тем самым описать основные формы и механизмы по-

© Селезнева Л. В., 2024

зиционирования в маркетинговом дискурсе. Проведенный анализ свидетельствует об определенной динамике позиционирования в связи с возможным изменением позиций субъекта как в силу собственных интенций, так и под влиянием мнения других субъектов интеракции. На материале официальных аккаунтов компаний в сети *Facebook*, *Instagram*¹ и *Twitter*² были представлены такие коммуникативные стратегии, как установление контакта и согласование позиций, которые реализуются в процессе интересубъектного взаимодействия, и речевой этикет как способ позиционирования в социальных медиа. В результате анализа интеракции между инстанциями – субъектом, объектом и другими субъектами – выявлено, что позиционирование предусматривает позицию субъекта речи к предмету позиционирования и другим субъектам, а также отношение субъекта к действиям других и их мнению о предмете позиционирования.

Ключевые слова

позиционирование, коммуникативная стратегия, дискурс, субъект, интеракция

UDC 811.161.1

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_98

SUBJECT POSITIONING IN MARKETING DISCOURSE

Larisa V. Selezneva,

The Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia,
loramuz@yandex.ru

Received 18.08.2023.

Revised 07.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Selezneva, L.V. (2024). Subject positioning in marketing discourse. *Discourse-P*, 21(1), 98–109. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_98

Abstract

Positioning is a special form of communication process that includes marketing and advertising activities to provide a company or product with a certain place (i.e. posi-

¹ Компания *Meta* и ее продукты (*Instagram* и *Facebook*) признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории РФ.

² 24 июля 2023 г. главная страница *Twitter* была переименована в «X».

tion) on the market. At the same time, companies actively use different marketing communication strategies in social media. The concept of positioning was developed in the 90s of the 20th century and it still remains one of the most popular marketing theories, however there is certainly ambiguity in understanding how the process of positioning is performed and what are the mechanisms of its analysis in terms of discursology. On the one hand, positioning is considered as a result of interaction between levels, i.e. between a creator, a referent and a recipient and their mutual influence, and on the other as positions applied by subjects. Therefore, the goal of this paper is to determine a discursive mechanism of positioning. The research was based on methodological principles of discursology, which made it possible to identify positions of participants in communicative interaction and thereby describe the main forms and mechanisms of positioning in marketing discourse. The analysis shows a certain dynamics of positioning regarding a possible change in positions taken by positions, both due to their own intentions and influenced by the opinions of other subjects within interaction. *Facebook*, *Instagram*³ and *Twitter*⁴ official accounts of the companies were used to present such communication strategies as establishing contact and coordinating positions, which are implemented in the process of intersubject interaction. The conducted analysis of interaction between different levels, i.e. a subject, an object and other subjects, revealed that positioning seems to provide a subject of speech with the position to an object and other subjects, as well as it seems to determine a subject's attitude to the actions of others and their opinion about an object of positioning.

Keywords:

positioning, communication strategy, discourse, social networks, subject, advertising, interaction

---

*Имидж – ничто, жажда – все.
Не дай себе засохнуть.*⁵

Введение

Концепция позиционирования, которая была представлена американскими маркетологами Д. Траутом и Э. Райсом в 90-е годы XX в., продолжает оставаться одной из самых популярных маркетинговых теорий (Райт, Траут, 2001). Под «позиционированием» обычно понимают «маркетинговые и рекламные мероприятия по обеспечению компании, товара, услуги и т.п. определенным местом, нишей на рынке»⁶ и активно используют как новый

---

³ *Facebook*, *Instagram* and *Meta* company and its products are recognized as extremist, and their activities are prohibited in the territory of the Russian Federation.

⁴ On July 24, 2023, the *Twitter* homepage was renamed “X”.

⁵ Реклама напитка «Sprite», 2011 г.

⁶ См.: КАРТАСЛОВ.РУ – Карта слов и выражений русского языка: сайт. Взято 11 ноября 2021, с <https://kartaslov.ru/?ysclid=lnwftvb7m0107398737>

подход к коммуникациям в условиях «сверхкоммуникативного» общества и перенасыщенного аналогичными товарами и услугами рынка. Как важный инструмент маркетинга позиционирование нацелено на формирование у потребителя определенного образа компании, другими словами, имиджа, который распространяется на все ее товары или услуги. Поэтому позиционирование как необходимый этап маркетинговой деятельности Ф. Котлер, вслед за Дж. Траутом и Э. Райсом, определяет как «то, что вы осуществляете в умах потенциальных покупателей»: «То есть вы позиционируете продукт в их сознании» (Котлер, Ли, 2008, с. 287).

Формирование лояльности у потенциального потребителя возможно благодаря полноценному многостороннему общению клиента и производителя товаров и услуг. Социальный маркетинг предполагает выстраивание взаимоотношений с клиентами и представляет собой такую форму двусторонней коммуникации, которая ориентирована на поддержание высокого уровня воспринимаемой потребителем ценности как товара, так и самой компании.

В дискурсологии позиционирование все чаще становится объектом исследования. В зарубежной лингвистике и дискурсологии позиционирование оценивают, с одной стороны, как результат интеракции между инстанциями, т.е. между креатором, референтом и реципиентом и их взаимного влияния (Bucholtz, Hall, 2005; Du Bois, 2007; Hermans, 2001; Hyland, 2005; Jaffe, 2009), а с другой – как идентичность, под которой понимаются «моменты временного применения субъектных позиций, которые для нас создают дискурсивные практики» (Филлипс, Йоргенсен, 2004, с. 173). Рассматривая дискурсивные отношения между инстанциями, мы отмечаем, что они складываются на основе отношений, которые существуют в реальной сфере, так называемых первичных (реальных) отношений, по терминологии М. Фуко, и вторичных (рефлексивных) отношений как языковых отношений в тексте. В этом плане М. Фуко разъяснял, что «дискурсивные отношения не являются внутренними для дискурса: они не связывают между собой понятия или слова»: «...это и не внешние для дискурса отношения... они находятся на границе дискурса: они преподносят ему объекты, о которых он может говорить... они детерминируют пучок связей, которые дискурс должен установить, чтобы иметь затем возможность говорить о тех или иных объектах» (Фуко, 2004, с. 106).

В соответствии с этими установками мы говорим о позиционировании как о процедуре, которая, с одной стороны, предшествует формированию дискурса: позиционирование сродни прагматической пресуппозиции, которая представляет собой «те условия или контексты, которые должны иметься, для того чтобы предложение было понято в его “преднамеренном” значении (т.е. чтобы замысел говорящего по передаче задуманного значения осуществился)» (Демьянков, 1981, с. 131). И в то же время позиционирование проявляется в дискурсе, актуализируя позицию и точку зрения субъекта и адресата и формируя необходимый субъекту образ, или идентичность, в терминологии дискурс-анализа (см.: Филлипс, Йоргенсен, 2004). Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен сравнивают процесс позиционирования с переговорами, поскольку субъект

может принимать те или иные позиции в разных, даже конкурирующих дискурсах (Филлипс, Йоргенсен, 2004).

Компания как креатор дискурсивной формации использует позиционирование для гармонизации отношений между субъектом и адресатом и создает свой позитивный имидж с тем, чтобы у адресата сложилось положительное представление о деятельности организации и ее приятие. В социальных сетях позиционирование происходит в условиях оформления дискурсивных отношений между пользователями. Социальные сети используются для построения различных типов коммуникации – дружеского и профессионального общения, корпоративного взаимодействия, но именно в последнее десятилетие все чаще выступают платформой для получения или предоставления товаров и услуг. Пользователи социальных сетей являются одновременно потенциальными клиентами для производителей, которые ведут маркетинговую политику в социальных медиа и используют онлайн-ресурсы с целью привлечения внимания потребителей и формирования целевой аудитории.

Развитие социального медиамаркетинга обусловлено ежегодным увеличением количества пользователей в социальных сетях. Согласно данным «Digital 2021: The Russian Federation», по состоянию на январь 2021 г. в России насчитывалось 99 млн интернет-пользователей⁷. В январе 2022 г. количество интернет-пользователей в России уже составило 129,8 млн, а показатель распространения интернета среди россиян приблизился к 89 %⁸. В среднем у интернет-пользователя в России есть 7,3 аккаунта, что, по мнению исследователей, напрямую связано с тем, что многие аккаунты созданы не только для общения, но и для работы – об этом свидетельствует и статистика: 32 % респондентов используют соцсети для рабочих целей.

Материалом для анализа послужили официальные аккаунты компаний Сбербанк, ВкусВилл в социальных сетях, содержащие информационные посты, репосты, комментарии, вопросы подписчиков и ответы компаний. В статье приводятся лишь отдельные тексты, наиболее наглядно показывающие механизм позиционирования.

Позиционирование как результат интерсубъектного взаимодействия

Интерсубъектное взаимодействие представляет собой интеракцию инстанций дискурса (субъектов и объекта). Она была подробно представлена Дж. Дюбуа в виде треугольника и получила название «станс-треугольник» (the Stance triangle) (Du Bois, 2007, p. 163). Три стороны его являются векторами противоположно направленного действия от субъектов к объекту и включают: оценивание (evaluates an object), позиционирование (positions a subject (usually the self)) и регулирование (aligns with other subjects).

⁷ Kemp S. (2021, February 11). Digital 2021: The Russian Federation. Retrieved February 21, 2022, from <https://datareportal.com/reports/digital-2021-russian-federation>

⁸ Kemp S. (2022, February 15). Digital 2022: The Russian Federation. Retrieved February 21, 2022, from <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation>

Созданный Дюбуа «станс-треугольник» основывается на динамической и изменчивой сущности позиции субъекта дискурсивной деятельности, которая представляет собой оценочное действие, принадлежащее социальному субъекту («an act of evaluation owned by a social actor» (Du Bois, 2007, p. 163)). Если в процессе оценивания субъект наделяет объект определенными качествами и направляет действие только на объект, то в процессе позиционирования действие направлено на сам субъект (usually the self), а затем в процессе регулирования – на другой субъект, с которым согласовываются позиции: «the act of calibrating the relationship between two stances, and by implication between two stancetakers» (Du Bois, 2007, p. 144) (действие калибровки взаимосвязи между двумя позициями, и, значит, между двумя субъектами, занимающими эти позиции (перевод мой. – Л. С.)).

Позиционирование субъекта происходит благодаря выражению его отношения к предмету речи. Говорящий способен сообщить не только свое отношение, но также и к своему собственному высказыванию и высказыванию другого субъекта. Обозначая свою позицию, субъект ориентируется и на возможную реакцию реципиента. Если на отношение субъекта речи к собственному высказыванию указывают модальные маркеры – например, модальные слова и частицы, модальные глаголы, предикаты знания и мнения, модальные фразы, то по отношению к собеседнику возможна позиция согласия/несогласия. Позиционирование субъекта представляет собой результат интерсубъектного взаимодействия, в ходе которого субъект речи способен учесть или отклонить мнение собеседника/собеседников, изменить свое отношение к предмету речи, оценить или переоценить свои предыдущие действия. Изменение позиции зависит как от собственных интенций субъекта речи, так и от ряда факторов интерсубъектного взаимодействия. Рассмотрим следующие примеры позиционирования в рекламе.

1 декабря 2020 г. Сбербанк выпустил рекламный ролик с Жоржем Милославским – героем советской комедии «Иван Васильевич меняет профессию». Милославский, из уст которого прозвучала фраза «Граждане! Храните деньги в Сбергательной кассе!», переносится в 2020 год: «...становится свидетелем трансформации Сбера в “больше чем банк”. Моментальные платежи, фильмы, музыка, доставка еды и заказы такси, телемедицина и другие сервисы “в Сберкассе” поражают героя»⁹.

Пользователи сети по-разному восприняли образ авантюрного персонажа в роли амбассадора банка. Реакция пользователей сети *Facebook* на рекламный ролик оказалась неоднозначной – часть пользователей высказалась положительно:

*Ролик очень нравится, позитивный.
Я посмотрела ролик с удовольствием*¹⁰.

⁹ *Сбер. Коммерческий банк.* (2020, 01 декабря). Взято 11 ноября 2021, с <https://www.facebook.com/sberbank/>

¹⁰ Там же

Отрицательное отношение пользователей было выражено в следующих комментариях:

*Профессиональный мошенник и проходимец – лицо рекламной кампании Сбербанка <...> Сбер даже в рекламе топит за жуликов. Это все, на что вы способны <...> Вы сначала выплатите нам деньги, которые в 1992 году на счетах превратились в пыль. Или это не вы?*¹¹.

Комментарии показали актуализацию идеологической оппозиции (см.: van Dijk, 1998, p. 54) через использование местоимений *мы* и *вы*, где *мы* – обманутые, а *вы* – обманщики. Результатом позиционирования Сбера стала коммуникативная неудача, под которой понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» (Ермакова, Земская, 1993, с. 31). Интенция автора актуализировать такую характеристику банка, как надежность, не была принята целевой аудиторией в заданных смысловых рамках – в том преднамеренном значении, при котором мог осуществиться замысел говорящего по передаче задуманного. Нарушение передачи авторского замысла в ходе коммуникации вызвано, в первую очередь, ассоциациями, возникающими в связи с героем Л. Куравлева из советской комедии Л. Гайдая.

Динамику позиционирования в процессе intersubjectного взаимодействия можно проследить и на примере одного из постов ВкусВилл. Так, 4 июля 2021 г. в сетях *Instagram* и *Facebook*¹² появилась публикация, где сеть магазинов продуктов для здорового питания принесла извинения за ранее размещенную в социальных сетях статью, которая, по словам менеджеров компании, «больно задела чувства большого числа как наших покупателей, так и сотрудников»¹³. Текст извинения следующий: «Мы сожалеем, что так получилось, и считаем эту публикацию своей ошибкой, ставшей проявлением непрофессионализма отдельных сотрудников. <...> Никим образом мы не хотели стать источником раздора и ненависти. Приносим свои искренние извинения всем своим покупателям и сотрудникам»¹⁴.

Данная публикация появилась через несколько дней после того, как компания разместила у себя на странице пост «Рецепты семейного счастья» с изображением семей, среди которых была однополая пара. В последовавшей после этого поста публикации компания с полной уверенностью заявила о неразумности своих действий, «которые не являются отражением каких-либо политических или социальных взглядов»¹⁵.

Отношение субъекта речи к своим действиям как неправомерным передано категорическим суждением, представленным эпистемическим предикатом

¹¹ Там же.

¹² Запрещены на территории РФ.

¹³ *ВкусВилл. Магазин шаговой доступности*. (2021, 04 июля). Взято 11 ноября 2021, с <https://www.facebook.com/vkusvill.ru>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

мнения – считаем эту публикацию своей ошибкой. Именно эпистемическая модальность высказывания составляет коммуникативную стратегию субъекта, цель которого состоит в том, чтобы, воздействуя на собеседника, убедить его в соответствии сообщаемого действительности.

Таким образом, позиционирование субъекта о дискурсе представляет собой взаимосвязанный процесс, в котором оценивание и регулирование взаимосвязаны и являются результатом intersubjectного взаимодействия.

Формулы речевого этикета как способ позиционирования в социальных медиа

Под речевым этикетом принято понимать систему «устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» (Кожемякина и др., 2006, с. 186–187).

Употребление формул речевого этикета подчинено общей маркетинговой стратегии компаний и поставщиков товаров и услуг – установление контакта и дальнейшее стимулирование его покупательской активности. Как отмечает Ж. Бодрийяр, реклама «стремится, как таковая, ни информировать, ни даже, по сути, мистифицировать вас, а стремится “говорить” с вами» (Бодрийяр, 2006, с. 217). От того, как будет построен диалог с потребителем, во многом зависит привлекательность рекламного текста и убедительность используемых аргументов в представлении и продвижении товара или услуги. Контакт с целевой аудиторией состоит не только в информировании потребителя, но в том числе и в «производстве отношений и его постоянном потреблении» (Бодрийяр, 2006, с. 218). Такой тип коммуникации, названный Ж. Бодрийяром «озабоченной коммуникацией», построен на потребности «чтобы другие с вами “говорили”» (Бодрийяр, 2006, с. 217). Это означает, что характер отношения субъекта речи к целевой аудитории имеет первостепенное значение для потребителя: позиция субъекта речи по отношению к целевой аудитории делает возможным выстраивание межличностных отношений в инициированной рекламным дискурсом коммуникативной ситуации.

Приведем примеры употребления формул благодарности, приглашения и пожелания, размещенных на официальных страницах авиакомпаний в социальных сетях:

Летим в Касабланку! Аэрофлот выполняет рейсы в крупнейший город Марокко один раз в неделю по субботам <...> Будем рады видеть Вас на борту!

Друзья, пришло время объявить итоги конкурса #ИзКрасноярскаАэрофлотом <...> Благодарим всех участников и пользователей за проявленную активность! С нетерпением ждем на борту прямых рейсов из Красноярска! Желаем хорощего дня!

В соответствии с правилами речевого этикета позиция субъекта речи заявлена формой 1-го лица множественного числа – местоимением *мы*. Информировав аудиторию о предоставляемых услугах, субъект речи не демонстрирует индифферентность к предмету речи, субъективность его позиции задается формулой благодарности («благодарим») и выражения состояния («будем рады и с нетерпением ждем»), которые являются маркерами позитивного отношения субъекта позиционирования к предмету речи, в данном случае – к услугам авиакомпании.

В позиции субъекта реализована интенция автора – сообщить о своем отношении, которое может впоследствии оказать влияние на мнение аудитории и в дальнейшем обеспечить адекватное восприятие этой информации. В рассмотренных случаях субъект речи сам берет на себя ответственность за выражение оценки к предмету речи. Однако возможен и другой случай, когда субъект позиционирования может приписать появление оценки другому лицу.

Так, например, на своей странице в *Twitter*¹⁶ Сбербанк¹⁷ анонсировал рейтинг надежных российских банков в 2021 г., составленный ForbesRussia.

Твит Сбербанка – пример того, как интенция автора – информировать аудиторию о высоком качестве предоставляемых услуг – реализуется посредством оценки другого лица, которая выполняет функцию «аргумента к очевидному» или так называемой «эвиденции» (Хазагеров, Ширина, 1994, с. 28).

Рассмотрим еще один пример использования формул речевого этикета в социальных медиа от Сбербанка:

Уважаемые друзья, клиенты и партнеры! <...> Позвольте от всей души поблагодарить Вас за доверие и сотрудничество.

Данное обращение к адресату и форма благодарности, содержащая десемантизированный глагол *позвольте*, наряду с рассмотренными выше примерами являются общеупотребительными идиоматичными формулами речевого этикета, передающими отношение субъекта позиционирования к предмету речи.

Заключение

Ключевым фактором в выборе и изменении субъектом собственной позиции оказывается его интенция, состоящая в том, чтобы продемонстрировать такую позицию, которая способна оказать влияние на отношение аудитории. Позиционирование в социальных сетях представляет собой динамический процесс изменения позиции субъекта в результате интеракции инстанций. Динамика позиционирования компании в социальных сетях определяется маркетинговыми стратегиями, направленными на установление контакта и согласование позиций, которые способствуют сохранению и продвижению необходимого компании имиджа.

¹⁶ Запрещена на территории РФ.

¹⁷ Сбер@sberbank. Больше чем банк. Больше чем Твиттер. Больше чем мемы. (2021, 25 мая). Взято 11 января, 2022, с <https://twitter.com/sberbank>

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. (2006). *Общество потребления: его мифы и структуры*. Москва: Республика: Культурная революция.
2. Демьянков, В. З. (1981). Логические аспекты семантического исследования предложения. В Ф. М. Березин (Отв. ред.), *Проблемы лингвистической семантики: реферат. сб.* (с. 115–132). Москва: ИНИОН АН СССР, 1981.
3. Ермакова, О. Н., Земская, Е. А. (1993). К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога). В Т. Г. Винокур, М. Я. Гловинская и др., Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев (Отв. ред.), *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект* (с. 30–64). Москва: Наука.
4. Кожемякина, В. А., Колесник, Н. Г., Крючкова, Т. Б. и др., В. Ю. Михальченко (Отв. ред.). (2006). *Словарь социолингвистических терминов*. Москва: Изд-е Ин-та языкознания РАН.
5. Котлер, Ф., Ли, Н. (2008). *Маркетинг для государственных и общественных организаций*. Москва [и др.]: Питер.
6. Райс, Э., Траут, Дж. (2001). *Позиционирование: битва за узнаваемость*. Санкт-Петербург: Питер.
7. Филлипс, Л. Дж., Йоргенсен, М. В. (2004). *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманит. Центр.
8. Фуко, М. (2004). *Археология знания*. Санкт-Петербург: Гуманит. Акад.: Университет. кн.
9. Хазагеров, Т. Г., Ширина, Л. С. (1994). *Общая риторика: Курс лекций и словарь ритор. фигур*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та.
10. Bucholtz, M., & Hall, K. (2005). Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach. *Discourse Studies*, 7(4–5), 585–614. <https://doi.org/10.1177/1461445605054407>.
11. Dijk, T. A. van. (1998). *Ideology*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications.
12. Du Bois, J. W. (2007). The Stance triangle. In R. Englebretson (Ed.), *Stancetaking in discourse: Subjectivity. Evaluation. Interaction* (pp. 139–182). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.164.07du>
13. Hermans, H. J. M. (2001). The dialogical self: towards a theory of personal and cultural positioning. *Culture and Psychology*, 7(3), 243–281. <https://doi.org/10.1177/1354067X0173001>
14. Hyland, K. (2005). Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*, 7(2), 173–192. <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>.
15. Jaffe, A. (2009). *Stance: Sociolinguistic Perspectives*. Oxford: Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195331646.001.0001>

References

1. Baudrillard, J. (2006). *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow: Respublika: Kul'turnaya revolyuciya. (in Russ.).
2. Bucholtz, M., & Hall, K. (2005). Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach. *Discourse Studies*, 7(4–5), 585–614. <https://doi.org/10.1177/1461445605054407>
3. Demyankov, V. Z. (1981). Logicheskie aspekty semanticheskogo issledovaniya predlozheniya [Pragmatic foundations for interpreting an utterance]. In F. M. Berezin (Resp. ed.), *Problemy lingvisticheskoy semantiki: referat. sb.* (pp. 115–132). Moscow: INION AN SSSR, 1981. (in Russ.).
4. Dijk, T. A. van. (1998). *Ideology*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications.
5. Du Bois, J. W. (2007). The Stance triangle. In R. Englebretson (Ed.), *Stancetaking in discourse: Subjectivity. Evaluation. Interaction* (pp. 139–182). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.164.07du>
6. Ermakova, O. N., & Zemskaya, E. A. (1993). K postroeniyu tipologii kommunikativnyx neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [On the construction of a typology of communicative failures (on the basis of natural Russian dialogue)]. In T. G. Vinokur, M. Ya. Glovinskaya et al., E. A. Zemskaya, & D. N. Shmelev (Resp. eds.), *Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt* (pp. 30–64). Moscow: Nauka. (in Russ.).
7. Foucault, M. (2004). *Arxeologiya znaniya* [The archaeology of knowledge]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya: Universitetskaya kniga. (in Russ.).
8. Hermans, H. J. M. (2001). The dialogical self: towards a theory of personal and cultural positioning. *Culture and Psychology*, 7(3), 243–281. <https://doi.org/10.1177/1354067X0173001>
9. Hyland, K. (2005). Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*, 7(2), 173–192. <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>
10. Jaffe, A. (2009). *Stance: Sociolinguistic Perspectives*. Oxford: Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195331646.001.0001>
11. Kotler, Ph. T., & Lee, N. R. (2008). *Marketing dlya gosudarstvennyx i obshchestvennyx organizacij* [Marketing in the Public Sector: a Roadmap for improved Performance]. Moscow et al.: Piter. (in Russ.).
12. Kozhemyakina, V. A., Kolesnik, N. G., Kryuchkova, T. B. et al., V. Yu. Mixalchenko (Resp. ed.). (2006). *Slovar' sociolingvisticheskix terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow: Izdanie Instituta yazykoznaniya RAN. (in Russ.).
13. Phillips, L., & Jorgensen, M. (2004). *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method]. Kharkov: Gumanitarnyj Centr. (in Russ.).
14. Ries A., & Trout, J. (2001). *Pozicionirovanie: bitva za uznavaemost'* [A

positioning: the battle for your mind]. St. Petersburg: Piter. (in Russ.).

15. Xazagerov, T. G., & Shirina, L. S. (1994). *Obshhaya ritorika: Kurs lekcij i slovar' ritoricheskix figur* [General rhetoric: a course of lectures and a dictionary of rhetorical devices]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. (in Russ.).

Информация об авторе

Лариса Васильевна Селезнева – доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8546-6496>, e-mail: loramuz@yandex.ru

Information about the author

Larisa Vasilievna Selezneva – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8546-6496>, e-mail: loramuz@yandex.ru

---

РОССИЙСКИЕ ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ: АФРИКАНСКИЙ КЕЙС

Анна Эдхемовна Курумчина,

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
a.aspelt@gmail.com

Получена 28.08.2023.

Поступила после рецензирования 25.12.2023.

Принята к публикации 11.01.2024.

Для цитирования: Курумчина А. Э. Российские практики культурной дипломатии: африканский кейс // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 110–131. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_110

Аннотация

Проблема развития российской культурной дипломатии в государствах Африки требует проведения специального научного анализа, связанного с изучением ключевых сфер влияния, форм воздействия, практик и технологий продвижения российской культуры в глубину Черного Континента. Главная цель настоящей работы состоит в том, чтобы раскрыть основные достижения культурной дипломатии российского государства, связанные с установлением доброжелательных и деловых отношений с африканскими странами в разные исторические периоды. В статье проводится сопоставление двух близких по смыслу концептов – «мягкая сила» и «культурная дипломатия», утверждается, что первоначально концепт «мягкая сила» использовался в целях повышения международного имиджа США, а позднее – для укрепления внешнеполитического влияния других государств путем использования разнообразных ненасильственных способов воздействия. Под концептом «культурная дипломатия», как правило, подразумевается система формирования и развития долгосрочных, равных и многосторонних отношений между странами, которая

© Курумчина А. Э., 2024

отвечает за обмен идеями, информацией, предметами и достижениями высокого и популярного искусства, за развитие креативных индустрий и практик с целью содействия достижению взаимопонимания и расширения кооперации. В фокусе внимания автора – структурно-институциональные компоненты российской культурной дипломатии, чья деятельность направлена на укрепление сотрудничества между Россией и африканскими государствами. Основной эмпирической базой для анализа современных форм культурно-коммуникационного взаимодействия с африканскими государствами служат материалы международных саммитов «Россия-Африка (2019-2023 гг.), а также документы форумов международного альянса БРИКС, к которому в 2011 году присоединилась Южно-Африканская Республика (ЮАР), а в 2024 г. – Египет и Эфиопия.

Ключевые слова:

Россия, Африка, культурная дипломатия, «мягкая сила», международное сотрудничество, институциональные структуры культурной дипломатии

UDC 327.7/304.2

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_110

RUSSIAN CULTURAL DIPLOMACY PRACTICES: AN AFRICAN CASE

Anna E. Kurumchina,

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
a.aspelt@gmail.com

*Received 28.08.2023.
Revised 25.12.2023.
Accepted 11.01.2024.*

For citation: Kurumchina, A.E. (2024). Russian cultural diplomacy practices: an African case. *Discourse-P*, 21(1), 110–131. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_110

Abstract

Developing Russian cultural diplomacy in African states requires conducting a scientific analysis of influence spheres, influence forms, practices and technologies for promoting Russian culture deep into the Dark Continent. Thus the paper aims to reveal main achievements of the cultural diplomacy of the Russian Federation related to estab-

lishing friendly and working relations with African countries in different historical periods. The article compares two concepts similar in meaning, *soft power* and *cultural diplomacy*, it is argued that initially the concept of *soft power* was used to enhance the international image of the United States, and later – to strengthen the foreign policy of other countries through variety of non-violent methods of influence. The concept of *cultural diplomacy*, as a rule, refers to a system of formation and development of long-term, equal and multi-lateral relations between countries, which is responsible for exchanging ideas, information, objects and achievements of high and popular art, for developing creative industries and practices in order to promote mutual understanding and expand cooperation. The author focuses on the structural and institutional components of Russian cultural diplomacy, whose activities are aimed at strengthening cooperation between Russia and African states. The main empirical basis for the analysis of modern forms of cultural and communication interaction with African states are the materials of the international summits “Russia-Africa (2019-2023), as well as documents from the forums of the international BRICS alliance, which was joined by the Republic of South Africa (South Africa) in 2011, and Egypt and Ethiopia in 2024.

Keywords:

Russia, Africa, cultural diplomacy, soft power, international cooperation, institutional structures of cultural diplomacy

---

Введение

Актуальность африканского направления внешней политики России в настоящее время снова выходит на первый план. История взаимодействия нашего народа с этой территорией насчитывает уже несколько столетий.

Одним из первых фокусов внимания при изучении Африки российскими специалистами стали языки. В конце XVIII века вышел труд «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный»¹, в котором упоминается 30 африканских наречий. Такие выдающиеся ученые XIX в., как Б. А. Дорн, Б. А. Тураев, И. Ю. Крачковский, П. К. Коковцев, О. Э. Лемм и многие другие, заложили основы российской африканистики.

Африка как объект исследования всегда находилась в фокусе внимания отечественной науки². Косвенные связи России и Африки нашли свое отражение в работе А. Б. Давидсона и И. И. Филатовой (Давидсон, Филатова, 2010), которая

---

¹ Янкович Де Мириево, Ф. И. (1790–1791). Сравнительный словарь всех языков и наречий: По азбучному порядку расположенный. В 4 ч. Санкт-Петербург: Тип. Брейткопфа.

² Институт мировой литературы АН СССР регулярно издавал сборники статей, посвященные современной литературе Африки (Современные литературы Африки. Северная и западная Африка (1973); Современные литературы Африки. Восточная и Южная Африка (1974)); в 1979 г. издательством «Мысль» в серии «Страны и народы»

содержит большое количество ссылок на исторические документы из различных архивов, включая архивы внешней политики России, личные и библиотечные, анализ которых позволяет дать представление о том, как развивались отношения России с африканскими государствами на протяжении трехсот лет.

В новейшей истории огромную роль сыграл СССР в борьбе африканских народов за независимость от колониальной политики Запада, а когда колонии получили свободу, начался процесс установления дипломатических отношений с каждым государством континента. В эпоху Н. С. Хрущева в целях системного изучения вновь образованных африканских государств при Академии наук СССР учреждается Институт Африки, где на протяжении более 60 лет ведутся исследования в области африканистики³.

Одним из важных стимулов дальнейшего изучения африканской темы стал созданный в 2006 г. альянс БРИК в составе Бразилии, России, Индии и Китая, куда в 2011 г. вошла Южно-Африканская Республика (ЮАР), что позволило объединению государств называться БРИКС. Затем, в 2016 г. в рамках Петербургского экономического форума состоялся круглый стол «Россия–Африка: расширение границ», а в 2019 и 2023 гг. в нашей стране прошли два саммита «Россия–Африка», которые показали, что российская внешняя политика в настоящее время совершает разворот в сторону стран Глобального Юга, активизирует борьбу против неокOLONиализма, стремится вернуть себе прежнее влияние и позиции на африканском континенте.

Цель статьи – дать обзор основных направлений и сфер компетентности культурной дипломатии и, в частности, осветить деятельность официальных институциональных структур культурной дипломатии (ССОД, Россотрудничество), показать трудности восстановления практик культурной дипломатии России на африканском континенте, продемонстрировать необходимость применения проектного подхода к формированию дорожной карты практик культурной дипломатии на данном направлении внешней политики России.

В настоящем исследовании мы опираемся на концепции «мягкая сила» и «культурная дипломатия», а также используем собственное исследование, посвященное изучению культурной дипломатии группы БРИКС (Курумчина, 2019). Фактологический материал взят нами с сайтов мероприятий – ПМЭФ–2016⁴, саммита «Россия–Африка»⁵, Были также использованы данные полевых

в 20-ти томах было опубликовано географо-этнографическое издание «Африка. Центральная и Западная Африка». Проблемы регионального развития Африки были в поле внимания Географического общества СССР; изучению африканского фольклора и цивилизаций посвящена работа «Африка: Культурное наследие и современность» (Исмагилова, 1985) и др.

³ В статье, посвященной юбилею Института, описывается история его развития (см.: Давидсон, Филатова, 2020).

⁴ *Архив 2016 – ПМЭФ–2016* (2016, 16–18 июня). Взято 10 августа 2023, с <https://forumspb.com/archive/2016/itogi/>

⁵ *Саммит «Россия–Африка»* (2007–2023). Взято 10 августа 2023, с <https://summitafrica.ru/about-summit/>

исследований, проводимых нами во время посещения Саммита «Россия–Африка» в Санкт-Петербурге в 2023 г. (интервью с участниками мероприятия, включая интервью с руководителем Русского дома в ЮАР).

Культурная дипломатия и «мягкая сила»: соотношение понятий

Дипломатия как деятельность имеет своей целью решение спорных вопросов мирным путем через использование *унифицированных* международных процедур, выработанных западной наукой. Считается, что дипломатия как наука возникла в 1716 г. с написанием книги Франсуа Кальера «Способы ведения переговоров с государями» (Попов, 2000, с. 13–14). Именно в ней утвердилось понимание дипломатии как деятельности, основанной на высоких моральных принципах, поскольку до этого полагали, что главным для дипломата является искусство обмана, хитрости и ловких манипуляций, которое практиковалось дипломатами Древней Греции и Рима и было доведено до совершенства в Византии и Средневековой Европе.

Термин «культурная дипломатия» фиксирует одно из важных направлений дипломатической деятельности, которое направлено на расширение коммуникативного пространства, связанного с процессами обмена культурными ценностями, с организацией культурного диалога между разными и своеобразными культурами мира. Культурный компонент, используемый в дипломатии, отражает диалогическую и созидательную природу культурного сотрудничества. Можно сказать, что в термине «культурная дипломатия» воплотилась сложная комбинация – сочетание стандартизированных дипломатических процедур и использование бесконечного культурного многообразия в целях развития международного сотрудничества и защиты интересов стран и народов на внешнеполитическом контуре.

Как показано у Н. Цветковой, хронологически термин «культурная дипломатия» возник раньше, чем «публичная дипломатия» (Цветкова, 2015, с. 23). Большинство ученых (Нагорная, 2018; Цветкова, 2015; Clarke, 2020; Cummings, 2009 и др.) отмечают, что сферой культурной дипломатии всегда было формирование и развитие долгосрочных, равных, двусторонних и многосторонних отношений между странами; она отвечает за обмен идеями, информацией, предметами и достижениями высокого и популярного искусства, за развитие креативных индустрий и практик с целью содействия достижению взаимопонимания и расширения кооперации.

Согласно Ф. Баргхорну, понятие «культурная дипломатия» вполне применимо к советской внешней политике в сфере культуры, начиная с эпохи «холодной войны» (1945–1989 гг.), когда произошло размежевание мировых зон влияния США и Советского Союза (Barghoorn, 1960, с. V). В тот исторический период СССР сделал очень много в сфере разработки и применения практик культурного влияния на международном уровне. Этой теме посвящена одна из российских монографий (Нагорная, 2018), в которой авторы отмечают происшедшую за рассматриваемый период смену риторических предпочтений в официальных

текстах, относящихся к дипломатии в отношении сферы культуры, связанную с переходом от пропаганды к идеологическим нейтральным понятиям, получивших название «культурная дипломатия». Так, например, если в 1940-х – начале 1950-х гг. правительственная внешняя политика в области культуры базировалась на постулате об идеологическом противоборстве советской и буржуазной культур, то есть опиралась на пропагандистскую парадигму, то, начиная с середины 1950-х гг. та же деятельность в официальных советских и американских кругах стала обозначаться идеологически нейтральными терминами: «культурное сотрудничество», «культурные отношения», «культурные связи» (Нагорная, 2018, с. 20). О том, что в годы «холодной войны» советская дипломатия умело использовала вопросы культуры в качестве инструмента внешней политики, пишут сегодня и зарубежные авторы: «Имея большой опыт в использовании культуры как орудия политической пропаганды, СССР предпринял очень многое для того, чтобы сделать культурный вопрос центральным в холодной войне» (Сондерс, 2020, с. 18). Вместе с тем в странах Запада в тот же период для описания подобной деятельности использовались главным образом понятия «психологическая война», «информационная война», «политическая пропаганда», «связи с общественностью». После распада СССР «холодная война» прекратилась, однако это не означает, что деятельность США как глобального гегемона и его сателлитов в области распространения своего культурного влияния в мире закончилась.

После распада СССР в 1990-е гг. в научных и общественных кругах получила свое широкое распространение концепция «мягкой силы», предложенная сотрудником администрации президента США Дж. Наем (Най, 2004)⁶. Начинается период, который Г. Паскалидис назвал «культурным капитализмом» (Paschalidis, 2009).

В момент своего возникновения концепция «мягкой силы» была достаточно размыта, однако, по мере проникновения ее в научный дискурс ученые включили в ее содержание широкий спектр компонентов, которые отражали положительные стороны глобального проекта мирового лидера: рейтинг «хороших брендов» С. Анхольта (Anholt, 2011), распространение и потребление продукции глобальных корпораций (которые в основном принадлежат США и Западной Европе), поощрение привлечения мигрантов и их поддержку со стороны государства, развитие информационно-коммуникативных технологий и сетей и контроль над ними.

К моменту рождения концепции «мягкой силы» у глобального гегемона в руках было множество контролируемых коммуникационных технологий, применяя которые он распространял свое культурное силовое поле практически на весь мир, используя Интернет и такие его компоненты как Google, Facebook, What's up, Twitter, сеть глобальных СМИ (CNN, Fox, Reuters и др.), а также

⁶ Концепция опирается на применение культуры, особенно массовой, в интересах политических систем, определяя содержание «холодной войны» в ее более смягченном в семантическом выражении варианте, и подразумевает выстраивание основы выгодных для страны-транслятора отношений в экономике, политике, обществе и культуре страны-реципиента.

инструменты распространения массовой культуры – Голливуд, Netflix и др. Воздействие психологических, информационных и культурных практик с целью перекраивания ценностно-культурного ландшафта страны-реципиента в интересах страны-транслятора – такова, по нашему мнению, суть «мягкой силы».

Вместе с тем инструменты культурного воздействия «мягкой силы» на образ мысли, системы ценностей, на культурные практики в жизни людей других государств представляют большой научный интерес для современных исследователей рациональных и эмоциональных механизмов межкультурного влияния посредством применения «мягких» технологий воздействия. Данной проблематикой сегодня активно занимается целый ряд российских ученых: О. Г. Леонова (Леонова, 2013, 2014), П. Б. Паршин (Паршин, 2020), Е. Г. Пономарева (Пономарева, 2013), О. Ф. Русакова (Русакова, 2010, 2015; Русакова, Русаков, 2017; Русакова, Жакьянова, 2022) и др. Отметим также исследования, посвященные «мягкой силе» стран Африки, опубликованные африканскими авторами: А. Akinola и О. Ogunnubi (Akinola, Ogunnubi, 2020), О. Ogunnubi и О. Amao (Ogunnubi, Amao, 2016), О. Ogunnubi и С. Isike (Ogunnubi, Isike, 2018) Р. Mwanika (Mwanika, 2014) и др. Особо выделим монографию представителя ЮАР Олувасеуна Телла (Oluwaseun Tella) «Мягкая сила Африки: философия, политические ценности, внешняя политика и культурный экспорт» (Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports) (Tella, 2021), в которой автор подвергает разработанную Дж. Наем концепцию «мягкой силы» деамериканизации и африканизации⁷.

Культурную дипломатию можно рассматривать как один из важных ресурсов «мягкой силы». Демонстрация культурного разнообразия через унифицированные дипломатические правила требует от всех участников, вступающих в культурные коммуникации, уважительного отношения друг к другу. Использование культурных практик как инструментов «мягкого» воздействия должно быть направлено не на воспитание глобальных потребителей массовой культуры, а на формирование представлений о мировой значимости и ценностного богатства культуры каждого народа ради его процветания и всестороннего творческого развития. В этой связи мы определяем культурную дипломатию как практику выстраивания многосторонних доверительных отношений на международном уровне на основе унифицированных процедур с целью сотрудничества и построения разнообразного и гармоничного мира, основанного на взаимном уважении.

Деятельность по выстраиванию дипломатических отношений (и не только) может быть успешной только тогда, когда между участниками процесса есть взаимное доверие и общие интересы. Несмотря на то, что некоторые специалисты не разделяют эту позицию, для нас она представляется вполне обоснованной, поскольку речь в ней идет именно об установлении доверия через формирование понятного образа участников взаимодействия, то есть мировоззренческой платформы, воплощением которой и является культура и культурные практики. Именно посредством культурных практик через коммуникацию и обратную

⁷ Подробно об этом см. в рецензии на данную работу: (Вепрев, 2022).

связь, а также корректировку своего образа/сообщения страна-транслятор может выстроить доверительные отношения со страной-реципиентом и на их базе осуществлять политическую, экономическую, военную и другие виды деятельности в данной стране.

Культурная дипломатия тесно связана с государственной политикой и международной политикой в сфере культуры, образования, науки. Учет приоритетов деятельности государства, отраженных в документах, регламентирующих указанные сферы, необходимо принимать во внимание при планировании работы в области культурной дипломатии.

К числу объектов, которыми занимается культурная дипломатия, относятся продукты массовой и элитарной культуры, игровой и документальный кинематограф, популярная литература, тексты и музыка эстрадных песен, выставки (народного хозяйства, фотографий, живописи и др.). Инструментами продвижения культурных ценностей выступают открытые лекции специалистов, системы грантов, академических обменов, конкурсов, премирований, саммитов, конгрессов и т.п.

Африканский кейс в культурной дипломатии Российской империи

Африка всегда являлась важным направлением внешней политики России. История взаимодействия России и стран Африки не была равномерной, имела перерывы, связанные с эпохой колониализма, изменениями политического режима в нашей стране, происходившие как в первые годы советской власти, так и после распада СССР в 1990-е гг.

Как показывают в своих работах А. Б. Давидсон (Давидсон, 2010) и А. Ю. Желтов (Желтов, 2012) впервые сведения об Африке пришли в нашу страну из европейских книг. Возникшие в XVIII в. дипломатические отношения имперской России с африканским континентом с самого начала опирались на взаимовыгодную, уважительную основу, что существенно отличало нашу страну от принятой западными государствами стратегии доминирования и колониализма. Так, например, уже в XVIII в. в русской армии служили три генерала-африканца⁸. В самом начале контактов Российской империи с Африкой развитие культурных, религиозных, научных, образовательных связей всегда шло рука об руку с экономическими и политическими взаимовыгодными интересами⁹.

---

⁸ «В отечественной литературе этому уделено не очень много внимания. Все три – из семейства Ганнибалов и упоминаются чаще всего как родственники Пушкина. А ведь этот факт поразителен! Такого не было ни в одной европейской армии. Двое из них, Абрам Петрович и его старший сын Иван Абрамович, достигли высшего генеральского чина – стали генерал-аншефами. Третий, Петр Абрамович, – генерал-майором» (Давидсон, 2010).

⁹ В имперский период российской истории страна установила дипломатические отношения с Марокко и Эфиопией (1898 г.), имела незначительные экономические отношения с Египтом, по большей части входила в различные договоры западных стран со странами Африки (Нуриева и др., 2021).

Русские ученые внесли значительный вклад в изучение культуры, истории и языков Африки. В XIX в. Б. А. Дорн, Б. А. Тураев, И. Ю. Крачковский, П. К. Коковцов, О. Э. Лемм и многие другие заложили основы российской африканистики. Серьезным направлением работы русских ученых стало изучение африканских языков, привлечение методов этнологии и антропологии для изучения бесписьменных культур и постепенное формирование нового направления в востоковедении – африканистики¹⁰.

Профессор Р. Н. Исмагилова подчеркивает, что в XIX в. Российская империя оказывала помощь Эфиопии в борьбе с итальянскими колонизаторами, после установления официальных дипломатических отношений контакты развивались по нескольким направлениям – наука (геология, ботаника), военное дело (Исмагилова, 2023).

К началу Первой мировой войны (1914–1918 гг.) практически весь континент был поделен между европейскими колониальными державами за исключением Либерии и Эфиопии, что осложняло развитие взаимовыгодных отношений Российской империи с африканскими государствами. Кроме того Россия еще не обладала достаточной силой для того, чтобы активно продвигаться на Черном континенте.

Советский период культурной дипломатии в Африке

В первые годы советской власти отношения с Африкой развивал Коминтерн. Его участники рассматривали Южную Африку в качестве наиболее легкого входа на континент с целью пропаганды классовой борьбы, развития антиколониального движения, построения социализма. В 1927 г. в работе проходившего в Москве Всемирного конгресса друзей Советского Союза принимала участие группа стран Африки, в которую входили представители Алжира, Сьерра-Леоне, Южной Африки. Существовала еще одна сфера коминтерновской деятельности – обучение руководящих кадров коммунистических партий через партийные школы СССР. Сроки обучения были разные: от нескольких месяцев до двух лет. «Африканцы обучались в двух: до начала 30-х годов в Ленинской

---

¹⁰ «Традиции эфиопистики мирового уровня развивали далее такие выдающиеся ученые – университетские профессора, как академик Б. А. Тураев (1868–1920), академик И. Ю. Крачковский. С изучения эфиопского языка начинал свою творческую деятельность известный гебраист и семитолог П. К. Коковцов (1861–1941). Русская наука по праву гордится достижениями в области египтологии и коптологии. Огромную роль в мировой науке сыграли В. С. Голенищев; профессор Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук О. Э. Лемм (1856–1918), начавший в 1887 г. преподавание египтологических дисциплин и коптского языка; его ученик Б. А. Тураев, возглавил созданную впервые в России в 1918 г. специальную университетскую кафедру египтологии. Деятельность этих и других ученых не только создала основу для дальнейших исследований в области египтологии и эфиопской филологии, но и позволила на этой основе перейти к изучению языков и культур Тропической и Южной Африки» (Желтов, 2012, с. 3–4).

школе, с 1932 года чаще всего – в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Там учились африканцы из Южной Африки, Французской Западной Африки, Золотого Берега (Гана), Сьерра-Леоне, Либерии, Кении»¹¹. Распространение коммунистической идеи в Африке не прекратилось и после роспуска Коминтерна в 1943 г.

Наиболее активная фаза развития взаимодействия с Черным континентом началась после Второй мировой войны, набирая силу с середины 1950-х до 1980-х гг. В этот период СССР, имевший собственный проект будущего, внес существенный вклад в становление независимости африканских колоний от западных метрополий, помог ряду из них стать самостоятельными государствами¹². В начале 1960-х гг. на карте мира появилось 17 новых африканских государств. При поддержке Советского Союза социалистическую модель развития выбрали Танзания, Гвинея, Гвинея-Бисау, Сан-Томе и Принсипи, Республика Конго, Мали, Мадагаскар, Ангола, Мозамбик, Бенин и др. Государства, придерживавшиеся нейтралитета во внешней политике – Нигерия и Замбия – также стали партнерами. Официальные соглашения о дружбе и сотрудничестве были заключены с тридцатью семью странами континента.

СССР сделал довольно много для молодых государств Африки в сфере развития системы образования, построив для жителей континента около 100 учебных заведений, из них – 10 вузов, 80 профессионально-технических училищ. Всего в Советском Союзе получили образование порядка 480 000 африканских специалистов, из них более 80 000 студентов получили дипломы в СССР¹³. Советские научные экспедиции 1960–1980-х гг. подтолкнули развитие африканской науки. В советский период был осуществлен целый ряд научных экспедиций наших специалистов в Африку: «...археологическая АН СССР (1961–1963 гг.) во главе с академиком Б. Б. Пиотровским, давшая ценный материал по нубийской культуре и памятникам римского и византийского периодов; лингвистическая – в Мали (1963 г.) под руководством члена-корреспондента АН СССР Д.А. Ольдерогге, собравшая обширный языковой материал; советско-сомалийская комплексная экспедиция (1971 г.), изучавшая историю национально-освободительного движения и социально-экономические проблемы сомалийского народа; географическая экспедиция (1964–1965 гг.) провела гравиметрические наблюдения в Мали, которые помогают прогнозировать распределение полезных ископаемых и выявлять закономерности их образования; ботаническая (1967–1968 гг.) в Алжир, составившая геоботанические карты и карты пастбищ; геолого-геофизическая (1967–1969 гг.) с целью геолого-тектонического картирования в Республике

¹¹ Городнов В.В. (2003). *Коминтерн и Африка*. Взято 18 декабря 2003, с. <https://mybiblioteka.su/>

¹² В 1960-м году по инициативе СССР на Генеральной ассамблее ООН была принята Декларация, осуждающая колониализм как угрозу миру и призывавшая покончить с любыми его проявлениями. Этот год вошел в историю как «Год Африки».

¹³ Плотникова Л. (2023, 20 мая). *СССР оставил после себя Африке электростанции, заводы и университеты. Поэтому там и сейчас верят в Россию*. Взято 18 декабря 2023, с <https://www.kp.ru/daily/27505.5/4765314/>

Острова Зеленого Мыса (1983 г.), экспедиции спелеологов для изучения пещер Софомар (1983 г.) в Эфиопии»¹⁴.

Большой объем работы в сфере культурной дипломатии в советский период был возложен на Дома дружбы. С этой целью в 1958 г. был создан Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), являвшийся преемником Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). ССОД объединил все существующие в СССР общества, объединения, ассоциации, комитеты, включая республиканские, которые отвечали за развитие отношений с зарубежными странами. Один из территориальных отделов ССОД был отдел стран Африки. Согласно отчету ССОД за 1970 г., Дома дружбы занимались подготовкой празднования 100-летия В. И. Ленина, разъяснением внешней и внутренней политики советского государства. В документе указано: «В настоящее время в 70 зарубежных странах функционирует 102 организации дружбы с СССР, с которыми ССОД осуществляет тесное сотрудничество... Идет подготовка к созданию таких организаций в Марокко, Гане, Того, Сьерра-Лионе... Создано Общество дружбы «СССР–Нигерия»»¹⁵.

В Африке в 1970-х гг. ССОД поддерживал контакты с 32 странами. Здесь функционировало десять Обществ дружбы с СССР, в 7 странах работали представительства ССОД и 5 советских культурных центров (Сенегал, Мали, Конго (Бразильское), Сомали, Эфиопия, Нигерия и Уганда)¹⁶. Работа ССОД в Африке была сопряжена с рядом трудностей. Во-первых, работа культурных центров в этом регионе часто встречала сопротивление официальных властей, поддер-

¹⁴ *Посольство Сенегала в России* (2020, 31 марта). Взято 10 августа 2023, с <https://www.facebook.com/ambrus.senegal/photos/a.681726095205250/3103130303064805/?type=3>

¹⁵ В период подготовки к юбилейному году были проведены месячники, декады, недели дружбы и культуры, симпозиумы, семинары, теоретические конференции по ленинскому наследию, свыше 5 000 фото-выставок было организовано в 60 странах мира, а также выставки книг, репродукций картин и плакатов советских художников, выставки советских почтовых марок, прочитаны тысячи лекций, организовано 240 кинофестивалей, десятки тысяч кинопросмотров. В документе сказано, что каждый из культурных центров ежемесячно проводил от 15 до 20 массовых мероприятий, вечера дружбы, лекции, встречи с советскими делегациями, тематические вечера, кинопросмотры, выставки и т.д., подчеркнуто, что в Нигерии, Сенегале и Судане юбилей В. И. Ленина был отмечен особенно широко. В каждом культурном центре работали курсы русского языка, на которых обучались от 150 до 500 человек. Особенно успешной признана работа культурных центров в Алжире и Судане (см.: *Отчет о работе Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами в 1970 году*. (1971, 1 марта). Взято 28 октября 2023, с <https://s.kgb.arhivi.lv/public/laksb/40/40.pdf>).

¹⁶ Наиболее успешно работала Ассоциация нигерийско-советской дружбы, в которую входило 80 000 человек. Она имела 180 отделений во всех штатах и крупных городах страны. В мероприятиях, посвященных СССР, активно участвовали общественные деятели, представители культуры и искусств, министры Уганды, Нигерии, Сенегала, Конго. По данным ССОД в Африке более 2 000 человек изучали русский язык при советских культурных центрах.

живаемое антисоветской пропагандой западных стран, во-вторых, «неустойчивость политической обстановки в ряде стран Африки сильно отражается на деятельности существующих обществ, отпугивает многих представителей общественности и политических деятелей от сотрудничества с обществами дружбы с СССР»¹⁷. Вместе с тем, в ряде африканских стран (Кения, Малави, Либерия и др.) отсутствовали общественные институты, с которыми Советский Союз мог бы поддерживать долговременные отношения. Тем не менее, СССР как экономически и политически сильная страна, обладая своим альтернативным социалистическим проектом, продолжал активно продвигаться на Черном континенте до конца 1980-х гг.

Современный этап развития российской культурной дипломатии со странами Африки

Современная Россия находится в сложной ситуации: с одной стороны, она за последние 30 лет приложила огромные усилия, чтобы быть включенной в глобальную капиталистическую экономику, изменив свою экономическую модель с социалистической на капиталистическую, а, с другой стороны, желание вести независимую политику, формировать свою зону влияния заставляет ее руководство решать сразу несколько задач – восстанавливать культурную самобытность внутри страны, восстанавливать и расширять свое культурное, политическое и экономическое влияние на другие страны мира, в частности, на государства Африки.

Распад СССР, обострение внутренних социально-экономических конфликтов, прекращение созданных ранее крепких контактов с дружественными странами в Африке – все это привело к временному сокращению взаимодействия России с африканскими государствами. Однако в последние годы эти отношения стали постепенно восстанавливаться и налаживаться¹⁸.

В настоящее время правопреемником ССОД выступает Россотрудничество, основанное в 1992 г., которое предпринимает ряд шагов, в том числе нетрадиционных, для восстановления нашего присутствия в Африке.

Одной из задач Россотрудничества является расширение зоны влияния русского языка на Черном континенте, в частности, посредством работы Русских домов, которые в странах Африки имеют разный статус. Он зависит от того,

¹⁷ *Отчет о работе Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами в 1970 году.* (1971, 1 марта). Взято 28 октября 2023, с <https://s.kgb.arhivi.lv/public/laksb/40/40.pdf>

¹⁸ Одной из первых стран Африки, которая проявила инициативу, была ЮАР, ее президент в 1992 г. приехал в Россию, затем в 1997-м нашу страну посетил президент Египта, в 1998 г. – главы ЮАР, Анголы и Намибии, в 2001 г. – лидеры Нигерии, Алжира, Эфиопии, Гвинеи и Габона. В 2005, 2006 и 2008 гг. ряд стран Африки посетил В. В. Путин. В 2009 г. четыре страны Африки посетил президент Д. А. Медведев, в 2015, 2017 гг. – В. В. Путин и С. В. Лавров. А в 2019 г. в Сочи состоялся первый саммит «Россия–Африка».

на какой основе они открыты: если это сделано на основе межправительственных соглашений, то они получают государственное финансирование и могут решать ключевые проблемы межгосударственных культурных коммуникаций. Такие официальные Русские дома открыты в Египте, Марокко и Тунисе, а также в Замбии, Конго, Танзании и Эфиопии.

Самым активным Русским домом в Африке на сегодняшний день является представительство в Танзании¹⁹. В последнее время Россотрудничество активно использует ресурс некоммерческих неправительственных организаций (НПО), благодаря чему частные инициативы помогают укрепить сотрудничество жителей разных стран. Только в 2022 г. Россотрудничество открыло таким образом Русские дома в Мали, Судане, Египте (Хургада), Алжире и Анголе²⁰. Мы взяли интервью у руководителя Русского дома в ЮАР и поинтересовались, с чем связана эта ситуация. По его словам, суть проблемы кроется в противоречии между российским и местным законодательствами²¹. Остается надеяться на то, что такие структуры смогут выйти на самоокупаемость за счет коммерческой деятельности.

Важным направлением работы России в Африке является создание православного экзархата в декабре 2021 г. Благодаря этому, в частности, в ЮАР и Танзании открыто много приходов РПЦ, что рассматривается как очень стабильный и перспективный социальный проект.

Значимым ресурсом культурной дипломатии служит вовлечение в этот процесс русскоязычных женских сообществ: «Сегодня процессы социально-политических трансформаций в странах Африки как никогда требуют существенной активизации “мягкой силы”, которая стала бы инструментом восстановления и укрепления взаимодействия между Россией и новыми африканскими элитами и африканскими народами. Русскоязычные сообщества в Африке и создаваемые ими объединения в большинстве своем состоят из женщин и развиваются благодаря их инициативам. Потенциал “мягкой силы” таких женских объединений в Африке, как и ассоциаций африканцев-выпускников

---

¹⁹ Например, один из проектов танзанийского Русского дома связан с переводом Гоголя на суахили, в ближайшем будущем они планируют провести слет выпускников российских вузов от Африки и Азии, также у них есть своя передача на местном радио и серьезная материальная база – здание с выставочным и конференц-залами.

²⁰ Нефедова, А. (2022, 7 ноября). Саванна небесная: Россотрудничество открывает новые центры в Африке. Чем отличается новый формат и насколько РФ увеличила квоту в вузах для студентов из региона. *Известия*. Взято 25 октября 2023, с <https://clck.ru/36QjxP>

²¹ Местные законы позволяют открывать такие структуры только на базе местных НПО. Устойчивость таких неофициальных структур оставляет желать лучшего, поскольку Россотрудничество не может официально финансировать зарубежные НКО; они пользуются помещениями и ресурсами местных неправительственных организаций. Несмотря на возможность финансирования деятельности таких неофициальных центров на проектной основе, каждая НКО имеет постоянные расходы, связанные с арендой помещения, выплатами зарплат, налогами и другими текущими расходами.

советских/российских учебных заведений, весьма велик... <...> Такие объединения есть в Замбии, Камеруне, Тунисе, Алжире, Марокко, Нигерии, Уганде, Того, Анголе, на Маврикии, Мадагаскаре, в Сенегале, Нигере, Руанде, Мали, Республике Конго, Кот-д'Ивуаре, Мозамбике и других странах Африки. <...> ...развитие связей с русскоязычной диаспорой в Африке внесло бы свой вклад не только в поддержку внешнеполитической деятельности РФ на континенте, но и в реализацию таких важнейших общенациональных приоритетов нашей страны, как поддержка соотечественников за рубежом и развитие "Русского мира"...» (Крылова, Кулькова, 2022, с.728).

Среди главных направлений культурной дипломатии России в Африке – деятельность группы БРИКС, которая была сформирована в 2006 г., куда в 2011 г. вошла ЮАР, став «воротами» континента²². Принципиальным отличием группы от классической дипломатии является декларируемое равенство всех ее участников. Несмотря на то, что данный альянс призван решать экономические и политические задачи, культура всегда остается в фокусе внимания объединения.

В 2015 г. на Саммите БРИКС было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере культуры²³, в 2018 г. подписана Декларация о создании Альянса музеев БРИКС²⁴. В 2019 г. состоялся Первый саммит «Россия–Африка», который сопровождался обширной культурной программой.

Благодаря БРИКС Россия демонстрирует свои возможности в сфере туризма, образования, науки, имеет возможность работать с различными целевыми аудиториями – от студентов до ученых и правительств. Анализу некоторых культурных проектов БРИКС посвящена наша статья (Курумчина, 2019).

В 2020 г. Россия, будучи председателем БРИКС, провела первый Гражданский форум альянса, на котором были затронуты вопросы женского предпринимательства, международного культурного сотрудничества, роли и социально значимых практик общественных и благотворительных организаций, развитие данного объединения. Автор настоящей статьи принимала участие в работе одной из секций Гражданского форума БРИКС, посвященной международному культурному сотрудничеству.

Тем не менее, не смотря на продвижение инициатив БРИКС, в ЮАР до сих пор нет официального Русского дома, только один представитель Россотрудничества (на 59 млн населения) работает при посольстве России

²² В 2024 г. в состав БРИКС вошли еще два африканских государства – Египет и Эфиопия.

²³ «...речь идет о полноценном сотрудничестве от народного до академического направлений, от классического до современного искусства, затрагиваются все виды и жанры искусства, наука, образование, архивное дело, туризм, делается акцент на работе в области сохранения культурного наследия. Подчеркивается поддержка молодежных обменов в сфере культуры между странами БРИКС. Депозитарием Соглашения является правительство РФ» (Курумчина, 2019, с. 172).

²⁴ Со стороны ЮАР и России данную Декларацию подписали Национальная галерея «Изико» и Государственный музей стран Востока.

в этой стране. Не работает и сетевой университет стран БРИКС, который, как предполагалось, должен был выдавать пятисторонние дипломы²⁵.

В докладе, подготовленном НИУ ВШЭ в 2021 г. между саммитами «Россия–Африка», отмечается, что, несмотря на активизацию культурного сотрудничества за последние годы, у нашей страны отсутствуют официальные приоритеты и дорожные карты по работе с Африкой, сейчас эта работа носит в основном стихийный характер и опирается на отдельные государственные и частные инициативы (см.: Караганов, 2021).

В 2023 г. в Санкт-Петербурге состоялся второй саммит «Россия–Африка». Автор статьи присутствовала на этом мероприятии, посетила интересные треки по креативным индустриям, спорту, образованию и ряду других. Само мероприятие состояло из двух частей – закрытой, собственно саммита, и открытой, представляющей собой выставки в нескольких павильонах – африканском и российском. В африканском павильоне были представлены стенды разных стран континента, некоммерческие организации, туристические компании. Стендистами были представители посольств, НКО, бизнеса. В российской части регионы страны демонстрировали возможности экономического и культурного сотрудничества с Африкой – производственные мощности, достижения сельское хозяйство, промышленности, туризма. Деловая программа состояла из большого числа круглых столов, конференций и заседаний, иногда пересекавшихся между собой, что создавало некоторые трудности для посещения мероприятий. В рамках выставки можно было сразу же обсудить интересные вопросы, договориться о дальнейшей работе, наметить темы совместных проектов. Стендисты африканской части, как и российские, были чрезвычайно открыты и нацелены на диалог.

Отметим, что еще в 2016 г. представители Гвинейской республики и Республики Бурунди говорили о том, что Африка сейчас нуждается в эволюционном пути развития, что страны континента ищут в лице России надежного партнера²⁶. С целью осуществления системного научного анализа, сложившейся между нашей страной и странами Африки организация «Росконгресс» заключила соглашение с компанией «Интеграция экспертизы» на разработку цикла аналитических докладов «Россия–Африка – общий взгляд в 2030 год»²⁷. Одним из важных направлений в сфере культурной дипломатии был назван экспорт российского образования. Международный дискуссионный клуб «Валдай» провел экспертную сессию «Возвращение России в Африку: интересы, вызовы,

---

²⁵ Когда дело дошло до реализации проекта, выяснилось, что, например, в ЮАР нельзя выдавать двойные дипломы, что между странами альянса зачетные единицы имеют разное количество часов, то есть не унифицированы, что, безусловно, создало трудности в работе сетевого университета и затормозило работу.

²⁶ Россия–Африка: расширение границ. (2016). *Петербургский Международный Экономический Форум*. Взято 29 октября 2023, с <https://forumspb.content.rcmedia.ru/upload/iblock/b6f/b6f98d9d77d7e54d6357182153f41a1c.pdf>

²⁷ *Россия и Африка: общий взгляд за горизонт* (2019, 20 марта). Взято 10 августа 2023, с <https://roscongress.org/news/-russiaafrica-shared-vision/>

перспективы». В подготовленном клубом докладе «Россия–Африка: аудит отношений» говорится о недостатке информационного обмена между сторонами²⁸.

Заключение

В завершение следует подчеркнуть, что «культурная дипломатия» подразумевает диалогичность культурного события и взаимодействия в рамках унифицированных дипломатических правил с целью сотрудничества и построения разнообразного и гармоничного мира, основанного на взаимном уважении.

Российская позиция в Африке исторически слабее по сравнению с западными державами, поскольку у страны не было колоний на континенте, а, следовательно, и не было устойчивой инфраструктуры, налаженных веками административных связей. В своем развитии позиция России в Африке прошла разные стадии – от незначительного институционального присутствия в дореволюционный период до активного революционного влияния советского государства на африканское национально-освободительное движение, ускорившее процесс деколонизации Черного континента. В начальные годы постсоветского времени активный этап влияния России на африканские государства был приостановлен. Однако с укреплением самостоятельности современного российского государства получает развитие процесс интенсификации и восстановления утраченных позиций России в Африке, развиваются новые институциональные формы международного сотрудничества. Сегодня главная проблема российской культурной дипломатии состоит в том, что в современной обстановке у России пока нет концептуально разработанного проекта будущего, который она могла бы предложить африканским государствам. Отсутствие официальной дорожной карты и четко поставленных стратегических целей нашего присутствия в пространстве бурно развивающегося континента серьезно осложняет работу в данной сфере.

В плане развития ресурсов «мягкой силы» важной задачей является расширение информационно-культурного и социально-экономического влияния нашей страны, её базовых ценностей на векторы развития африканских государств в обозримой перспективе. Другая ответственная задача состоит в том, чтобы осуществить вытеснение неокOLONиального западного проекта из системы формирования африканских политических элит, системы массового образования населения Африки, предложив свой альтернативный проект, основанный на принципах равноправного сотрудничества, уважения к суверенитету и взаимной поддержки. При этом культурная дипломатия должна быть нацелена на развитие взаимного информирования, интенсификацию культурных и академических обменов, на составление и реализацию взаимообогащающих

---

²⁸ Баранов, О., Ньядера, И. Н., Полетаев, Д., Харитоновна, Е., Цайзер, Н., Нанфоссо, Р. Ц., Чкония, Л. (2023). *Россия и Африка: аудит отношений* (с. 8–9). Взято 10 августа 2023, с https://roscongress.content.rcmedia.ru/upload/medialibrary/4e8/3xno6pl1wjpo8kpcnijwyak839643uzz/Doklad_Rossiya-i-Afrika.pdf

социо-культурных программ и креативных проектов, разработку познавательных туристических маршрутов и т.д. Для достижения этого необходимо создать дорожную карту и работать комплексно, стратегически, объемно, использовать официальные межправительственные документы, общественные, гражданские региональные инициативы, женские организации, местные НПО и другие инструменты культурной дипломатии.

Список литературы

1. Вепрев, Е. А. (2022). Ключевые ресурсы и специфика изучения мягкой силы африканских стран. *Дискурс-Пи*, 19(1), 175–187. https://doi.org/10.17506/18179568_19_1_175
2. Давидсон, А.Б. (2020). Институту Африки – 60 лет. Впечатления о его ранней истории. *Новая и новейшая история*, (6), 196–200. <https://doi.org/10.31857/S013038640012701-9>
3. Давидсон, А. Б., Филатова, И. И. (2010). *Россия и Южная Африка: три века связей*. Москва: Гос. ун-т – Высш. шк. экономики.
4. Желтов, А. Ю. (2012). Россия и Африка – история и современность. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика*, (4), 3–13.
5. Исмагилова, Р.Н. (Отв. ред.). (1985). *Африка: культурное наследие и современность*. Москва: Наука.
6. Исмагилова, Р.Н. (2023). *Россия – Эфиопия: 125 лет дипломатических отношений*. Взято 18 октября 2023, с <https://www.inafran.ru/node/2894>
7. Караганов, С. А. (Ред.), Маслов, А. А., Суслов, Д. В., Свиридов, В. Ю. и др. (2021). *Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа*. Москва: Международные отношения.
8. Крылова, Н. Л., Кулькова, О. С. (2022). «Мягкая сила» России в Африке: потенциал и проблемы русскоязычных женских сообществ. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 22(4), 728–740. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-728-740>
9. Курумчина, А. Э. (2019). *Культурная дипломатия России в рамках БРИКС в условиях современных вызовов*. В И. В. Ильин (Отв. ред.), *Актуальные Проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: Сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, 4–6 июня 2019 г.)* (с. 170–175). Москва: Межрегион. обществ. организация содействия изучению, пропаганде науч. наследия Н. Д. Кондратьева.
10. Леонова, О. Г. (2013). Мягкая сила – ресурс внешней политики государства. *Обозреватель*, (4), 27–40.
11. Леонова, О. Г. (2014). «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния. *Обозреватель*, (3), 18–28.
12. Нагорная, О. С. (Ред.), Никонова, А. Д., Попов, А. Д., Раева, Т. В.

и др. (2018). *Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989*. Москва: Полит. энцикл.

13. Най, Дж. (2004). «Мягкая» сила и американо-европейские отношения. *Свободная мысль–XXI*, (10), 33–41.

14. Нуриева, А. Р., Гибадуллин, М. З., Зайнутдинова, Д. И. (2021). Российская империя и страны африканского континента: от первых контактов к регулярному экономическому взаимодействию. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, (55), 216–224. <https://doi.org/10.17223/19988648/55/13>

15. Паршин, П. Б. (2020). *Мягкая сила в лабиринте дискуссий*. Москва: МГИМО (университет).

16. Пономарева, Е. Г. (2013, 14 мая). *Железная хватка «мягкой силы»*. Взято 1 ноября 2023, с <https://mgimo.ru/about/news/experts/238257/>

17. Попов, В. И. (2000). *Современная дипломатия: теория и практика: курс лекций. Ч. 1: Дипломатия – наука и искусство*. Москва: Науч. кн.

18. Русакова, О. Ф. (2010). Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, (10), 173–192.

19. Русакова, О. Ф. (Ред.). (2015). *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Издат. дом «Дискурс-Пи».

20. Русакова, О. Ф., Жакьянова, А. М. (2022). Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов. В А. А. Керимов (Ред.), *Культура и природа политической власти: теория и практика: сб. науч. тр.* (с. 65–73). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Взято 1 ноября 2023, с <http://elar.urfu.ru/handle/10995/117045>

21. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2017). «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии. *Дискурс-Пи*, (1), 61–72.

22. Сондерс, Ф. С. (2014). *ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны* (2-е изд.). Москва: Кучково поле.

23. Цветкова, Н. А. (2015). *Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.* [Дис. ... д-ра ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет]. https://dissler.spbu.ru/dissler2/dissler/Tsvetkova_dissertation_text_US_Public_Diplomacy_expansion.pdf

24. Akinola, A., & Ogunnubi, O. (2020). Soft power or wasteful entertainment? Interrogating the prospect of “Big Brother Naija”. *The Round Table*, 109(2), 1–15. <https://doi.org/10.1080/00358533.2020.1717088>

25. Anholt, S. (2011). Beyond the Nation Brand: The role of image and identity in international relations. In A. Pike (Ed.), *Brands and Branding Geographies* (Ch. 17, pp. 289–304). Cheltenham, UK: Edvard Elgar. <https://doi.org/10.4337/9780857930842.00027>

26. Barghoorn, F. C. (1960). *The Soviet cultural offensive. The role of cultural*

diplomacy in Soviet foreign policy. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press.

27. Clarke, D. (2020). *Cultural Diplomacy*. *Oxford Research Encyclopedias: International Studies*. Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.543>

28. Cummings, M. C. (2009). Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey. *Cultural Diplomacy Research Series, Americans for the Arts (formerly Center for Arts and Culture)*. Retrieved July 5, 2023, from <https://www.americansforthearts.org/by-program/reports-and-data/legislation-policy/naappd/cultural-diplomacy-and-the-united-states-government-a-survey>

29. Mwanika, Ph. A. N. (2014). *Kenya's Diplomacy on the Somali Conflict and Strategic Intervention: Soft-Power Diplomacy and Stabilization Dynamics*. Newcastle upon Tyne: Scholar's Press.

30. Ogunnubi, O., & Amao, O. (2016). South Africa's Emerging "Soft Power" Influence in Africa and Its Impending Limitations: Will the Giant Be Able to Weather the Storm? *African Security*, 9(4), 299–319. <https://doi.org/10.1080/19392206.2016.1242978>

31. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2018). Nigeria's Soft Power Sources: Between Potential and Illusion? *International Journal of Politics, Culture and Society*, 31(1), 49–67. <https://doi.org/10.1007/s10767-017-9258-6>.

32. Paschalidis, G. (2009). Exporting national culture: histories of Cultural Institutes abroad. *International Journal of Cultural Policy*, 15(3), 275–289. <https://doi.org/10.1080/10286630902811148>

33. Tella, O. (2021). *Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*. Abingdon: Routledge.

References

1. Akinola, A., & Ogunnubi, O. (2020). Soft power or wasteful entertainment? Interrogating the prospect of "Big Brother Naija". *The Round Table*, 109(2), 1–15. <https://doi.org/10.1080/00358533.2020.1717088>

2. Anholt, S. (2011). Beyond the Nation Brand: The role of image and identity in international relations. In A. Pike (Ed.), *Brands and Branding Geographies* (Ch. 17, pp. 289–304). Cheltenham, UK: Edward Elgar. <https://doi.org/10.4337/9780857930842.00027>

3. Barghoorn, F. C. (1960). *The Soviet cultural offensive. The role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy*. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press.

4. Clarke, D. (2020). *Cultural Diplomacy*. *Oxford Research Encyclopedias: International Studies*. Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.543>

5. Cummings, M. C. (2009). Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey. *Cultural Diplomacy Research Series, Americans for the Arts (formerly Center for Arts and Culture)*. Retrieved July 5, 2023, from <https://www.americansforthearts.org/by-program/reports-and-data/legislation-policy/naappd/>

cultural-diplomacy-and-the-united-states-government-a-survey

6. Cvetkova, N. A. (2015). *Publichnaya diplomatiya kak instrument ideologicheskoy i politicheskoy e'kspansii SShA v mire, 1914–2014 gg.* [Public diplomacy as an instrument of ideological and political expansion of the United States in the world, 1914–2014] [Dissertation, St. Petersburg State University]. (in Russ.). https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Tsvetkova_dissertation_text_US_Public_Diplomacy_expansion.pdf

7. Davidson, A. B. (2020). Institutu Afriki – 60 let. Vpechatleniya o ego rannej istorii [The 60th anniversary of the institute of Africa. Impressions of its early history]. *Novaya i novejshaya istoriya*, (6), 196–200. (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013038640012701-9>

8. Davidson, A. B., & Filatova, I. I. (2010). *Rossiya i Yuzhnaya Afrika: tri veka svyazey* [Russia and South Africa: three centuries of Ties]. Moscow: Gosudarstvennyy universitet – Vysshaya shkola e'konomiki. (in Russ.).

9. Ismagilova, R. N. (2023). *Rossiya – E'fiopiya: 125 let diplomaticheskix otnoshenij* [Russia – Ethiopia: 125 years of diplomatic relations]. Retrieved October 18, 2023, from <https://www.inafran.ru/node/2894> (in Russ.).

10. Ismagilova, R. N. (Resp. ed.) (1985). *Afrika: kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [Africa: cultural heritage and modernity]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

11. Karaganov, S. A. (Ed.), Maslov, A. A., Suslov, D. V., Sviridov, V. Yu. et al. (2021). *Afrika: perspektivy razvitiya i rekomendacii dlya politiki Rossii: doklad po itogam situacionnogo analiza* [Africa: development prospects and recommendations for Russian policy: a report on the results of a situational analysis]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russ.).

12. Krylova, N. L., & Kulkova, O. S. (2022). “Myagkaya sila” Rossii v Afrike: potencial i problemy russkoyazychnyx zhenskix soobshhestv [Russia’s soft power in Africa: potential and challenges of Russian-speaking women’s communities]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 22(4), 728–740. (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-728-740>

13. Kurumchina, A. E'. (2019). Kul'turnaya diplomatiya Rossii v ramkax BRIKS v usloviyax sovremennyx vyzovov [Russia's cultural diplomacy within the framework of BRICS in the context of modern challenges]. In I. V. Ilyin (Resp. ed.), *Aktual'nye Problemy global'nyx issledovanij: Rossiya v globaliziruyushhemsya mire: Sb. materialov VI Vseros. nauch.-prakt. konf. (MGU im. M.V. Lomonosova, 4–6 iyunya 2019 g.)* (pp. 170–175). Moscow: Mezhhregional'naya obshhestvennaya organizaciya sodejstviya izucheniyu, propagande nauchnogo naslediya N. D. Kondratieva. (in Russ.).

14. Leonova, O. G. (2013). Myagkaya sila – resurs vneshnej politiki gosudarstva [Soft power as a resource of the state foreign politics]. *Obozrevatel'*, (4), 27–40. (in Russ.).

15. Leonova, O. G. (2014). “Myagkaya sila”: instrumenty i koeffitsienty vliyaniya [“Soft power”: the tools and the influence coefficients]. *Obozrevatel'*, (3), 18–28. (in Russ.).

16. Mwanika, Ph. A. N. (2014). *Kenya's Diplomacy on the Somali Conflict and Strategic Intervention: Soft-Power Diplomacy and Stabilization Dynamics*. Newcastle upon Tyne: Scholar's Press.
17. Nagornaya, O. S. (Ed.), Nikonova, A. D., Popov, A. D., Raeva, T. V. et al. (2018). *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyax Xolodnoj vojny. 1945–1989* [Soviet cultural diplomacy in the context of the Cold War. 1945–1989]. Moscow: Politicheskaya e'nciklopediya. (in Russ.).
18. Nurieva, A. R., Gibadullin, M. Z., & Zainutdinova, D. I. (2021). Rossijskaya imperiya i strany afrikanskogo kontinenta: ot pervyx kontaktov k regulyarnomu e'konomicheskomu vzaimodejstviyu [The Russian empire and the countries of the African continent: from the first contacts to regular economic interaction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. E'konomika*, (55), 216–224. (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/19988648/55/13>
19. Nye, J. (2004). "Myagkaya" sila i amerikano-evropejskie otnosheniya [Soft power and US-European relations]. *Svobodnaya mysl'–XXI*, (10), 33–41. (in Russ.).
20. Ogunnubi, O., & Amao, O. (2016). South Africa's Emerging "Soft Power" Influence in Africa and Its Impending Limitations: Will the Giant Be Able to Weather the Storm? *African Security*, 9(4), 299–319. <https://doi.org/10.1080/19392206.2016.1242978>
21. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2018). Nigeria's Soft Power Sources: Between Potential and Illusion? *International Journal of Politics, Culture and Society*, 31(1), 49–67. <https://doi.org/10.1007/s10767-017-9258-6>.
22. Parshin, P. B. (2020). *Myagkaya sila v labirinte diskussij* [Soft power in the maze of discussions]. Moscow: MGIMO (universitet). (in Russ.).
23. Paschalidis, G. (2009). Exporting national culture: histories of Cultural Institutes abroad. *International Journal of Cultural Policy*, 15(3), 275–289. <https://doi.org/10.1080/10286630902811148>
24. Ponomareva, E. G. (2013, May 14). *Zheleznaya xvatka "myagkoj sily"* [The iron grip of "soft power"]. Retrieved November 1, 2023, from <https://mgimo.ru/about/news/experts/238257/> (in Russ.).
25. Popov, V. I. (2000). *Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika: kurs lekcij. Ch. 1: Diplomatiya – nauka i iskusstvo* [Modern diplomacy: theory and practice: a course of lectures. Pt. 1]. Moscow: Nauchnaya kniga. (in Russ.).
26. Rusakova, O. F. (2010). Koncept "myagkoj" sily (soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii [The concept of "soft power" in modern political philosophy]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, (10), 173–192. (in Russ.).
27. Rusakova, O. F. (Ed.). (2015). *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: theory, resources, discourse]. Yekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi". (in Russ.).
28. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2017). "Myagkaya sila" kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii [Soft power as the instrument of political communications and humanitarian diplomacy]. *Diskurs-Pi*, (1), 61–72. (in Russ.).

29. Rusakova, O. F., & Zhakyanova, A. M. (2022). E'volyuciya koncepta "myagkoj sily" v tvorchestve Dzhozefa Naya: analiz osnovnyx e'tapov [The evolution of the concept of soft power in the works of Joseph Nay: analysis of main stages]. In A. A. Kerimov (Ed.), *Kul'tura i priroda politicheskoj vlasti: teoriya i praktika: sb. nauch. tr.* (pp. 65–73). Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Retrieved November 1, 2023, from <http://elar.urfu.ru/handle/10995/117045> (in Russ.).

30. Saunders, F. S. (2014). CRU i mir iskusstv: kul'turnyj front xolodnoj vojny (2-e izd.) [Who paid the piper: CIA and the cultural cold war (2nd ed.)]. Moscow: Kuchkovo pole. (in Russ.).

31. Tella, O. (2021). *Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*. Abingdon: Routledge.

32. Veprev, E. A. (2022). Klyucheveye resursy i specifika izucheniya myagkoj sily afrikaniskix stran [Key resources and specifics of studying soft power of African countries]. *Diskurs-Pi*, 19(1), 175–187. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_19_1_175

33. Zhel'tov, A. Yu. (2012). Rossiya i Afrika – istoriya i sovremennost' [Russia and Africa – history and modernity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie i afrikanistika*, (4), 3–13. (in Russ.).

Информация об авторе

Анна Эдхемовна Курумчина, кандидат филологических наук, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0022-0882>, e-mail: a.aspelt@gmail.com

Information about the author

Anna Edkhemovna Kurumchina, Candidate of Philological Sciences, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0022-0882>, e-mail: a.aspelt@gmail.com

---

ОТНОШЕНИЯ САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ЕГИПТА В 2010-2021 ГГ. (НА ОСНОВЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ И ПО МАТЕРИАЛАМ АРАБОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Дмитрий Иванович Победаш,

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
Dmitry.Pobedash@urfu.ru

Ахмед Халфа,

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
Ahmedkhalifa94@gmail.com

Получена 17.07.2023.

Поступила после рецензирования 08.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Победаш Д. И., Халфа А. Отношения Саудовской Аравии и Египта в 2010–2021 гг. (на основе публичных заявлений и по материалам арабоязычных СМИ) // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 132–151. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_132

Аннотация

Статья показывает восприятие отношений между Саудовской Аравией и Египтом в 2010–2021 гг., выраженное в официальных дискурсах политических © Победаш Д. И., Халфа А., 2024

элит обеих стран. Поскольку эти две страны являются ключевыми игроками как на Ближнем Востоке, так и в арабском мире, их взаимодействие всегда было крайне важным для региональной политики. Хотя обе эти страны не являются мировыми державами, они обладают чрезвычайной значимостью для мировой экономики в отношении запасов нефти и контроля торговых путей. Понимание нюансов их взаимоотношений при этом важно не только для ближневосточной политики, но и для анализа глобальной политики и интересов великих держав. Авторы прослеживают эволюцию отношений Саудовской Аравии и Египта от «арабской весны» 2010 г. до катарского кризиса 2021 г. Статья разделена на три основные части. Авторы описывают реакции саудовских официальных лиц на первую египетскую революцию, помещая их в соответствующий исторический контекст. Во-вторых, рассматриваются описания прихода к власти египетского правительства под руководством «Братьев-мусульман» и его отношений с правительством Саудовской Аравии. В-третьих, рассматриваются описания отношений Египта с Саудовской Аравией после второй египетской революции и прихода к власти нового египетского правительства под руководством Абеля эль-Фатха Си-си. Опираясь на заявления официальных лиц обеих стран, статья представила официальные нарративы как саудовцев, так и египтян, описывающие отношения двух государств. Авторы приходят к выводу, что официальные дискурсы обеих стран рисуют почти идентичную картину их двусторонних отношений.

Ключевые слова:

Саудовская Аравия, Египет, Лига арабских государств, ближневосточная политика, глобальная политика, поставки нефти, торговые пути, сотрудничество, конкуренция, военная поддержка

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_132

SAUDI ARABIA AND EGYPTIAN RELATIONS IN 2010–2021 (AN ANALYSIS OF PUBLIC STATEMENTS AND ARABIC MASS-MEDIA)

Dmitry I. Pobedash,

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
Dmitry.Pobedash@urfu.ru

Ahmed Khalfa,

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia,
Ahmedkhalfa94@gmail.com

Received 17.07.2023.

Revised 08.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Pobedash, D. I., Khalifa, A. (2024). Saudi Arabia and Egyptian relations in 2010–2021 (an analysis of public statements and Arabic mass-media). *Discourse-P*, 21(1), 132–151. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_132

Abstract

This article provides an image of the Saudi Arabia and Egypt relations in 2010–2021 constructed from the elites' official discourses of the two countries. As both countries are crucial players in Arab and Middle Eastern affairs, their interaction has been a central focus of regional politics. While limited in their capabilities, both states possess critical importance to the global economy, particularly in terms of oil supply and trade routes. Understanding the nuances of their relationship is thus vital not only for Middle Eastern politics but also for global politics and the great powers' interests. The authors trace the evolution of Saudi-Egyptian relations, according to the official discourses of the elites of both countries, from the Arab Spring to the end of the Qatar crisis (2010–2021). The story is divided into three main parts. The authors delineate the reactions of Saudis officials to the Egyptian revolution of 2011, placing them in the historical context. Next, the authors provide the discourses depicting the Egyptian government under the Muslim Brotherhood and Saudi Arabia relations with that Egyptian regime. Finally, the authors deal with the descriptions of the new Egyptian government under Abdel el Fatah Si-si and Saudi-Egyptian relations. Relying exclusively on primary sources mostly from official statements of the states' elites and Arab Media, this article analyzes the official narratives of both the Saudis and Egyptians concerning relations between the two states. The authors conclude that the official discourses of the two countries present almost identical depiction of their bilateral relations.

Keywords:

Saudi Arabia, Egypt, Arab League, Middle Eastern politics, global politics, oil supply, trade routes, cooperation, competition, economic and military support

---

Introduction

Since the end of the Second War World and the start of the wave of decolonization in the Middle East, relations between Saudi Arabia and Egypt have been the central focus of Arab politics. The interaction between the two states has never been static but switched from cooperation to competition as their national interests and their positions in the Arab system and Middle Eastern politics dictated. However, as these two states are crucial players in Arab and Middle Eastern affairs, their interaction has always been one of the main pillars of the region's stability. Although Egypt and Saudi Arabia are regional powers that, due to their limited capabilities, operate only in their region, they are of a critical importance to the global economy and thus are significant for the great powers.

As Malcolm Kemp argues, any long-term interruption in the supply of oil from Saudi Arabia, the world's largest exporter, would have a significant impact on the oil market. If it coincided with a widespread conflict in the Gulf that would shut down supplies from other regional producers, the problem would assume grave proportions and would be likely to trigger a major intervention by the US and other outside powers (Kemp, 1998).

Similarly, 12% of global trade and 30% of global container traffic traverse the Suez Canal, transporting over USD \$1 trillion worth of goods annually. While the US share of the Gulf oil import is decreasing, supplying the allies of the United States, especially in Asia, makes it vital to protect the flow of oil through the Suez Canal.

Other great powers also have much at stake in this region. China is the largest importer of oil from the Middle East. Russia as a member of OPEC+ has a significant economic interest in maintaining a foothold in the Middle East to have leverage on the Middle Eastern states. Indeed, the Middle East, as an Oil River and a trade route, is likely to preserve its significant place in the great powers' calculations for decades. Thus, a better understanding of relations between two of most critical players in the region is vital not only for the Middle Eastern politics but for global politics as well. This article provides a brief overview of Saudi Arabia-Egypt relations in 2010–2021 from the elites's official discourses.

A brief historical overview

Since 1945, regional politics regained its place in the Middle East after centuries of Ottoman hegemony followed by and overlapped with European colonization. Egypt and Saudi Arabia were the main players in constructing the Arab League in 1945, and the Palestinian issue made the two states cooperate and launch a war against Israel in 1948.

After the coup d'état of the Free Officers Movement in 1952, the new revolutionary Egyptian regime headed by Gamal Abdel Nasser and Saudi Arabia maintained their cooperation due to their common interests in balancing against the Hashemite monarchy in Iraq which strove to gain hegemony in the Middle East under British auspices (Al-Rasheed, 2010; Gerges, 1994).

Convergence of interests continued to define relations between the two countries until 1958. The coup d'état in Iraq in 1958 and the new revolutionary regime which came to power there, made Saudi Arabia feel encircled by a number of powerful, revolutionary regimes. That brought about the so-called Arab Cold War; the term was originally used by Malcolm H. Kerr in his seminal work *The Arab Cold War: Gamal 'Abd al-Nasir and His Rivals, 1958–1970*. Now this term is widely accepted to describe the conflict in 1958–1970 between the conservative states under the Saudi leadership and the revolutionary regimes which came to be dominated by Egypt, led by Nasser who gained immense popularity in many Arab countries (Kerr, 1967; Dawisha, 1980).

The Arab defeat by Israel in 1967 and the death of Gamal Abdel Nasser in September 1970, led to the end of the Arab Cold War and to a weakening of Arab nationalism. The coming of Anwar Sadat, a state-centrist, conservative leader in Egypt, combined with the threat of Israel to the Arab system, made Saudis and Egyptians cooperate against the status quo that Israel aimed to legitimize after its victory in 1967 (Mansfield, 2019; Хайруллин, 2019). Cooperation between King Faisal and Sadat was crucial in the October war of 1973. Indeed, the Saudi military and economic assistance to Egypt and the kingdom's strong voice in the defense of the Arab and Islamic cause under Faisal (Ас-Самак, 2016) made Saudi Arabia one of the strongest pillars in the defense the Arab national security which was inextricably linked with gaining back the lands lost in the 1967 war.

However, that cooperation did not last too long. When Sadat signed the Camp David Accords with Israel in September 1978, Saudi Arabia with the majority of the Arab states cut their diplomatic relations with Egypt (Dawisha, 1980).

However, the importance of balancing together with Egypt rather than against it turned obvious to the Arab states in the Iraq-Iran war of 1980–1988, as both the Iraqis and Saudis benefited from the Egyptian military support to Iraq (Hunter, 2010). A wave of diplomatic normalization with Egypt thus took place in the last year before the end of the long Iraq-Iran war and Egypt regained its position in both the Arab system and in the Saudis' national security calculations.

The invasion of Kuwait by Saddam in 1990 made Egypt more crucial than ever for Saudi national security. Egyptian role in the liberation of Kuwait and in legitimizing the Saudis invitation to foreign troops to deter the threat posed by Saddam turned Egypt under the Mubarak regime into one of Saudi Arabia's main allies in the region (Faksh, 1992; Mūsá, 2017). The Saudis and Egyptians maintained their close cooperation in the region from the liberation of Kuwait until the Arab Spring in 2011, as their national security interests were congruent to a large degree (Murphy, 2011).

Summarizing the above, we could describe the 'checkered history' of Egyptian-Saudi relations from 1948 to 2010 as fluctuations between cooperation and confrontation depending on the two countries' understanding of their security concerns.

The Arab Spring and the Saudis' reactions

The Arab Spring, a series of anti-government protests that first started in 2011 in Tunisia and then spread over most of the Arab world, was a watershed event in Saudi-Egyptian relations. The President of Egypt, Hosni Mubarak, had been quite successful at normalizing and improving Egyptian-Saudi relations for three decades, as *The Times of Israel* put it, "He engineered Egypt's return to the Arab fold after nearly a decade in the cold over its 1979 peace treaty with Israel"¹. During the Arab Spring, Mubarak was both under internal and external pressure to put an end to his long power monopoly on Egyptian politics. Mubarak had maintained absolute control in Egypt for three decades without any real opposition. Like in Tunisia, the first outburst of the protests in Egypt was triggered by socioeconomic grievances but within days the protests turned into a call for regime change and for Mubarak's removal.

Saudi Arabia backed the Egyptian regime from the very beginning of the social unrest. In a communiqué, the Saudi King, Abdullah bin Abdel Aziz el Saud, expressed his concern about the development of the situation in Egypt and strongly supported the Mubarak regime. King Abdullah asserted that the Arabs and Muslims could not bear to see Egypt, a stronghold of Arabism and Islam being manipulated in matters of its security and stability by some infiltrators in the name of freedom of expression and been exploited through sabotage, intimidation, burning, plundering².

To diffuse American pressure on Mubarak, Saudi Arabia warned Barack Obama, the then president of the United States not to humiliate Mubarak and also pledged to support Egypt economically if the United States cut its economic assistance³. Nonetheless, Mubarak stepped down and ceded his power on February 11, 2011, to the Egyptian military council under the leadership of the field marshal Mohamed Hussein Tantawi Soliman. Saudi Arabia then released the following joint communiqué supporting the peaceful transition of power in Egypt:

"The government of the Kingdom of Saudi Arabia welcomes the peaceful transfer of power in the brotherly Arab Republic of Egypt. The Kingdom expresses its hope that the efforts of the Egyptian armed forces will be crowned in restoring peace, stability, and tranquility in the brotherly Arab Republic of Egypt, in preparation for the establishment of a national government that achieves the hopes and aspirations of the brotherly Egyptian people towards security, stability, and economic prosperity"⁴.

¹ *Egypt's Hosni Mubarak: a survivor comes undone* (2011, February 11). Retrieved October 10, 2023, from <https://nypost.com/2011/02/11/egypts-hosni-mubarak-a-survivor-comes-undone/>

² Аль-Эхиви Ф. (2022). Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alwatan.com.sa/article/77994>

³ Thomson R. (2011). *Хайфа: саудовский монарх*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.reuters.com/article/oegtp-saudi-egy-mm6-idARACAE71909520110210>

⁴ Аль-Авваль Н. (2011). *Передача власти в Египте*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alwatan.com.sa/article/80013>

Saudi Arabia and revolutionary Egypt

The positive public statements of Saudi Arabia toward the new development in Egypt, however, did not correlate with its grievances about the ongoing situation in the largest state in the Arab system. Former US secretary of defense, Robert Michael Gates confessed in his memoirs that Saudi Arabia was bothered by the actions of the United States and concerned about the actual situation of Mubarak in Egypt after he had been put on trial (Gates, 2014).

Nevertheless, Saudi Arabia and Egypt under the military council continued their cooperation, especially in the military sphere. Thus, in May 2012, Tabork 3, a joint land military exercise, was held in the northwestern Saudi⁵. Ahmed Katan, the Saudi Ambassador to Egypt at that time, described the deep ties that he had with the military of Egypt, especially their leader, the field marshal Mohamed Hussein Tantawi Soliman, the de facto ruler of Egypt from the fall of Mubarak to the 2012 election. He stated that the Saudi government had very strong ties with the Egyptian military in general⁶.

Moreover, in 2012, Saudi Arabia gave 2.5 billion dollars to Egypt as financial assistance which was 1 billion as a deposit for the central bank to increase its foreign currency reserve after its deterioration due to the revolution, 500 million to subsidize development projects, 750 million to support Egyptian import from Saudi Arabia and 200 million as a grant to subsidize medium and small Egyptian companies⁷.

Yet, a major crisis in the Egyptian-Saudi relations manifested itself in April 2012, after the detention of Mohamed Tharwat el Said, an Egyptian lawyer accused of drug smuggling in Jeddah airport. Many Egyptians claimed that Saudi Arabia had detained the Egyptian lawyer for political rather than criminal reasons and a number of Egyptian media severely criticized Saudi Arabia. Protesters burned the Saudi flag in front of the Saudi Embassy and tried to break into it. Saudi Arabia then recalled its ambassador and closed its embassy and consulates in Egypt. After that, the Egyptian government denounced, in a joint communiqué, the protests at the Saudi embassy. In the joint communiqué, Egypt expressed its regret over the individual incidents committed by some citizens against the embassy of Kingdom of Saudi Arabia in Cairo, and claimed that those actions expressed only the opinion of those who committed them. The Egyptian government condemned those irresponsible and uncalculated actions, which were said to harm the deep Egyptian-Saudi relations rooted in history⁸.

⁵ Gate.ahram (2013). *Совместные военные учения египетско-российских и египетско-саудовских военно-морских сил, ворота Аль-Ахрам*. Retrieved March 22, 2023, from <https://gate.ahram.org.eg/News/419233.aspx>

⁶ Саламе, А. М. (2021). *His Excellency the Minister of State for African Affairs, Mr. Ahmed Qattan, was a guest on the 'In the Picture' program with Abdullah Al-Mudayfir*. Retrieved March 22, 2023, from https://www.youtube.com/watch?v=fu3VhvUo_io

⁷ *Саудовское финансирование*. Retrieved March 22, 2023, from <https://elaph.com/Web/Economics/2012/4/730483>

⁸ Alwatan (2012). *Cairo describes the attack on the embassy as "irresponsible"*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alwatan.com.sa/article/135650>

Moreover, Egyptians made further steps to remedy the relations. Tantawi, the de facto ruler of Egypt, called the king of Saudi Arabia on July 3, and tried to diffuse tensions as they both emphasized the strong historical relations between the two states⁹.

On May 5, 2012, a week after the recalling of the Saudi ambassador, a large number of politicians, intellectuals, religious figures, and artists led by the Speaker of the Egyptian People's Assembly, Dr. Muhammad Saad Al-Katatni, and the Speaker of the Egyptian Shura Council, Dr. Ahmed Fahmy went to the Saudi King to persuade him to reopen the Saudi embassy in Egypt. The delegation stressed the strong amity of the Egyptian people to Saudi Arabia. The Saudi King then ordered to open back the embassy and send his ambassador to Egypt, stating that "Our common history is not a fleeting page, and no one can tamper with it"¹⁰. The Saudi Arabian ambassador in Egypt, Ahmed bin Abdulaziz Kattan, also asserted that, "As long as the kingdom remains in its place and Egypt is in its place, no one will be able to separate us unless we allow him to do so, and this will never happen, God willing"¹¹.

Power politics in Saudi-Egyptian relations manifested themselves not only on the arena of interstate interactions, but also in dealing with powerful non-state actors.

Saudi Arabia and Egypt's Muslim Brotherhood Cold War

On 30 June, 2012, Mohamed Morsi became the president of Egypt as the first Islamist president, and a member of the Muslim Brotherhood organization. The Muslim Brotherhood, an Islamist organization, had been under the Saudis' protection since the days of Nasser in the 1950s and 1960s. At that time, Saudi Arabia played a vital role in meditating between President Sadat and the Brotherhood after the death of Nasser. The Muslim Brotherhood, however, although enjoyed the protection of the Al Saud, they nevertheless penetrated the Saudi society and launched their propaganda inside the kingdom to turn the Saudi population both against the concept of monarchy in general and against their legitimate rulers, the Al Saud.

While the Saudi elites avoided an open confrontation with the Muslim Brotherhood until 2014, Prince Naïf bin Abdulaziz bin Saud, the Saudi interior minister (1975–2012) and crown prince (2011–2012), in 2002 already openly criticized the Muslim Brotherhood in an interview, "But I say it without hesitation that all our problems and secretions, and label them as you like, came from the Muslim Brotherhood.

---

⁹ Al-Arabiya (2012). *Saudi Arabia closes its embassy in Egypt following an attempted breach*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alarabiya.net/articles/2012%2F04%2F28%2F210862>

¹⁰ Al-jazirah (2012). *Custodian of the Two Holy Mosques: Our shared history is not a passing page, and no entity can tamper with it*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.al-jazirah.com/2012/20120505/ln36.htm>

¹¹ Al-jazirah (2012). *The Egyptian delegation: The relationship is deep-rooted, unaffected by individual events*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.al-jazirah.com/2012/20120505/ln40.html>

What can I tell you? We have endured many of them, and we are not the only ones who have endured many of them. They are the cause of problems in our Arab world, and perhaps in our Islamic world”¹².

Those words did not go unnoticed by Egypt. Ten years after Prince Naïf bin Abdulaziz bin Saud’s statement, Mohamed Morsi, a presidential candidate at that time, met a former Saudi Arabia’s Ambassador, Ahmed Katan. Morsi told Katan that they heard what the Saudi prince Naïf had said about them but Egyptians decided that they would not reply. The then Saudi Ambassador replied that, “It is better for them that they did not make any reactions because they would hear something more aggressive”¹³.

After the 2012 presidential elections, King Abdullah of Saudi Arabia sent a letter to the new elected Egyptian President, Mohamed Morsi, and congratulated him and the Egyptian people for his selection as a president. The king asserted his hopes that Egypt would continue to play its role as a source of stability and bear its Islamic and Arab responsibilities.

The first official visit of Morsi as the President of Egypt was to Saudi Arabia on July 7, 2012. The then Egyptian Ambassador in Saudi Arabia emphasized the reason behind choosing Saudi Arabia, as the first destination of the Egyptian President, was due to the status of the Saudi Arabia in the Islamic and Arab world, to its international importance, to its political weight, and to the historical relations between Egypt and Saudi Arabia¹⁴. According to Sky News Arabia, the President of Egypt, Morsi, assured the Saudi leadership during his visit that Egypt was working to restore Arab solidarity, especially in light of “Iranian threats” to the Gulf Cooperation Council countries and that the talks with Saudi King, Abdullah bin Abdulaziz, were fruitful and constructive for the benefit of Egypt, the Kingdom and the peoples of the region¹⁵.

Pragmatism in official diplomatic discourse dominated the relations between Saudi Arabia and the Egyptian regime under the Muslim Brotherhood. Yet, although the interests of both countries were largely complementary, their positions were different on the Syrian question. Throughout the history of Saudi Arabia, its rulers seldom publicly criticized the leaders of other states, especially in the Arab world. However, when Morsi proposed to hold a meeting in Cairo between the four critical regional players in the region – Saudi Arabia, Egypt, Turkey, and Iran – to find a po-

¹² Aawsat (2002). *Rumors about the cohesion of the Saudi leadership are baseless. The Muslim Brotherhood has wreaked havoc on the Arab world*. Retrieved March 22, 2023, from <https://archive.aawsat.com/details.asp?issue=8435&article=138584#.ZBGN6HZBzIX>

¹³ Ротана, Г. (2022). *His Excellency the Minister of State for African Affairs, Mr. Ahmed Qattan, is a guest on the 'In the Picture' program with Abdullah Al-Mudayfir*. Retrieved March 22, 2023, from https://www.youtube.com/watch?v=fu3VhvUo_ю (дата обращения: 22.03.2023).

¹⁴ Al-jazirah (2012). *The Custodian of the Two Holy Mosques and Morsi discuss bilateral relations and the latest developments*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.al-jazirah.com/2012/20120711/fr2.htm>

¹⁵ Skynews (2012). *Morsi concludes his first official visit to Saudi Arabia*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.skynewsarabia.com/amp/middle-east/33302>

litical solution to the Syrian crisis, the foreign minister of Saudi Arabia did not attend the meeting in September 2013¹⁶. Saudi Arabian media also supported the protests against the regime of the Muslim Brotherhood. Saudi media even tried to legitimize the protests against the regime of Morsi by labeling it as the Second Revolution¹⁷. Nevertheless, the Saudi-Egyptian military cooperation remained at the same high level and had not changed since the Muslim Brotherhood took power in Egypt¹⁸.

The Muslim Brotherhood did not succeed in stabilizing the country, major protests has been held in Egypt during the one-year rule of Morsi and the Muslim Brotherhood, and a potential civil war between the protesters and the supporters of Morsi threatened Egypt. The Egyptian military thus declared that it could no longer be neutral. Morsi was deposed by the military and Adly Mansour, President of the Supreme Constitutional Court, became the interim president¹⁹.

The Saudis backing of the new Egyptian regime

The development of events in Egypt was moving at an unprecedented speed, Morsi stayed in power for slightly over than one year, from 30 June 2012 to 3 July 2013, and the main players in the Middle East had different opinions about the ongoing situation. Turkey labeled the appointment of a new president in Egypt and the removal as a military coup²⁰. Iran also criticized Morsi's removal by the military²¹. The Saudi King, Abdullah bin Abdulaziz, however, sent a congratulatory telegram to the newly appointed president of Egypt, Adly Mansour, and strongly supported the Egyptian Army under the leadership of Abdel Fattah El-Sisi, the de facto ruler of Egypt²². Moreover, just one week after Morsi's removal, Saudi Arabia provided Egypt with 5 billion dollars²³.

¹⁶ France24 (2012). *Why was Saudi Arabia absent from the 'Quartet' meeting in Cairo on Syria?* Retrieved March 22, 2023, from <https://amp.france24.com/ar/20120918>

¹⁷ Ahram (2013). *Arab News TV rivals Al-Arabiya, Al-Jazeera draw up Egypt Battle Lines - region – world Ahram Online*. Retrieved March 22, 2023, from <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/2/8/76974/>

¹⁸ Gate.ahram (2013). *Joint military exercises between the Egyptian-Russian and Egyptian-Saudi naval forces – Al-Ahram Gate*. Retrieved March 22, 2023, from <https://gate.ahram.org.eg/News/419233.aspx>

¹⁹ BBC (2013). *Egyptian Army Statement on the Removal of President Mohamed Morsi*. Retrieved March 22, 2023, from https://www.bbc.com/arabic/multimedia/2013/07/130703_egypt_alsisi_announcement

²⁰ Alrai-media (2013). *Turkey condemns the “military coup” in Egypt*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alraimedia.com/article/429205>

²¹ Watanksa (2013). *Egypt condemns Iran's “interference” in its affairs*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alwatan.com.sa/article/190924>

²² SPA (2013). *In a cable, the Custodian of the Two Holy Mosques congratulates Chancellor Adly Mansour, President of the Arab Republic of Egypt*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.spa.gov.sa/1126330>

²³ Aljoughouria (2013). *12 Billion Arab Support to Egypt Within a Week*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.aljoughouria.com/ar/news/82467/12>

Domestic unrest in Egypt did not stop after the removal of Morsi. Civil unrest and instability turned more salient as the supporters of Morsi did not acquiesce to the Egyptian army's interference and decided to launch an unlimited wave of protests until the coming back of the legitimacy as they understood it. The Egyptian army gave a last warning to Morsi's supporters that they should evacuate Rabaa al-Adawiya and al-Nahda squares where the majority of supporters of Morsi assembled. A large number of the protesters decided to challenge the authority and a violent clash between the army and the protesters led, according to a conservative estimate, to more than 500 protesters dead and more than 4,000 injured²⁴.

At the international level, the European Union condemned the "disproportionate use of force by the Egyptian security forces"²⁵ and the Obama administration canceled a planned joint military operation in protest over the violent clashes²⁶. China and Russia, on the other hand, called for restraint to diffuse the tension²⁷.

At the regional level, Turkey and Iran condemned the Egyptian authority and took the side of the protesters²⁸. However, Saudi Arabia provided unconditional support to the Egyptian authorities. King Abdullah bin Abdulaziz called on Egyptians, Arabs, and Muslims to confront anyone who tries to destabilize Egypt's security, considering that those who interfere in Egypt's internal affairs from abroad want to trigger Fitna (an Arabic word that means discord among the Arabs and Muslims). King Abdullah called on the Arabs to stand together against attempts to destabilize Egypt's security, "and against anyone who tries to destabilize a state that has, in the history of the Islamic and Arab nation, the foremost place with its honorable brothers"²⁹. Saudi Arabia blamed the social unrest in Egypt after the removal of Morsi on Muslims and

---

²⁴ Al-Masry (2013). *The toll of Wednesday's clashes rises to 578 dead and 4,201 injured so far*. Retrieved March 22, 2023, from <https://web.archive.org/web/20131206043450/http://www.almasryalyoum.com/node/2035081>

²⁵ *European Parliament Texts adopted situation in Egypt* (2013). Retrieved March 22, 2023, from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0379_EN.html

²⁶ *Obama condemns Egyptian violence, cancels joint exercise* (2013). Retrieved March 22, 2023, from <https://www.cnn.com/2013/08/15/obama-condemns-egyptian-violence-cancels-joint-exercise.html>

²⁷ Writer S. (2013). *China calls for restraint in Egypt*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.morocoworldnews.com/2013/08/101017/china-calls-for-restraint-in-egypt; Russia urges political forces in Egypt to show restraint>. Retrieved March 22, 2023, from <https://tass.com/russia/699010>

²⁸ Al Jazeera (2013) *Solidarity in Turkey with the victims of the Raba'a massacre*, News. Retrieved March 22, 2023, from [https://www.aljazeera.net/amp/news/2013/8/22; Almasryalyoum \(2013\). Iran condemns the dispersal of the Rabaa and Nahda sit-ins, describing what happened as a "massacre"](https://www.aljazeera.net/amp/news/2013/8/22; Almasryalyoum (2013). Iran condemns the dispersal of the Rabaa and Nahda sit-ins, describing what happened as a). Retrieved March 22, 2023, from <https://www.almasryalyoum.com/news/details/249017>

²⁹ Alarabiya (2013). *The Saudi monarch calls on Arabs to stand against those who threaten the security of Egypt*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alarabiya.net/amp/saudi-today/2013/08/16>

backed the new Egyptian government³⁰. Indeed, Saudi Arabia not only openly backed the new government of Egypt politically and financially but also used its global influence to change the narrative about the current situation in Egypt.

To do so, just after five days of Rabaa al-Adawiya and al-Nahda squares' violent clash, Saudi Arabia sent its foreign minister to France to defend the new Egyptian regime. Saudi Arabia's ambassador in France put the blame for the al-Adawiya and al-Nahda squares' violent clash on Morsi supporters and argued that the Muslim Brotherhood regime had lost its legitimacy after 30 million protesters took to the streets against its rule³¹. The then de facto ruler of Egypt and the actual Egyptian president, Abdel Fattah el-Sisi, argued in an interview that the support of Saudi Arabia and its King Abdullah bin Abdulaziz in 2013 must be not forgotten and when all major powers were against Egypt, King Abdullah defied all the major powers and backed Egypt³².

After the removal of Morsi, the new government designated the Muslim Brotherhood as a terrorist organization³³ and less than three months later, Saudi Arabia followed Egypt in designating the Muslim Brotherhood as a terrorist organization³⁴.

Saudi Arabia and SiSi's Egypt relations

In May 2014, Colonel General Abdel Fatah Sisi became the President of Egypt. The King of Saudi Arabia congratulated him and gave strong support for the new president, saying, "The next stage is laden with great responsibility, which necessarily requires every man and woman among our brothers, the people of Egypt, to be of one spirit, to be responsible, aware and vigilant, to be patient, and to bear in the next stage all difficulties and pitfalls, to be of help to their president after God (emphasis added). He whose despair precedes his patience will sit on the side of the road afflicted with heartbreak and remorse, God forbid that this be the case. The awareness of the people of Egypt is capable – God willing – to cross all obstacles and difficulties, to achieve what we all aspire to in terms of security, which is the pillar of stability for Egyptian brothers, after God"³⁵.

³⁰ Al-jazirah (2013). *The Muslim Brotherhood calls for a week of protests, while the government confirms facing a terrorist plot*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.aljazeera.com/2013/20130817/du16.htm>

³¹ Gate.afram (2013). *Saudi Embassy in Cairo: Al-Faisal's visit to France aimed at revealing the full facts, unifying efforts, and providing support to Egypt*. Retrieved March 22, 2023, from <https://gate.afram.org.eg/News/385455.aspx>

³² Elbalad S. (2013). Retrieved March 22, 2023, from <https://youtu.be/1Eh9sNPYJ1U>

³³ Alarabiya (2013). *Egypt declares the Muslim Brotherhood a terrorist group subject to the law*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alarabiya.net/amp/arabandworld/egypt/2013/12/25>

³⁴ Aljazeera (2014). *Saudi Arabia declares the Muslim Brotherhood a 'terrorist organization*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.aljazeera.net/amp/news/2014/3/7>

³⁵ Alarabiya (2014). *King Abdullah: Those who hesitate to support Egypt have no place among us*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alarabiya.net/amp/saudi-today/2014/06/03>

Moreover, Saudi Arabia called for a conference of donors to help Egypt economically³⁶. To demonstrate his good will and support, on his first visit to Saudi Arabia on 10–11 August 2014, King Abdullah decorated President Sisi with the King Abdulaziz Necklace, the most prestigious Saudi gift to foreign leaders³⁷. The death of King Abdullah bin Abdel el Aziz in January 2015, did not impede further rapprochement of Saudi Arabia and Egypt.

Crown prince Salman of Saudi Arabia became the king of Saudi Arabia and continued the legacy of his predecessor. A conference of donors was held as King Abdel Abdullah's wish two months after his death in March. President Abdel Fattah El-Sisi in his speech at the opening of the economic conference praised King Abdullah for his calling to the conference and the support of Saudi Arabia in his reign, and praised Saudi Arabia under the current King Salman Abel Aziz for its unconditional support to Egypt. Saudi Arabia announced that it would provide 4 billion dollars to Egypt at the conference³⁸.

On March 26, 2015, Saudi Arabia launched its Decisive Storm operation in Yemen to support the legitimate government against rebels in the north³⁹. Egypt strongly supported the Saudi operation diplomatically and politically and provided 16 combat aircraft and a naval frigate as military support⁴⁰. President Abdel Fattah El-Sisi confirmed during a phone call with King Salman bin Abdul-Aziz Al Saud that Gulf security was a red line and an integral part of Egyptian national security⁴¹. Egypt, however, did not send military land forces to Yemen but only supported a naval blockade in the strait of el Mandab⁴².

In his speech at the Arab assembly on March 28, 2015, which was held in Sharm Sheikh in Egypt, just after days launching the Decisive Storm operation, the King

---

³⁶ Reuters (2014). *The Saudi monarch calls for a donor conference to economically assist Egypt*. Retrieved March 22, 2023, from <https://ara.reuters.com/article/topNews/idARAKBN0EE1V620140603>

³⁷ Almasryalyoum (2014). *King Abdullah awards Sisi the "Abdulaziz Al Saud" necklace*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.almasryalyoum.com/news/details/498959>

³⁸ Al-jazirah (2015). *The Kingdom offers 4 billion dollars in aid to Egypt, including 2 billion as a deposit, and the remaining as developmental assistance*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.al-jazirah.com/2015/20150314/ln39.htm>

³⁹ Alarabiya (2015). *King Salman launches the 'Operation Decisive Storm' against the Houthi rebels*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alarabiya.net/amp/saudi-today/2015/03/26>

⁴⁰ Alarabiya (2015). *Egypt participates with 16 fighter planes and a naval frigate*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alarabiya.net/saudi-today/2015/03/26/>

⁴¹ Al-jazirah (2015). *Gulf security is a red line and an integral part of Egypt's national security*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.al-jazirah.com/2015/20150328/av28.htm>

⁴² Ahram Online (2015). *There are no Egyptian ground troops in Yemen: Saudi-led coalition*. Retrieved March 22, 2023, from <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/140274/Egypt/Politics-/There-are-no-Egyptian-ground-troops-in-Yemen-Saudi.aspx>

of Saudi Arabia blamed the current instability in Yemen on Houthi Movement and highlighted the Arab and international support for the Saudis operation. The King emphasized that the military operation was the last resort of the kingdom after it already had used all other measures, and praised all the countries that supported the kingdom in its defense for its security⁴³.

By the same token, in his Sharm el Sheikh's Speech President Sisi emphasized the need for Arab unity, especially under the current threat that the Arab system was facing. President Sisi claimed in his speech that foreign powers were taking advantage of the Arab states' current situation to interfere in their domestic politics and destroy their Arab identity. Sisi stressed that united Arab actions against the threats that they face had to be taken⁴⁴.

At the Sharm Sheikh assembly, the Arab states announced adopting of the principle of establishing an Arab military force under the supervision of the Chiefs of Staff of the Armed Forces of the Member States⁴⁵. In May 2015, Egypt and Saudi Arabia announced the Cairo declaration that institutionalized the political, military and economic rapprochement between Saudi Arabia and Egypt.

The Cairo declaration presented six areas for joint work. First, Saudi Arabia and Egypt needed to enhance their military cooperation and to establish the joint Arab force. Second, they should aim to enhance their joint cooperation and investments in the fields of energy, electrical connectivity and transportation. Third, they should start a process for an economic integration between the two countries and work to turn Saudi Arabia and Egypt into a major hub in the global trade movement. Fourth, they should expand Saudi and Egyptian mutual investments with the aim of launching joint projects. Fifth, Saudi Arabia and Egypt should enhance their political, cultural and media cooperation between to achieve the desired goals in light of the common interest of the two countries and to confront the challenges and dangers posed by the current stage. And finally yet importantly, the two states should determine the maritime borders between the two countries⁴⁶.

The Egyptian-Saudis political and military rapprochement was presented to be serving the national interests of all Arab countries. However, Saudi Arabia and Egypt aimed to turn the Arab system into their dual hegemony. The Saudi-Egyptian alliance was presented as the two pillars on which the Arab order rests. As it was portrayed by both countries, only through Saudi Arabia and Egypt cooperation,

---

⁴³ *Выступление короля Саудовской Аравии Салмана бин Абдель Азиза на открытии саммита арабских государств в Шарм-эль-Шейхе...* (2015, March 28). Retrieved March 22, 2023, from <https://www.youtube.com/watch?v=sCDUVvFzLYE>

⁴⁴ Mehwar TV (2015). *The speech of President Abdel Fattah el-Sisi at the Arab Summit*. Retrieved March 22, 2023, from <https://youtu.be/N-BFwRnEmag>

⁴⁵ Al-jazirah (2015). *Adoption of the principle of establishing an Arab military force under the supervision of the Chiefs of Staff of the armed forces of the member states*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.al-jazirah.com/2015/20150330/av23.htm>

⁴⁶ Аль-Гали, М. (2015). *The Cairo Statement issued regarding the visit of Prince Mohammed bin Salman to Egypt*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.youm7.com/amp/2015/7/30/>

the national interests of all Arab states could be protected. As Abel Fattah Sisi described it to the Crown Prince of Saudi Arabia, Mohamed ben Salman, “Egypt and the Kingdom are the wings of Arab national security, and Egypt and Saudi Arabia are a safety valve for the Arab nation”⁴⁷.

To promote their joint work, Saudi Arabia and Egypt set up the Saudi-Egyptian Coordination Council, which was established on June 11, 2015, headed by Deputy Crown Prince Mohammed bin Salman, and Egyptian Prime Minister Sherif Ismail, to implement the “Cairo Declaration”. Five meetings were held in Riyadh and Cairo, which resulted in agreements for several investment projects worth 30 billion Saudi riyals, and to provide Egypt’s oil needs for the next five years, on soft terms and a grace period for repayment that lasts at least three years.

On March 20, a memorandum of understanding was signed between the Ministry of Investment in Egypt and the Public Investment Fund in the Kingdom, on three agreements, including an agreement worth 1,5 billion dollars between the Ministry of International Cooperation and the Saudi Fund for Development, to finance development projects in the Sinai Peninsula, such as the establishment of Bedouin communities, building water desalination plants, and establishing a university⁴⁸.

Moreover, in his visit to Cairo in April 2016, King Salman bin el Abdel Aziz and the President of Egypt, Abdel Fatah el Sisi, signed 17 new agreements in multiple fields, such as the construction of a land bridge linking the Kingdom and Egypt under the name of King Salman’s Bridge, establishment of a free trade zone in Sinai, and the establishment of an investment fund of 60 billion riyals. Yet another agreement was on transfer of Tiran and Sanafir Islands from the Egyptian control under the Saudis sovereignty⁴⁹.

Despite all those positive achievements, Saudi-Egyptian relations faced serious tensions concerning the Syrian political crisis. In October 2016, Egypt voted in favor of Russia’s draft resolution in the United Nations that urged the parties involved in the Syrian domestic struggle to immediately cease hostilities and to ensure the separation of the moderate Syrian opposition forces from Jabhat Fatah al-Sham (formerly al-Nusra), which was classified as terrorist, as a major priority.

Saudi Arabia, however, perceived the highest priority in the current domestic crisis as the removal of Bashar Assad. The then Saudi delegate to the United Nations, Abdullah Al-Muallami, criticized the Egyptian position and argued that it was painful that the Senegalese and Malaysian position was closer to the Arab consensual position than the position of an Arab delegate⁵⁰. Tensions did not stop only at the diplomatic

⁴⁷ Омран, С., Заид, Х. (2015). *Riyadh and Cairo look forward to the future*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alwatan.com.sa/article/268735>

⁴⁸ Alwatan (2016). *Saudi hands are open, and continuous financial support from Saudi Arabia*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alwatan.com.sa/article/297473>

⁴⁹ Омран, С., Заид, Х. (2016). *A Saudi-Egyptian investment fund of 60 billion Saudi Riyals*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alwatan.com.sa/article/297586>

⁵⁰ *Делегат Саудовской Аравии в ООН* (2016). Retrieved March 22, 2023, from <https://arabic.cnn.com/amphtml/middleeast/2016/10/09/saudi-ambassador-un-egypt-supporting-russia-resolution-syria>

level as Saudi Arabia informed Egypt, after less than one month of the Egyptian vote, that shipments of oil products expected under a \$23 billion aid deal were halted indefinitely⁵¹. In addition, the Arab army initiative that would, if implemented, further enhance the military cooperation between the two states, did not get past the phase of emotional speeches onto the one with ink on the paper⁵².

Yet, deep cooperation between the Saudis and Egyptians manifested itself again in the Qatar crisis in June 2017. Both Saudi Arabia and Egypt cut their diplomatic relations with Qatar on the same day, June 5, 2017. Tensions between Saudi Arabia and Egypt with Qatar, however, were not something new. Indeed, Saudi Arabia recalled its ambassador from Qatar on March 5, 2014. Saudi Arabia accused Qatar of not following the foundations contained in the Statute of the Cooperation Council and in the agreements signed between them, including the security agreement, and adherence to the principles that guarantee non-interference in the internal affairs of any of the GCC countries, directly or indirectly, and not supporting anyone who works to threaten the security and stability of the GCC states, whether organizations or Individuals, whether through direct security action or by attempting political influence and not supporting hostile media⁵³.

Egypt and Qatar relations however were tenser since the removal of Morsi. Thus, following Saudi Arabia, on March 6, Egypt recalled its ambassador to Qatar and accused Qatar of supporting the Muslim brotherhood⁵⁴.

However, while Saudi Arabia sent back its ambassador to Qatar after 8 months⁵⁵, Egypt and Qatar tensions did not wane even after the coming back of the Qatari ambassador to Egypt, after the Arab assembly in Sharm Sheik in 2015. When, in the same year, Egypt's permanent representative to the Arab League accused Qatar of supporting terrorism, Qatar recalled its ambassador to Egypt and the GCC countries including Saudi Arabia took the side of Qatar by describing Egyptian claims as false accusations against Qatar⁵⁶.

In 2017, however, Saudi Arabia's and Egypt's positions toward Qatar turned identical. Both Saudi Arabia and Egypt cut their diplomatic relations with Qatar

---

⁵¹ Thomson, R. (2016). *Saudi oil shipments to Egypt halted indefinitely, Egyptian officials say*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.reuters.com/article/us-egypt-saudi-oil-idUSKBN1320RQ>

⁵² Alwatannews (2015). *The Arab League postpones the meeting for approving the Joint Force*. Retrieved March 22, 2023, from <https://alwatannews.net/ampArticle/100855>

⁵³ Al-jazirah (2014). *The Kingdom, the Emirates, and Bahrain withdraw their ambassadors from the state of Qatar*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.al-jazirah.com/2014/20140306/fe19.htm>

⁵⁴ Аль-Ватан, Р.Д. (2014). *Egypt withdraws its ambassador from Qatar*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alwatanvoice.com/arabic/news/2014/03/06/504591.html>

⁵⁵ Amp. Dw (2015). *Saudi Arabia, Bahrain, and the UAE return their ambassadors to Qatar*. Retrieved March 22, 2023, from <https://amp.dw.com/ar/> (дата обращения: 22.03.2023).

⁵⁶ Alghad (2015). *Qatar withdraws its ambassador from Egypt, and the Gulf condemns Cairo's stance*. Retrieved March 22, 2023, from <https://alghad.com/>

on the same day and under the same justification. Both Saudi Arabia and Egypt accused Qatar of interfering in their internal affairs, destabilizing their domestic politics, and supporting terrorism⁵⁷.

Saudi Arabia and Egypt, with United Arab Emirates and Bahrain, constructed the Arab Quartet by emphasizing that restoring their diplomatic relations with Qatar had to fulfill the conditions that the Arab Quartet had stipulated. Saudi Arabia and Egypt asked Qatar to reduce the level of diplomatic relations with Iran and expel any element of the Revolutionary Guards present on its soil. They maintained that Qatar had to bind itself to the US sanctions imposed on Iran on its territory.

According to the conditions, Qatar also had to close the Turkish military base on its territory and cancel its military cooperation with it. The Arab Quartet stressed the importance of shutting down Al-Jazeera which was responsible, according to the Saudi Arabia and Egypt, of fomenting unrest in the region and supporting the Muslim Brotherhood. Egypt and Saudi Arabia insisted that Qatar had to cease interfering in their internal and external affairs. In the conditions, Qatar was also required to stop the naturalization of citizens of these countries and had to expel those who had previously been naturalized. Saudi Arabia and Egypt maintained that Qatar had to extradite the persons accused of terrorism who were present on Qatari soil and refrain from supporting or financing associations and organizations classified as terrorist by the four countries and the United States. Qatar also had to sever relations with the Brotherhood, Hezbollah, Al Qaeda and ISIS, including them as terrorist entities in accordance with the lists of terrorist organizations announced by the four countries and the United States. In addition, Qatar should provide detailed information related to the dissidents who were on Qatari soil and had received support from it and who are citizens of these four countries. Finally, Qatar needs to pledge to coexist in harmony with its Gulf and Arab surroundings and must pay compensation to these countries for any damage or expenses it has incurred during the past years because of its policy⁵⁸. For almost four years, Saudi Arabia and Egypt insisted that the settlement of the Qatar crisis had to be done under the Arab Quartet. Indeed, cooperation between the two states has not been altered concerning the issue although several Arab and international players aimed to diffuse the tension and act as mediators⁵⁹.

Yet, on January 5, 2021, Saudi Arabia and Egypt on the one side, and Qatar on the other, alleviated their tensions under the auspices of the GCC by signing Al Ula

---

⁵⁷ Alarabiya (2017). *Saudi Arabia announces the cutting of ties with Qatar and closes all borders*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.alarabiya.net/amp/saudi-today/2017/06/05>

⁵⁸ Арафа А. (2018). *We republish the 13 conditions of the Arab Quartet to resolve the crisis with Qatar*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.youm7.com/amp/2018/11/12>

⁵⁹ Sputnikarabic (2020). *Have the differences between the Arab Quartet and Qatar returned to square one?* Retrieved March 22, 2023, from <https://sputnikarabic.ae/2020.07.16/1046020548.html>

Accord. Saudi Arabia resumed diplomatic relations with Qatar on the same day, while Egypt resumed diplomatic relations with Qatar only on January 20⁶⁰.

Conclusion

Relying exclusively on the public statements from both Saudi and Egyptian elites, the article shows that the interaction between the two states was unstable and depended both on the nature of their domestic politics, and the ongoing situation in the Middle Eastern politics.

We would like to suggest breaking down the Egyptian-Saudi relations in 2010 into the following tentative periods:

The Arab Spring and Mubarak's regime (25 January 2011 – 11 February 2011): When the wave of the Arab Spring hit the Mubarak regime, Saudi Arabia backed Egypt of Mubarak with political, diplomatic, and economic support. Indeed, Saudi Arabia, as demonstrated in the article, was under grave concerns about the risks of the fall of Mubarak.

Saudi Arabia and revolutionary Egypt (February 2011 – 3 July 2013): Even after the fall of the Mubarak regime, in 2011, the Saudis continued to portray their approach to cooperating with the Egyptian military as "business-as-usual" even though they were suspicious both of the revolutionary climate in the Egyptian society and of the Egyptian government under the Muslim Brotherhood.

The Saudi's backing of the new Egyptian regime (July 2013 – May 2014): After the second revolution, in 2013 Saudi Arabia provided unlimited support to the new Egyptian regime which followed the Muslim brotherhood's fall. Indeed, Saudi elites have used their financial resources and influence to sustain the new regime in Egypt against, what they perceived to be, a muslim brotherhood's threat to the stability of Egypt.

Saudi Arabia and SiSi's Egypt relations (May 2014 – January 5, 2021): Saudi Arabian official discourse depicted Egypt as a potential ally against the rise of political Islam and the Muslim Brotherhood; accordingly, financial aid from Saudi Arabia increased significantly. Nonetheless, tensions, especially concerning the political situation in the Syria, surfaced. However, recent tensions between Saudi Arabia and Egypt on one hand, and Qatar, on the other hand, made Egypt and Saudi Arabia cooperate on an unprecedented level; this cooperation was unambiguously demonstrated in the official discourses of both countries. Overall, relations between Saudi Arabia and Egypt after the second Egyptian revolution, despite some disagreements – especially concerning the political situation in Syria – reached a high level of cooperation while the official discourses of the two countries present almost identical depiction of their bilateral relations.

---

⁶⁰ Swissinfo (2020). *Saudi Arabia announces the full restoration of relations between the boycotting countries and Qatar*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.swissinfo.ch/ara/afp>; Skynewsarabia (2021). *Egypt announces the resumption of diplomatic relations with Qatar, according to Sky News Arabia*. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.skynewsarabia.com/amp/middle-east/1408940>

References

1. Al-Rasheed, M. (2010). *A history of Saudi Arabia*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
2. As-Samak, A. I. (2016). *Fejsal i vneshnyaya politika Korolevstva Saudovskaya Araviya* [Faisal and the foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia] [PhD dissertation abstract, Moscow, Institute of oriental studies RAS]. Russian State Library. <https://search.rsl.ru/ru/record/01006647495> (in Russ.).
3. Dawisha, A. (1980). *Saudi Arabia's search for security*. London: International Institute for Strategic Studies.
4. Faksh, M. A. (1992). *Egypt and the Gulf crisis: the role of leadership under Mubarak*. University Press of Florida.
5. Gates, R. M. (2014). *Duty: Memoirs of a Secretary at War*. New York: Alfred A. Knopf.
6. Gerges, F. A. (1994). *The superpowers and the Middle East: Regional and international politics, 1955–1967*. Boulder: Westview Press.
7. Hunter, S. T. (2010). *Iran's foreign policy in the post-Soviet era: resisting the new international order*. Santa Barbara, Calif.: Praeger.
8. Kemp, G. (1998). The Persian Gulf remains the strategic prize. *Survival*, 40(4), pp. 132–149. <https://doi.org/10.1080/713660016>
9. Kerr, M. H. (1967). *The Arab Cold War, 1958–1967; a study of ideology in politics*. London; New York: Issued under the auspices of the Royal Institute of International Affairs by Oxford U.P.
10. Khairullin, T. R. (2019). *Islamistskie proekty kak instrument bor'by za liderstvo v arabskom regione* [Islamist projects as a tool of struggle for leadership in the Arab region] [PhD dissertation, Institute for African Studies RAS]. Russian State Library. <https://search.rsl.ru/ru/record/01009911301> (in Russ.).
11. Mansfield, P. (2019). *A history of the Middle East* (5th ed.). New York: Penguin Books Ltd.
12. Murphy, C. (2011, February 14). *Fall of Mubarak deprives Saudi Arabia of closest local ally*. Retrieved October 10, 2023, from <https://www.thenationalnews.com/world/mena/fall-of-mubarak-deprives-saudi-arabia-of-closest-local-ally-1.383239>
13. Mūsá, ‘Amr. (2017). *Kitābīyah*. al-Qāhirah: Dār al-Shurūq.

Информация об авторах

Дмитрий Иванович Победаш, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1340-2637>, e-mail: Dmitry.Pobedash@urfu.ru

Ахмед Халфа, аспирант Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5389-2303>, e-mail: Ahmedkhalifa94@gmail.com

Information about the authors

Dmitry Ivanovich Pobedash, Candidate of Historical Sciences, associated professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1340-2637>, e-mail: Dmitry.Pobedash@urfu.ru

Ahmed Khalfa, graduate student of the Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5389-2303>, e-mail: Ahmedkhalfa94@gmail.com

---

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВОЙ ПАРТИСИПАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Софья Борисовна Абрамова,

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
s.b.abramova@urfu.ru

Наталья Леонидовна Антонова,

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
n.l.antonova@urfu.ru

Получена 13.07.2023.

Поступила после рецензирования 27.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Реализация функций гражданского общества в цифровой партисипации молодежи // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 152–171. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_152

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей реализации функций гражданского общества в условиях перехода гражданского активизма в цифровые формы и раз-

© Абрамова С. Б., Антонова Н. Л., 2024

вития партисипаторных моделей взаимодействия общества и власти. По мнению авторов, цифровые технологии создают принципиально новые возможности в обеспечении диалога власти и общества, а также позволяют преодолеть политический и гражданский абсентеизм современной молодежи. В статье приводится авторская классификация функций гражданского общества, актуализированных в онлайн-активизме: выделены солидаризирующая, социализирующая, посредническая, мониторинговая, артикулирующая и мобилизационная функции. Реализация функций гражданского общества в онлайн активизме рассматривается на результатах социологического опроса 1150 респондентов – молодежи Свердловской области в возрасте 14-25 лет, представителей поколения «цифровых аборигенов». По результатам опроса осуществлен анализ каждой функции: оценка молодежью возможностей цифровой партисипации в реализации этих функций, присутствие данных функций в структуре мотивации участия в гражданском активизме, реализация в реальных практиках цифрового активизма. Сделаны выводы о высокой актуальности каждой из выделенных функций гражданского общества, о возможности их реализации с использованием цифровых технологий. Установлено, что молодежь высоко оценивает результативность онлайн-проектов, включается в различные по интенсивности и направленности формы цифровой партисипации и формирования общественной повестки. Исследование позволило определить перспективы изучения цифрового активизма в контексте цифровых практик взаимодействия молодежи с властью, роли социальных медиа в коммуникации органов власти и населения и др. Значимость работы связана с выделением актуализированных функций гражданского общества, расширением научных представлений о цифровой партисипаторной культуре молодежи и ее роли в развитии гражданского общества, с определением перспективных направлений молодежной политики в вопросах со-участия и цифрового гражданства, а также с возможностью использования результатов исследования в осуществлении, поддержке и продвижении молодежных проектов и просветительских программ в сфере цифрового активизма.

Ключевые слова:

функции гражданского общества, цифровая партисипация, гражданская активность, молодежь, цифровизация

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-2026, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>

FUNCTIONS OF CIVIL SOCIETY PERFORMED IN DIGITAL PARTICIPATION OF YOUNG PEOPLE

Sofya B. Abramova,

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
s.b.abramova@urfu.ru

Natalya L. Antonova,

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
n.l.antonova@urfu.ru

Received 13.07.2023.

Revised 27.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Abramova, S. B., Antonova, N. L. (2024). Functions of civil society performed in digital participation of young people. *Discourse-P*, 21(1), 152–171. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_152

Abstract

The article studies how civil society performs its functions while civic activism is transiting to digital forms and how different participatory models of interaction between society and government are developed. According to the authors, digital technologies create fundamentally new opportunities in ensuring a dialogue between authorities and society, and also support young people to overcome their political and civil absenteeism. The article provides the author's classification of functions that civil society actualize in online activism: in particular, such functions as solidarizing, socializing, mediating, monitoring, articulating and mobilizing are highlighted. The way how civil society performs its functions in online activism is examined based on results of the sociological survey with 1,150 young respondents from the Sverdlovsk region, all being 14-25 years old and representing *the digital natives'* generation. An analysis of each function was carried out: how these young people assess possibilities of digital participation, if these functions are part of their motivation for participating in civic activism, how these functions are implemented in real practices of digital activism. Then conclusions are drawn concerning the level of relevance for each of the highlighted functions of civil society and possibilities of their implementation via digital technologies. Finally, young people appeared to highly appreciate effectiveness of online projects, they are involved in various forms of digital participation and public agenda formation. Our research determined certain prospects for studying digital activism in the context of digital practices of interaction between

youth and authorities, the role of social media in communication between authorities and the public, etc. Our work proved to be significant for identifying updates in functions performed by civil society, expanding scientific ideas concerning digital participatory culture of youth and its role in civil society development. It is also promising in identifying new areas of youth policy regarding co-participation and digital citizenship. Our research results can be applied for supporting and promoting projects and educational programs in the field of digital activism associated with young people.

Keywords:

functions of civil society, digital participation, civic engagement, youth, digitalization

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>

Введение

Развитие гражданского общества выступает одним из ключевых условий эффективного функционирования социальных систем, нацеленных на удовлетворение потребностей и интересов людей, повышения качества их жизни и благополучия. Цифровые технологии создают новые возможности участия граждан в различных сферах общественной жизни посредством использования Интернет, социальных сетей и медиа, мобильных приложений. Цифровая активность формирует особое пространство соучастия, наделенного актуальными смыслами, целями и ценностями, меняя логику социальных отношений и взаимодействий между индивидом и властью.

Цифровое участие/соучастие (digital participation) последние десятилетия все чаще становится предметом специального социогуманитарного осмысления. Наблюдается рост публикационной активности как российских (Баранов, 2020; Гришаева, Шамаев, 2022; Пырма, 2019), так и зарубежных (Oser et al., 2022; Park et al., 2023; Purdy, 2017) исследователей, включающих в поле анализа цифровое вовлечение и активность граждан в политической сфере. Формируется особая культура участия/соучастия (партиципаторная культура): генерация идей, контроль за результатами, реализация проектов, обратная связь и пр. Цифровая среда, с одной стороны, становится площадкой заявления гражданской позиции и проявления социального активизма, и, с другой стороны, выступает местом установления эффективных коммуникативных связей между гражданами и представителями властных структур. Цифровая среда создает новую для молодого поколения реальность (Антонова и др., 2022).

Активное, ответственное и эффективное использование цифровых коммуникаций во взаимодействии с властью позволяет, во-первых, преодолеть кризис

отношений между гражданами и агентами – носителями властных отношений – через создание различных интернет-сервисов, обеспечивающих конструктивный диалог; во-вторых, максимизировать возможности цифровой среды для личностного развития и утверждения гражданской идентичности.

Вовлеченность в новые практики цифрового участия/соучастия демонстрирует, прежде всего, поколение «цифровых аборигенов» (Prensky, 2001). А. Ю. Домбровская пришла к выводу о том, что молодежь проявляет высокий интерес «к установлению широкого публичного онлайн-диалога о социальных, правовых и прочих аспектах развития российского общества» (Домбровская, 2020, с. 57). Исследователи отмечают и заинтересованность молодого поколения политической повесткой (Трынов, 2019; Огородов, 2020), что служит развенчанию мифа об абсентеизме современной молодежи. Полагаем, что актуальным становится самоопределение молодым поколением практик, реализуемых в цифровой среде с позиций гражданской активности/пассивности и реализации функций гражданского общества как фактора и условия выражения цифровой гражданственности.

Цель исследования – выявление, классификация и характеристика базовых функций гражданского общества, реализуемых молодым поколением через цифровую партисипацию. Для достижения цели выдвигались следующие задачи: во-первых, – рассмотреть классификацию базовых функций гражданского общества, имеющих актуализированное значение в современных условиях; во-вторых, – определить, какие из данных функций, согласно установкам молодежи, могут быть эффективно реализованы в рамках цифровых моделей гражданского активизма; в-третьих, – в мотивационной структуре гражданской активности молодежи выявить присутствие мотивов, основанных на реализации функций гражданского общества; в-четвертых, зафиксировать формы цифрового активизма, используемые молодежью и позволяющие реализовать функции гражданского общества.

Основным методом исследования выступил опрос молодежи Свердловской области (использовалось сочетание онлайн-опроса и раздаточного анкетирования), проведенный в августе-сентябре 2022 г. Возрастные границы объекта составили 14-25 лет и определены рамками поколения «цифровых аборигенов»: это поколение, которое родилось в период с 1995 по 2010 гг., воспринимает цифровой мир как повседневность, выросло в окружении цифровых технологий, их возможности доступа к неограниченному объему информации больше, чем у любого другого поколения (Agárdi, Alt 2022). Молодежь рассматривается как социальная группа с высоким гражданским потенциалом, как один из основных субъектов социальных трансформаций и одновременно реализации функций гражданского общества (Тихонина, Симонова, 2022). Потенциальная чувствительность тематики опроса потребовала дополнительного контроля за обеспечением анонимности участия, сбалансированности шкал, отсутствия давления в формулировке вопросов и других методических процедур.

Всего было опрошено 1150 человек из категорий учащейся и работающей молодежи Свердловской области: Екатеринбург (61 %), больших и средних горо-

дов (10%) и малых городов (29%). При осуществлении выборки был использован квотный отбор по следующим категориям: пол (43% составили респонденты мужского пола, 57% – женского пола), возраст (сегменты по возрасту: 14–17 лет (45%), 18–22 года (44%), 23–25 (11%)), род занятости и тип населенного пункта. По роду занятости структура опрошенных включает школьников 8-11 классов (14%), учащихся учреждений начального профессионального образования (4%), учащихся учреждений среднего профессионального образования (34%), студентов высших учебных заведений (38%), работающую молодежь (10%). Среди учащейся молодежи 57% респондентов учатся на дневной форме обучения и не работают, 20% учатся на дневной форме и работают. Учащаяся молодежь получает образование по направлениям гуманитарного (23%), социально-политического и экономического (21%), технического и математического (44%), естественнонаучного (5%) и медицинского (7%) профилей.

Результаты исследования

На основании анализа современного академического дискурса, посвященного определению функций гражданского общества (Коэн, Арато, 2003; Рябев, 2013; Sharma, 2015), нами были выделены шесть ключевых функций: солидаризирующая, социализирующая, мобилизационная, мониторинговая, посредническая и артикулирующая. Далее все функции будут рассмотрены в контексте оценки молодежью возможностей цифровой партисипации в реализации этих функций гражданского общества, а также значимости для самой молодежи данных функций как побудительного мотива для участия в гражданском активизме (см. Таблица 1).

Солидаризирующая функция

Основополагающая функция гражданского общества связана с развитием горизонтальных отношений (Зырянов, Лукин, 2017), что приводит к усложнению социальной структуры в результате учета интересов различных групп населения. Объединяясь по общим интересам, граждане вырабатывают консолидированную позицию внутри группы, выражают ее во взаимодействии с другими субъектами, в свою очередь власти ориентируются на это мнение. При этом группы учатся жить вместе, поддерживать доверие, а также обладают потенциалом интеграции и роста межгрупповой сплоченности с целью достижения солидаризации, противостояния деструктивным процессам (например, терроризму, экстремизму или коррупции).

Сегодня в России мнение о том, доверяют ли друг другу жители страны, неоднозначно: в исследовании ВЦИОМ россияне разделились примерно поровну (48% с разной степенью определенности ответили утвердительно, 44% – отрицательно)¹. Опрошенная нами молодежь видит потенциал реализации

¹ *Нужно доверять друг другу! Или нет?* (2023, 29 июня). Взято 03 июля 2023, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-doverjat-drug-drugu-ili-net>

Таблица 1 – Функции гражданского общества, которые могут быть эффективно реализованы в цифровом активизме (составлено авторами на основании результатов опроса)
Table 1 – Functions of civil society that can be effectively implemented in digital activism (compiled by the authors based on the survey results)

Функции	Индикаторы	% от опрошенных
Солидаризирующая: развитие горизонтальных связей и сплоченности	Содействовать росту сплоченности жителей города, объединять единомышленников	34,1 %
	Содействовать реализации гражданских прав и свобод	18,5 %
Социализирующая: формирование качеств гражданина	Влиять на личностное, гражданское и нравственное развитие граждан	22,5 %
	Способствовать инновационному творчеству жителей	20,4 %
Посредническая: формирование устойчивых каналов взаимодействия с властью	Обсуждать, организовывать диалог жителей и власти	39,8 %
	Информировать жителей о состоянии дел, проблемах города и их решении	38,2 %
	Координировать, согласовывать действия различных участников городской жизни (жителей, властей, активистов, СМИ и др.)	24,5 %
Артикулирующая: выражение мнения, формирование повестки обсуждения	Предлагать темы для публичного обсуждения, ставить задачи для власти	48,4 %
	Планировать развитие городской жизни, совместно строить планы развития	34,8 %
Мобилизационная: гражданское участие	Привлекать граждан к решению разных социальных задач	41,4 %
	Повышать удовлетворенность населения участием в социально-политических решениях	26,0 %
	Повышать гражданскую активность населения, формировать культуру гражданского участия	29,4 %

солидаризирующей функции в использовании цифровых технологий: 34,1 % полагают, что цифровой активизм содействует росту сплоченности жителей, объединяет людей со схожими интересами, 18,5 % указывают на возможности реализации гражданских прав через онлайн-активизм.

Молодые люди включены в поле информационно-коммуникативных технологий для выстраивания горизонтальных связей: в течение последнего года 78,4 % активно общались в социальных сетях, 55 % познакомились с новыми людьми через Интернет, 43,8 % поддерживали других людей в интернет-голосованиях, 30,3% искали напарников, попутчиков, компаньонов для решения различных задач, 15 % размещали объявления в сервисах бесплатного обмена вещами.

Непосредственное участие в гражданских проектах и инициативах способно значительно усиливать солидаризирующую функцию: самый распространенный ответ на вопрос, что дает участие в таких акциях, связан с общением с интересными людьми и появлением новых друзей (61%). Каждый второй опрошенный ценит в гражданском активизме возможности совместного улучшения жизни в своем городе и стране, а каждый четвертый выразил желание быть сопричастным к общему делу.

Социализирующая функция

Институты гражданского общества, наряду с другими агентами социализации, ориентированы на формирование ценностей справедливости, ответственности, общественной активности². Эти ценности связаны с появлением соответствующих нравственных норм, с их правовым закреплением, с повседневными практиками, с задачами воспитательных и образовательных программ и т.д. Это способствует интеграционным процессам в обществе и обеспечивает достижение целей устойчивого развития. Формирование гражданственности основано на осознании личных качеств, прав, заинтересованности в поддержании культуры согласия и демократических институтов. По мнению Ф. Тухайза³, в периоды системных трансформаций значение данной функции гражданского общества возрастает в связи с необходимостью углублять ценности и механизмы доверия (между различными субъектами, в том числе между индивидом и властью), сопричастности, ведения диалога, разрешения конфликтов.

Оценивая возможности цифровой партисипации, 22,5% молодежи Свердловской области полагают, что она влияет на личностное, гражданское и нравственное развитие человека. Особое значение в реализации молодежной политики в Российской Федерации придается развитию и поддержке молодежных инициатив⁴, и 20,4% участников проекта видят в цифровых моделях гражданского активизма возможности для проявления инновационного творчества граждан. Следует отметить, что реализация данной функции учитывается

---

² Мерсиянова, И. В. (2018). *Гражданское общество: понятие и функции*. Взято 03 июля 2023, с <https://www.hse.ru/data/2016/10/20/1107833772/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE.%20%D0%9F%D0%BE%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%20%D1%84%D1%83%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf>

³ Tuhaise, F. *The Functions of and Opportunities for Civil Society in Peacebuilding in Developing Countries*. Retrieved July 08, 2023, from <https://www.beyondintractability.org/library/functions-civil-society-peacebuilding-and-available-opportunities-civil-society-perform-these>

⁴ *О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2020 года (№ 489-ФЗ)*. Взято 04 июля 2023, с <https://rg.ru/documents/2021/01/11/molodez-dok.html>

и в Национальном проекте «Цифровая экономика»⁵: расширение доступа к Интернет расценивается как механизм преодоления цифрового неравенства и получение равного доступа граждан России к информации, образовательным ресурсам и т. п.

Важным положительным следствием участия молодежи в реализации гражданских проектов выступает получение новых знаний, опыта. Это указывают 52,8 % опрошенных, при этом 42 % участников опроса относят себя к общественно-активным гражданам, и для каждого пятого гражданская активность является инструментом, позволяющим исполнить гражданский и нравственный долг.

Реальные практики в рамках социализирующей функции, пожалуй, одни из самых сложно выделяемых в структуре различной деятельности молодежи, поскольку они изначально включены в разные направления социальной жизни. Отметим, что 68,7 % опрошенных ищут в Интернет познавательную и интересную для себя информацию, 66,5 % читают новости, газеты и журналы онлайн.

Посредническая функция

Данная функция гражданского общества направлена на формирование удобных и эффективных каналов коммуникации субъектов общественно-политической жизни. Структура субъектов цифровой партисипации включает в себя правительство, органы местного самоуправления, благотворительные и общественные организации, государственные и муниципальные учреждения, бизнес, СМИ, граждан, лидеров общественного мнения, инфлюенсеров в сети Интернет, онлайн-сообщества, предприятия сферы ИКТ и т.д. (Абрамова, 2022), но наибольшее значение и интерес представляют механизмы взаимодействия граждан с властью.

Цифровые технологии могут быть эффективно использованы для реализации функции взаимодействия общества и власти: 39,8 % опрошенной молодежи видят их потенциал в обсуждении значимых социальных тем через диалог жителей и власти, 38,2 % акцентируют внимание на возможности усиления информирования граждан о состоянии дел в регионе, проблемных точках и усилиях властных структур по их решению. Каждый четвертый молодой гражданин высоко оценивает потенциал и эффективность решения задачи координации действий различных участников городской жизни посредством цифровых ресурсов и площадок.

31,7 % опрошенных идут в гражданский активизм, чтобы получить опыт общественно-политической деятельности. Почти для половины (47,2 %) важно завязать полезные знакомства в различных структурах, приобрести связи с влиятельными людьми. Таким образом проявляются процессы сетевизации политики (Михайленок, Назаренко, 2021), новые принципы социально-политической коммуникации, связанные с изменчивостью, ситуативностью, децентрализацией и др.

---

⁵ *Цифровая экономика: Национальный проект*. Взято 02 июля 2023, с <https://xn--80aараратемсчfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika>

Однако нельзя сказать, что оценка влияния развития цифровых форм партисипации расценивается как однозначный «прорыв» в повышении качества коммуникации. В наибольшей степени молодежью (61,6%) поддерживается идея, что онлайн-активизм вынуждает руководство региона быть более открытым как на этапе принятия решений, так и при учете обратной связи с населением. 48,8% видят рост внимания властей к мнению населения в результате развития цифрового участия; 42,7% согласны, что происходит рост доверия населения к государственным структурам как следствие использования цифровых технологий в гражданской активности. Следовательно, можно говорить о том, что в коммуникации власти и граждан начинает складываться позитивная тенденция в сфере открытости власти и учета общественного мнения в управленческих решениях. Однако заметим, что чем больше размер населенного пункта проживания респондентов, тем несколько ниже доля дающих позитивные оценки изменениям в коммуникации с властью.

Таблица 2 – Доля согласившихся с утверждениями о влиянии онлайн-активизма на взаимодействие общества и власти в зависимости от типа населенного пункта (составлено авторами по результатам опроса)

Table 2 – Percentage of those who agreed with the statements about the impact of online activism on the interaction between society and government, depending on the type of locality (compiled by the authors based on the results of the survey)

	Мегаполис	Большие и средние города	Малые города
Онлайн активизм создает необходимость более открытого и прозрачного принятия решений властями и активной обратной связи	59,6%	61,7%	65,6%
Развитие онлайн активизма граждан приводит к тому, что региональные власти становятся более отзывчивыми и чаще прислушиваются к мнению жителей	46,6%	51,3%	52,5%
Онлайн активизм приводит к повышению уровня доверия населения государственным учреждениям и их решениям	39,5%	44,3%	48,7%

Мониторинговая функция

Гражданское общество выступает как важный источник потенциального сопротивления произволу правителей (Шмиттер, 1996), сдерживания чрезмерного вмешательства государства в деятельность общественных институтов и осуществления общественного контроля над действиями государственных или местных властных структур. С одной стороны, это способствует установлению баланса между государственным воздействием и самоорганизацией граждан, а с другой – дает возможность использовать компетентностные, временные и иные ресурсы граждан для повышения взвешенности и эффективности управленческих решений.

Значимое число авторов выделяют содержательно близкую функцию, определяя ее как гражданский контроль (Антошин, Ершов, 2018). Однако многие современные работы используют понятия мониторинга деятельности правительства, подчеркивая рост разнообразия механизмов контроля и наблюдения за властью, в том числе с использованием цифровых технологий. Это дало основание Дж. Кину (Keane, 2011) ввести понятие «наблюдательной демократии» для описания новой и более качественной модели влияния мнения граждан на оценку деятельности власти и принятие решений.

Сегодня в российском обществе представлен развернутый опыт вовлечения граждан в партисипаторные модели гражданского мониторинга в различных сферах: партисипаторное образование, рейтинговое голосование, инициативное бюджетирование, партисипаторное управление, соучаствующее проектирование, стандарты вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды и др.

Цифровые модели активизма, по мнению участников проекта, могут способствовать реализации мониторинговой функции: 25,9% видят возможности прямого контроля за принятием и реализацией решений властями различного уровня, 24,7% полагают, что через цифровые технологии открывается возможность снижения зависимости общества от власти, государства и официальных СМИ.

Осуществляя мониторинг власти, 27% опрошенных анализируют разные виды открытых данных по социально-значимым вопросам; 45% молодежи являются посетителями сайтов государственных органов, учреждений, используют их для получения информации об их деятельности. Однако в структуре сообществ, на которые респонденты подписаны в социальных сетях, общественные организации и политические структуры находятся не на лидирующих позициях: только 17% подписаны на конкретных политических деятелей, 11% – на органы власти (правительство, администрацию города, мэра и т. д.), 6% – на политические партии и движения, 16% – на общественных и гражданских активистов. При этом для 13,3% опрошенных ведущим мотивом участия в гражданском активизме является желание оказать давление на власть.

Сегодня появляется особый вид гражданского цифрового контроля, связанный с опубликованием отзывов и выставлением рейтинговых оценок с использованием цифровых платформ с агрегаторами; 38% опрошенных оставляют отзывы, формируя новые практики распространенного доверия, когда отношение к товару, услуге, человеку или организации складывается на основании рейтингования множеством незнакомых людей. При этом каждый испытывает доверие к рейтингу, поскольку сам принимает участие и понимает принципы его формирования. По мнению А. Аузана, этот механизм (развитие интернет-приемных, присутствии органов власти в социальных сетях, возможности обращений граждан в интерактивных картах) заставляет целые правительства действовать определенным образом и одновременно самим попадать под рейтингование (Аузан, 2022). Например, сервис Яндекс карты позволяет оставить отзыв на администрацию / правительство любого города также как на музей или ресторан.

Конечно, в отношении властных структур данный механизм гораздо менее распространен: например, на Администрацию Екатеринбурга оставлено 143 отзыва, Правительство Москвы – 754, Правительство Санкт-Петербурга – 173⁶, и сервис не позволяет увидеть среднюю оценку (в отличие от других организаций), однако перспективы его дальнейшего развития не вызывают сомнения, хотя и требуют дополнительного исследования.

Артикулирующая функция

Ключевым моментом гражданского общества выступает его задача аккумуляции и артикулирования позиции групп граждан по определенным социально-значимым вопросам, а также по темам, затрагивающим создание благоприятных условий для удовлетворения потребностей и защиты частных интересов индивидов. Именно здесь формируется общественное мнение, выстраиваются механизмы его взаимодействия с властью, что определяет меру его реальной включенности в принятие политических решений. Согласно позиции Д. Гавры, определяющим является тип отношения институтов власти к общественному мнению и предоставленные властями нормативные возможности для учета общественного мнения (Гавра, 1998). Однако развитие цифровой партисипации способствует выравниванию значимости и активизации роли общественного мнения. По мнению Б. Каомы, директора SDSN (сеть организаций для выработки решений, способствующих устойчивому развитию при Организации Объединенных Наций) по работе с молодежью, в настоящее время молодые люди используют свои голоса, таланты и влияние, чтобы требовать перемен в своих сообществах⁷. Сегодня активизм отличается от того, что был в 1980-х годах, поскольку стало намного проще сотрудничать на разных цифровых платформах, поднимая более широкий круг вопросов, представляющих общий интерес.

Самый большой показатель (48,4%) по реализации функций гражданского общества через цифровой активизм в нашем исследовании набрало мнение о росте возможности предлагать темы для публичного обсуждения, ставить задачи для власти. Т. Паффенхольц и К. Спурк обозначают эту функцию как определение повестки дня и акцентируют внимание на возможностях альтернативных актуальных повесток и альтернативных решений, развертываемых в онлайн-сообществах (Paffenholz, Spurk, 2010). Молодые жители готовы к диалогу с властью: они видят потенциал использования цифрового участия для планирования развития городов проживания и совместного обсуждения планов с местными властями.

Закономерно, что в тройку лидеров по мотивации участия в гражданском активизме входит стремление молодежи продвигать свои идеи, предлагать их для реализации (50,3% опрошенных). Более того, каждый третий молодой человек готов сделать сами гражданские инициативы своим любимым делом,

⁶ Сервис Яндекс-карты. По состоянию на 01.07.2023.

⁷ *Интервью с Брайтоном Каомой, глобальным директором SDSN по работе с молодежью.* Взято 04 июля 2023, с <https://www.un.org/ru/206062>

относиться к ним как к хобби, которое требует популяризации и развития. Многие молодые люди уже включены в практики формирования общественной повестки: 23,5% выражают свое мнение по общественным проблемам в виде комментариев в социальных сетях, 11,5% создают свой собственный контент по социально-значимым проблемам, 20,6% участвуют в убеждении других людей через участие в дискуссиях, аргументацию своей позиции в социальных сетях, 8,7% выступают организаторами групп поддержки и создают цифровые гражданские проекты, 7,1% инициируют темы, связанные с социальными проблемами, для обсуждения на форумах.

Мобилизационная функция

Здесь происходит мотивация, включение и повышение интенсивности гражданской активности населения, развитие различных форм участия, расширение содержательных и территориальных границ активизма. Эта функция может рассматриваться как системообразующая, включающая в себя аспекты всех вышеперечисленных функций и закрепляющая социальную активность на внутриличностном, внутригрупповом и межгрупповом уровнях. Можно рассматривать мобилизационную функцию в контексте посредничества и содействия, когда формальные или неформальные инициативы граждан выступают в поддержку преодоления актуальных проблем и, как правило, выстраивают/инициируют диалог с иными социальными субъектами в процессе выработки и реализации решений.

Мобилизационная функция может достаточно успешно поддерживаться при помощи онлайн-активизма. 41,1% опрошенных видят возможности привлекать граждан к решению различных социальных задач при помощи цифровых технологий. Согласны с тем, что цифровизация общества приводит к повышению гражданской активности населения и способствует формированию культуры гражданского участия 29,4%. Как результат, каждый четвертый молодой респондент соглашается, что цифровые практики активизма способствуют повышению удовлетворенности своим участием в социально-политических решениях.

Именно активная помощь окружающим становится ведущим мотивом включения в гражданский активизм для 40% опрошенных. Каждый третий признает, что стремится к деятельной защите своих прав. Молодежь включается в реальные практики цифровой партисипации: 41,8% отдают свои голоса на сайтах за городские проекты, 32% голосуют на новостийных сайтах, 22,3% подписывают петиции, 20,8% включены в онлайн-благотворительность, 11,6% обращаются с письмами / жалобами в органы власти.

Заключение

Традиционный институт гражданского общества серьезно изменяется под влиянием цифровизации общества. В этой ситуации функции гражданского общества, сохраняя общую сумму решаемых задач, переструктурируются содержательно и предлагают новые онлайн механизмы включения граждан в про-

цессы социально-политического участия. В ходе проекта были выделены шесть ведущих функций, которые в настоящее время, по нашему мнению, формируют ядро гражданского общества и актуализированы в контексте цифровизации российского общества.

Цифровые технологии способствуют формированию нового типа гражданина («умного гражданина») и гражданства («цифрового гражданства», «цифровой демократии»), но при этом создают предпосылки для «цифрового тоталитаризма» (Володенков, Федорченко, 2022) в виде усиления слежки со стороны государства и цифрового неравенства как препятствия цифровой партисипации граждан. Признавая, что дискуссия о влиянии цифровизации на развитие традиционных институтов общества является открытой, что цифровые технологии приносят в социальные практики в целом и в гражданское участие в частности как позитивные, так и негативные эффекты, создавая новые множественные формы и одновременно риски цифровой партисипации, в данном исследовании мы делаем акцент на определении тех потенциальных возможностей, которые связывает молодежь российского региона с реализацией функций гражданского общества посредством онлайн-активизма.

80 % опрошенной молодежи признают, что большинство задач гражданского общества можно эффективно реализовать именно в цифровом участии. Из тех участников опроса, кто отслеживал результаты тех проектов, в которых участвовал, 70 % считают их результативными. Наличие успешных случаев, когда гражданское общество выполнило свои функции, дает ориентир другим группам для развития своей активности, создает базу проектов для анализа эффективности различных стратегий и избегания ошибок, формирует ядро активистов, убежденных в действенности цифровых форм гражданского участия.

Подтверждение признания цифровой партисипации в качестве нового действенного механизма реализации функций гражданского общества приходит и со стороны Общественной палаты Российской Федерации: в докладе за 2021 г. сетевые сообщества указываются как новые институты гражданского общества, признается их возрастающее влияние в условиях цифровой модернизации. При этом отмечается отставание законодательства в сфере регулирования правовых отношений между сетевыми сообществами и государством, сетевыми сообществами и отдельными гражданами, а также отставание в уровне цифровизации НКО и других организаций, работающих в сфере гражданского общества и не отвечающих на данный момент ожиданиям граждан⁸.

Все выделенные функции гражданского общества включены в молодежные практики активизма: каждая функция присутствует на уровне деятельности, осуществляемой в сети интернет, а также становится мотиватором для вовлечения молодежи в реальные практики гражданского активизма. Более выражено

⁸ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год. (2021). Москва: Обществ. палата Рос. Федерации. Взято 03 июля 2023, с <http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2022/01/oprf2021.pdf>

в реальных практиках представлены солидаризирующая, посредническая и артикулирующая функции. По мнению молодежи, цифровые формы гражданской активности в наибольшей мере способствуют реализации посреднической, мобилизационной и артикулирующей функций, однако еще раз отметим, что потенциал и всех остальных функций расценивается как более высокий при использовании цифровой партисипации.

Как фиксируют аналитики Общественной палаты Российской Федерации⁹ с опорой на исследования различных компаний, наблюдается растущее в течение года доверие граждан как к основным политическим институтам страны, так и к общественным институтам. Растущее национальное доверие к организациям гражданского общества является предпосылкой для усиления всех функций гражданского общества, в том числе рассмотренных в данном исследовании.

Исследование показало высокий цифровой потенциал молодежи как субъекта реализации функций гражданского общества. Именно «обычная», «средняя» молодежь сегодня наиболее слабо затрагивается государственной молодежной политикой (Пашинина и др., 2022), которая может быть направлена, с одной стороны, на создание новых механизмов и благоприятной среды, в которой молодые граждане смогут добиваться успеха в различных направлениях деятельности, в том числе беспрепятственно со-участвовать в политических процессах и гражданских инициативах, а с другой – на продвижение культуры со-участия в молодежную среду, развитие навыков цифрового гражданства и формирования гражданской идентичности молодежи.

Таким образом, теоретическая значимость проведенного исследования связана с выделением актуализированных функций гражданского общества, которые в настоящее время расцениваются молодым поколением как обладающие наибольшим потенциалом при использовании цифровых технологий в гражданском активизме, а также включены в реальные практики и мотивы участия молодежи в цифровой партисипации. Это позволит расширить научные представления социогуманитарного сообщества о цифровой партисипаторной культуре молодого поколения и его роли в развитии гражданского общества. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности молодежных организаций и общественных движений, а также в планировании и осуществлении молодежных проектов при поддержке муниципальных, региональных и федеральных органов власти, в продвижении молодежных инициатив средствами массовой информации, при разработке образовательных и просветительских проектов в сфере молодежного гражданского активизма и цифровых моделей партисипации.

Перспективными направлениями дальнейшего исследования цифровой партисипации в контексте реализации функций и развития гражданского общества в России представляется изучение цифровых практик взаимодействия

---

¹¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2022 год. (2022). Взято 03 июля 2023, с <https://report2022.oprf.ru/ru-RU/patriotic-consensus.html#trust-as-a-factor-in-public-life>

молодежи с властью, сравнительный анализ данных с результатами международных исследований по близкой тематике для выделения российских и мировых трендов влияния цифровизации на модели гражданского участия, изучение роли социальных медиа в коммуникации органов власти и населения, в том числе активности органов исполнительной власти федерального и регионального уровня в социальных сетях.

Список литературы

1. Абрамова, С. Б. (2022). Цифровая партисипация: концептуализация понятия в зарубежной практике гражданской активности. *Цифровая социология*, 5(4), 4–14. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-4-14>
2. Антонова, Н. Л., Абрамова, С. Б., Хафизова, В. Р. (2022). Участие молодежи в жизни города: репрезентация практик в цифровой среде. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 22(3), 76–83. <https://doi.org/10.14529/ssh220310>
3. Антошин, В. А., Ершов, Ю. Г. (2018). Общественный (гражданский) контроль как функция гражданского общества. *Социум и власть*, (1), 18–24.
4. Аузан, А. А. (2022). *Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа*. Москва: АСТ.
5. Баранов, Н. А. (2020). Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (3), 66–72. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072>
6. Володенков, С. В., Федорченко, С. Н. (2022). Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации. *Дискурс-Пи*, 19(1), 84–103. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84
7. Гавра, Д. П. (1998). Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1(4), 53–77.
8. Гришаева, С. А., Шамаев, П. А. (2022). Политическое участие молодежи в цифровой среде. *Цифровая социология*, 5(1), 25–35. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35>
9. Домбровская, А. Ю. (2020). Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования). *Власть*, 28(2), 51–58. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134>
10. Зырянов, С. Г., Лукин, А. Н. (2017). Основные функции гражданского общества: теоретический аспект. *Социум и власть*, (2), 15–20.
11. Коэн, Д. Л., Арато, Э. (2003). *Гражданское общество и политическая теория*. Москва: Весь Мир.
12. Михайленок, О. М., Назаренко, А. В. (Отв. ред.). (2021). *Сетевизация политических отношений в условиях новой реальности*. Москва: Федерал. науч.-

исслед. социолог. центр РАН. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-371-3.2021>

13. Огородов, Д. А. (2020). Запрос на политическое участие, или миф о политическом абсентеизме молодежи (по данным социологического исследования). *Вестник РМАТ*, (3), 26–33.

14. Пашина, Е. И., Кныжова, З., Суслов, И. В., Бабаян, И. В. (2022). Предметное поле российской молодежной политики. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*, (2), 74–94. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.2.6>

15. Пырма, Р. В. (2019). Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 9(4), 63–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>

16. Рябев, В. В. (2013). Функции гражданского общества в условиях современной российской модернизации. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, (10). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-10-6>

17. Тихонина, С. А., Симонова, М. О. (2022). Представление студенческой молодежи о жизненном успехе: опыт социологического исследования. *Вестник экономики, права и социологии*, (2), 134–138.

18. Трынов, Д. В. (2019). Политическое участие молодежи: поддержка vs протест. *Социодинамика*, (12), 298–314. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.12.31195>

19. Шмиттер, Ф. (1996). Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. *Полис. Политические исследования*, (5), 16–27.

20. Agárdi, I., & Alt, M. (2022). Do digital natives use mobile payment differently than digital immigrants? A comparative study between generation X and Z. *Electron Commer Res*. <https://doi.org/10.1007/s10660-022-09537-9>

21. Keane, J. (2011). Monitory democracy? In S. Alonso, J. Keane, & W. Merkel (Eds.), *The Future of Representative Democracy* (pp. 212–235). Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511770883.010>

22. Oser, J., Grinson, A., Boulianne, S., & Halperin, E. (2022). How political efficacy relates to online and offline political participation: A multi-level meta-analysis. *Political Communication*, 39(5), 607–633. <https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2086329>

23. Paffenholz, Th., & Spurk, Ch. (2010). A comprehensive Analytical Framework. In Th. Paffenholz (Ed.), *Civil Society and Peacebuilding: A critical assessment* (pp. 65–78). Boulder: Lynne Rienner.

24. Park, S., Lee, J.Y., Notley, T., & Dezuanni, M. (2023). Exploring the relationship between media literacy, online interaction, and civic engagement. *Information Society*, 39(4), 250–261. <https://doi.org/10.1080/01972243.2023.2211055>

25. Prensky, M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants Pt. 1. On the *Horizon*, 9(5), 1–6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>

26. Purdy, S.J. (2017). Internet use and civic engagement: A structural equation approach. *Computers in Human Behavior*, (71), 318–326. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.04.031>

chb.2017.02.011

27. Sharma, L. N. (2015). Concept, Structure and Functions of Civil Society. *Indian Journal of Public Administration*, 61(4), 601–610. <https://doi.org/10.1177/0019556120150401>

References

1. Abramova, S. B. (2022). Cifrovaya partisipaciya: konceptualizaciya ponyatiya v zarubezhnoj praktike grazhdanskoj aktivnosti [Digital participation: category conceptualization in foreign practice of civic engagement]. *Cifrovaya sociologiya*, 5(4), 4–14. (in Russ.). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-4-14>
2. Agárdi, I., & Alt, M. (2022). Do digital natives use mobile payment differently than digital immigrants? A comparative study between generation X and Z. *Electron Commer Res*. <https://doi.org/10.1007/s10660-022-09537-9>
3. Antonova, N. L., Abramova, S. B., & Khafizova, V. R. (2022). Uchastie molodezhi v zhizni goroda: reprezentaciya praktik v cifrovoj srede [Youth participation in the life of the city: a representation of digital practices]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*, 22(3), 76–83. (in Russ.). <https://doi.org/10.14529/ssh220310>
4. Antoshin, V. A., & Ershov, Yu. G. (2018). Obshhestvennyj (grazhdanskij) kontrol' kak funkciya grazhdanskogo obshhestva [Public (civil) control as a function of a civil society]. *Socium i vlast'*, (1), 18–24. (in Russ.).
5. Auzan, A. A. (2022). *Kul'turnye kody e'konomiki: kak cennosti vliyayut na konkurenciyu, demokratiyu i blagosostoyanie naroda* [Cultural codes of the economy. How values affect competition, democracy and the well-being of the people]. Moscow: AST. (in Russ.).
6. Baranov, N. A. (2020). Cifrovoe politicheskoe uchastie kak forma politicheskoy mobilizacii [Digital political participation as a form political mobilization]. *Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura*, (3), 66–72. (in Russ.). <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072>
7. Cohen, J. L., & Arato, A. (2003). *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil society and political theory]. Moscow: Ves' Mir. (in Russ.).
8. Dombrovskaya, A. Yu. (2020). Grazhdanskij aktivizm molodezhi v sovremennoj Rossii: osobennosti proyavleniya v onlajn- i oflajn-sredax (po rezul'tatam e'mpiricheskogo issledovaniya) [Civil activism of youth in modern Russia: features of its manifestation in online and offline environments (based on the results of an empirical study)]. *Vlast'*, 28(2), 51–58. (in Russ.). <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134>
9. Gavra, D. P. (1998). Obshhestvennoe mnenie i vlast': rezhimy i mexanizmy vzaimodejstviya [Public opinion and power: regimes and mechanisms of interaction]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 1(4), 53–77. (in Russ.).
10. Grishaeva, S. A., & Shamaev, P. A. (2022). Politicheskoe uchastie molodezhi

v cifrovoj srede [Young people's political participation in the digital environment]. *Cifrovaya sociologiya*, 5(1), 25–35. (in Russ.). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35>

11. Keane, J. (2011). Monitory democracy? In S. Alonso, J. Keane, & W. Merkel (Eds.), *The Future of Representative Democracy* (pp. 212–235). Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511770883.010>

12. Mikhailenok, O. M., & Nazarenko, A. V. (Resp. ed.). (2021). *Setevizaciya politicheskix otnoshenij v usloviyax novoj real'nosti* [Networking of political relations in a new reality]. Moscow: Federal'nyj nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr RAN. (in Russ.). <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-371-3.2021>

13. Ogorodov, D. A. (2020). Zпрос na politicheskoe uchastie, ili mif o politicheskom absenteizme molodezhi (po dannym sociologicheskogo issledovaniya) [Request for political participation or the myth of political absenteeism of young people (according to a sociological study)]. *Vestnik RMAT*, (3), 26–33. (in Russ.).

14. Oser, J., Grinson, A., Boulianne, S., & Halperin, E. (2022). How political efficacy relates to online and offline political participation: A multi-level meta-analysis. *Political Communication*, 39(5), 607–633. <https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2086329>

15. Paffenholz, Th., & Spurk, Ch. (2010). A comprehensive Analytical Framework. In Th. Paffenholz (Ed.), *Civil Society and Peacebuilding: A critical assessment* (pp. 65–78). Boulder: Lynne Rienner.

16. Park, S., Lee, J. Y., Notley, T., & Dezuanni, M. (2023). Exploring the relationship between media literacy, online interaction, and civic engagement. *Information Society*, 39(4), 250–261. <https://doi.org/10.1080/01972243.2023.2211055>

17. Pashinina, E. I., Knyzhova, Z., Suslov, I. V., & Babayan, I. V. (2022). Predmetnoe pole rossijskoj molodezhnoj politiki [Subject field of youth policy in the Russian Federation]. *Vestnik PNIPU. Social'no-e'konomicheskie nauki*, (2), 74–94. (in Russ.). <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.2.6>

18. Prensky, M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants Pt. 1. *On the Horizon*, 9(5), 1–6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>

19. Purdy, S. J. (2017). Internet use and civic engagement: A structural equation approach. *Computers in Human Behavior*, (71), 318–326. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.02.011>

20. Pyrma, R. V. (2019). Vliyanie cifrovyyx kommunikacij na politicheskoe uchastie [The influence of digital communications on political participation]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 9(4), 63–69. (in Russ.). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>

21. Ryabev, V. V. (2013). Funkcii grazhdanskogo obshhestva v usloviyax sovremennoj rossijskoj modernizacii [The functions of the civil society under the conditions of modern Russian modernization]. *Sovremennye issledovaniya social'nyx problem (e'lektronnyj nauchnyj zhuornal)*, (10). (in Russ.). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-10-6>

22. Sharma, L. N. (2015). Concept, Structure and Functions of Civil

Society. *Indian Journal of Public Administration*, 61(4), 601–610. <https://doi.org/10.1177/0019556120150401>

23. Shmitter, Ph. (1996). Razmyshleniya o grazhdanskom obshhestve i konsolidacii demokratii [Some propositions about civil society and the consolidation of democracy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 16–27. (in Russ.).

24. Tikhonina, S. A., Simonova, M. O. (2022). Predstavlenie studencheskoj molodezhi o zhiznennom uspexe: opyt sociologicheskogo issledovaniya [Student youth perception of success in life: sociological research]. *Vestnik e'konomiki, prava i sociologii*, (2), 134–138. (in Russ.).

25. Trynov, D. V. (2019). Politicheskoe uchastie molodezhi: podderzhka vs protest [Youth political participation: support vs protest]. *Sociodinamika*, (12), 298–314. (in Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.12.31195>

26. Volodenkov, S. V., & Fedorchenko, S. N. (2022). Tradicionnye politicheskie instituty v usloviyax cifrovizacii: riski i perspektivy transformacii [Traditional political institutions in the context of digitalization: risks and prospects of transformation]. *Diskurs-Pi*, 19(1), 84–103. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84

27. Zyryanov, S. G., & Lukin, A. N. (2017). Osnovnye funkcii grazhdanskogo obshhestva: teoreticheskij aspekt [Main functions of civil society: theoretical aspect]. *Socium i vlast'*, (2), 15–20. (in Russ.).

Информация об авторах

Софья Борисовна Абрамова, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>, e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Наталья Леонидовна Антонова, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Школа государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, e-mail: n.l.antonova@urfu.ru

Information about the authors

Sofya Borisovna Abramova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>, e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Natalya Leonidovna Antonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, e-mail: n.l.antonova@urfu.ru

ГРАЖДАНСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТЮМЕНИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ТРЕНДОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вячеслав Викторович Маленков,

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия,
vvmalenkov@gmail.com

Получена 17.07.2023.

Поступила после рецензирования 30.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Маленков В. В. Гражданство в представлениях студенческой молодежи Тюмени: результаты трендового исследования // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 172–188. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_172

Аннотация

Статья посвящена изучению смыслов понятия «гражданство» и их репрезентации в повседневных социальных представлениях. В первой части обозначены контуры дискурсивного пространства, в рамках которого определяется и переопределяется данный концепт, раскрывается его многозначность, полисемичность, многослойность. Во второй части статьи предпринимается попытка описания социальных представлений о гражданстве как характеризующих некоторые ключевые параметры сложившегося в стране режима гражданства. В качестве объекта эмпирических исследований выступает студенческая молодежь Тюмени. Автор использует стратегию комбинирования качественных и количественных методов. По результатам применения метода свободных ассоциаций ($n = 206$) делается вывод о слабой репрезентации данного понятия в сознании респондентов, выраженной в неспособности выстроить минимальный ассоциативный ряд, превалировании формальных значений. Такая ситуация тем более парадоксальна с учетом наличия у более половины участников эксперимента опыта сдачи ЕГЭ по предмету «Обществознание». Количественный

© Маленков В. В., 2024

подход реализован посредством двух анкетных опросов, проведенных в ноябре-декабре 2019 года (n = 577) и феврале-марте 2023 года (n = 554). Наряду с другими вопросами в анкете присутствовал список ассоциаций, из которых респонденты выбирали наиболее подходящие к «гражданству». Анализ частотных таблиц позволил выделить ядро и периферию представлений. По результатам анализа зафиксирована значительная актуализация одних ассоциаций (соответствующих вертикальной модели гражданства) и незначительная деактуализация других, имеющих либеральный подтекст. С помощью анализа латентных классов автор выделил и описал отдельные кластеры с различающейся структурой представлений об изучаемом феномене. Многомерный подход также позволил выявить некоторое уменьшение доли респондентов с преимущественно формальными представлениями о гражданстве в пользу содержательных (выросла с 44% до 56%).

Ключевые слова:

гражданство, дискурс, социальные представления, ассоциации, гражданственность, патриотизм

UDC 342.71

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_172

CITIZENSHIP IN THE IDEAS OF TYUMEN STUDENTS: THE RESULTS OF A TREND STUDY

Vyacheslav V. Malenkov,

Tyumen State University,
Tyumen, Russia,
vvmalenkov@gmail.com

Received 17.07.2023.

Revised 30.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Malenkov, V.V. (2024) Citizenship in the ideas of Tyumen students: the results of a trend study. *Discourse-P*, 21(1), 172-188. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_172

Abstract

The article discusses the concept of *citizenship* and its social representations in everyday life. In the first part, the author outlines the discursive space, within which this concept is defined; he considers its ambiguity and multiple meanings. In the second part, he describes social representations of *citizenship* characterizing key parameters

of the contemporary citizenship regime in the country. The students of Tyumen became an object of his empirical research. The author used a strategy of combining both qualitative and quantitative methods. Based on free associations interviews (n = 206), a conclusion was reached that the respondents share a rather vague conception of citizenship, which expresses itself in difficulties with building minimum of associative series; formal meanings always prevail. This situation becomes even more paradoxical given that more than a half of participants of the experiment have passed the Unified State Exam in Social Studies. The quantitative approach was implemented through two questionnaire surveys conducted in November-December 2019 (n = 577) and February-March 2023 (n = 554). Along with other questions, these questionnaires included a list of associations to choose from, which were the most suitable for describing *citizenship*. The analysis of the frequency tables helped the author to identify the core and the periphery of these representations. According to the results, there was a significant actualization of some associations (corresponding to the vertical model of citizenship) and a slight deactualization of others with a liberal subtext. Using the analysis of latent classes, the author identified and described individual clusters with a different structure of ideas concerning the phenomenon under study. The multidimensional approach revealed a slight decrease in the proportion of respondents sharing predominantly formal ideas concerning citizenship in favour of meaningful ideas (increased from 44% to 56%).

Keywords:

citizenship, discourse, social representations, associations, civicism, patriotism

---

Гражданство в сегодняшнем мире – не просто формальная принадлежность к государству, это комплекс ключевых принципов и ценностей, несущих мощный заряд социальной энергии, один из базовых институтов современных обществ, определяющий качественные параметры социально-политических систем. Его актуализация на Западе приходится на конец 1980-х – начало 1990-х гг. после некоторого падения интереса. Гражданская ответственность, гражданская миссия, гражданское действие, гражданское служение – категории, расширяющие идею гражданства, стали частью жизни многих современных людей во всем мире.

Сегодня вряд ли можно утверждать, что гражданство как на уровне активности, так и особенно на ценностном уровне занимает достойное место в жизни нашей страны. Более востребованным в последние два десятилетия является патриотизм, ставший одним из базовых понятий в российском политическом словаре, важной частью политики идентичности. Он фактически сосредоточил на себе множество идей и практик, для обозначения которых в публичном дискурсе других стран используют понятие «гражданство» и производные от него.

Вместе с тем, в последнее время, по крайней мере на декларативном уровне, гражданство и близкие к нему понятия получили некоторый импульс развития. Так, в 2020 г. в закон «Об образовании» была внесена поправка, в которой говорится, что «воспитание – деятельность, направленная на...

формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности...»¹. Аналогичные целевые установки содержат образовательные стандарты, в которых подчеркивается необходимость акцентировать внимание на гражданской идентичности, компетентности и других важных составляющих гражданства. В этом контексте некоторый трансфер понятия из академической и экспертной среды в повседневную политическую повестку, а также реформативное его из формально-юридической плоскости в нормативно-ценностную, является на сегодняшний день актуальной задачей.

Цель данной статьи – описать структуру и динамику представлений студенческой молодежи Тюмени о гражданстве как о понятии, характеризующего некоторые ключевые элементы сложившегося в стране режима гражданства, репрезентируемого в преобладающем политическом дискурсе.

Элементы дискурсивного поля гражданства

По сложившейся традиции следует отметить, что концепт «гражданство», несмотря на свою долгую историю, является спорным, многозначным, многослойным, полисемичным. Это далеко не полный перечень свойств, характеризующих наличие множества концепций и подходов в определении гражданства.

Гражданство можно представить как некоторое означающее, маркирующее широкий спектр означаемого, знак, содержащий множество постоянно оспариваемых в процессе артикуляции значений. В эссенциалистской логике гражданство представляется как некоторая данность, что-то сложившееся, сформировавшееся, объективированное. Отсюда характерное для многих концепций стремление найти нечто общее, закономерное в этом явлении, понять его фундаментальную структуру, свойства целого и отдельных элементов. В таком подходе четко проявляется эволюционизм, подчеркивание исторической обусловленности, поиск и концептуальное определение «сложившихся» исторических типов – от античных образцов до современных. Часто в этом контексте гражданство не только противопоставляется подданству, но и выступает как некий образец цивилизованности, демократичности и одновременно антипод всему устаревшему в политико-правовой сфере общества.

Довольно распространено, в том числе в российской литературе, понимание гражданства как феномена западной цивилизации (Максимова, 2017; Фан, 2017). Отсюда попытки осмыслить западную модель с точки зрения возможностей ее адаптации в условиях России (Фан, 2019), в частности, с позиции

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года (№ 273-ФЗ, ред. от 08.12.2020) (Россия). Взято 19 июля 2023, с https://www.ya-roditel.ru/parents/i-have-the-right/docs-right/%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%9E%D0%B120%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%82%2029_12_2012%20N%20273-%D0%A4%D0%97%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.%2008.12.20.pdf

ограничений – описания доминирующей противоположной модели взаимодействия человека и государства (Фан, 2018; Щербинин, 1997). Наряду с этим постоянно предпринимаются попытки выделить национально-исторические типы гражданства, в том числе посредством изучения доминирующих социальных представлений о нем (Conover et al., 1991). В этом же ключе продолжается поиск основных элементов, составляющих некоторое аксиоматическое ядро гражданства. К ним можно отнести статус, членство, гражданские права, гражданские обязанности, гражданскую идентичность, гражданское участие (Delanty, 1997; Isin, Turner, 2007; Isin, 2009; Joppke, 2007).

О. Ю. Малинова выделяет три тесно взаимодействующих фокуса анализа гражданства: гражданство как правовой статус, устойчивая правовая связь между индивидом и государством; гражданство как совокупность институционализованных социальных практик, прежде всего - участия в общественной жизни, в том числе в качестве члена различных организаций, ассоциаций; гражданство как идентичность, связанная с членством в макрополитическом сообществе (Малинова, 2004, с. 8). Аналогично, В. С. Малахов пишет о двух измерениях – статусе и идентичности. Первое предполагает определенные права, характеристику положения индивида по отношению к государству. Идентичность же он определяет как членство в (политическом) сообществе, что предполагает участие в жизни «гражданского общества» и обязательства перед воображаемым политическим целым, именуемым «нацией» (Малахов, 2013b, с. 42).

Действительно, трудно оспаривать объективный характер большинства из выделенных элементов. Связь человека с государством подтверждается документально, права и обязанности закреплены в нормативных актах. Однако эти же аспекты имеют гораздо более широкий спектр означаемого далеко не столь определенного – связь человека с государством не ограничивается паспортом, а права и обязанности не сводятся к их формальной трактовке. Все это находится в обширной области дискурсивности, что характеризует гражданство как конструируемый феномен, подчеркивает его полисемичность.

Помимо противопоставления как стратегии репрезентации, гражданство раскрывается через идентификацию с другими объектами и концептами. Например, несмотря на некоторое доминирование «государства» в определенном сегменте идентификации, «общество» и «нация» также могут занимать в этой части конструкции значимое место. С одной стороны, данные понятия как бы конкурируют между собой за положение в структуре означаемого, с другой – сосуществуют, образуя особые комбинации гражданства, в чем и проявляется многослойность данного феномена (Yuval-Davis, 1999). При этом в каждом конкретном случае они могут дифференцироваться, например, как это продемонстрировали О. Ю. Малинова и В. С. Малахов, обозначая отношение индивида с государством как «связь» или «положение», а с макрополитическим сообществом (нацией) – как «членство». К тому же в первом случае имеет место юридический характер отношений, а во втором – скорее, политический.

«Гражданство» и производные от него понятия могут трансформироваться в смысловом плане. «Общество граждан», «нация граждан», «государство для

граждан» вызывает положительные ассоциации с народным суверенитетом, демократией, политическими правами и свободами. Использование прилагательного «гражданский» выполняет не только функцию означивания, отсылая к сфере гражданских институтов («гражданское общество», «гражданская нация» и т.п.), но и имеет явно выраженный нормативный подтекст. Однако в другом контексте данное прилагательное является лишь способом классификации, переопределяющим что-то как гражданское – ценности, идентичность, участие. В этом случае гражданское вступает во взаимодействие с чем-то другим внутри определенной сферы, принимающее в том числе характер конкуренции, например: гражданские ценности – с гедонизмом, гражданская и национальная идентичность – с этнической, традиционное политическое участие – с новыми формами гражданского активизма.

Наконец, полисемичность понятия явно проявляется в ситуации, когда новые значения появляются вследствие диффузии, когда происходит открытие либо актуализация какого-то аспекта гражданства, сопряженное с синтезом какого-то значимого аспекта социальной реальности, повесткой, в результате чего образуется некоторая гибридная форма, например, гендерное гражданство, квир-гражданство, экогражданство, DIY-гражданство.

Гражданство в России: от дискурса к формированию социальных представлений

Репрезентация гражданства в дискурсе очень зависит от типа политической системы, доминирующих форм политических отношений, которые в том или ином виде представлены в разных странах – это формирует режимы гражданства. Базовым для существующего в России в настоящее время гибридного режима гражданства является советский тип, характеризующийся как авторитарно-социалистический (Март, 1987, с. 349), смешанный с патримонильным и неолиберальным (Малахов, 2013а, с. 16; Русакова, Хмелинин, 2012).

Гражданство занимает периферийное положение в социальной системе и общественно-политическом дискурсе России. Чаще всего использование данного термина в публичном пространстве имеет сугубо формальный характер, например, как способ обращения к жителям страны, оно лишено ценностной нагрузки, не апеллирует к соответствующим идеям, образам, доминирует номенклатурно-бюрократический стиль. Аспекты социальной реальности и ее идеальные контексты, обычно описываемые категориями «гражданство» и «гражданственность», часто соединяются с понятием «патриотизм» или воплощаются в гибридной связке «гражданин-патриот» с акцентом на вторую составляющую (Маленков, 2022; Krupets et al., 2017, p. 262).

Смешение гражданства и патриотизма активно используется в стратегии внутреннего и внешнего брендинга страны, в частности, публичном освещении случаев получения российского паспорта известными иностранными

гражданами. Один из показательных эпизодов связан со сменой гражданства известным американским спортсменом и актером Дж. Монсоном².

Анализ представлений о гражданстве с опорой на качественный подход применялся автором с 2005 г.: было проведено несколько десятков интервью и фокус-групп, проанализировано более тысячи ответов, описывающих ассоциации, представления разных групп людей (в основном жителей Тюмени) о данном феномене.

В целом подбор ассоциаций к понятию «гражданство» для респондентов довольно затруднителен, о чем свидетельствует всегда ограниченный их список. При этом обычно доминируют формальные характеристики – в основном, констатация факта принадлежности к России (страна, Россия, РФ, паспорт), тогда как содержательные (например, связь человека с государством, совокупность прав и свобод, обязанностей, ответственность), а тем более «ценностно-нагруженные» определения (например, равнодушие, гражданская позиция, гражданское достоинство), встречаются довольно редко.

По сравнению с понятием «патриотизм», которое явно чаще используется в российском публичном дискурсе и входит в ядро современного политического словаря, ассоциативный ряд «гражданства» выглядит ограниченно. Сильная смысловая связь этих двух понятий обнаруживается, когда речь заходит о так называемом «настоящем гражданине». В этом случае гражданин ассоциируется с патриотом, за которым следует множество связанных с этим прилагательных (любящий свою страну, готовый защитить ее, ответственный и др.). Следует отметить, что и характеристики настоящего гражданина часто описываются не как соответствующий ролевой набор, прежде всего политико-правового свойства, а скорее как набор человеческих качеств. И здесь речь идет даже не о таких свойствах, как толерантность, активная жизненная позиция, которые весьма близки к гражданству, а, к примеру, о коммуникабельности (коммуникабельном), доброте (добром) и многих других.

Для иллюстрации представим результаты одного из последних исследований по этой тематике, проведенного автором в период с ноября 2021 по январь 2022 г. В нем участвовали 206 студентов тюменских вузов. В ходе данного исследования использовался метод свободных ассоциаций. Респондентам предлагалось написать в соответствующих полях не менее трех ассоциаций с гражданством³.

При том, что в задании устанавливалась минимальная планка (не менее трех ассоциаций), среднее количество подобранных респондентами ассоциаций, равнялось 1,7. Два варианта ответа указали 37%, три – 31%, четыре – всего

² Жуков, В. (2023, 8 июля). Джефф Монсон отверг США. Почему легенда ММА – самый честный патриот России. *РИА Новости. Спорт*. Взято 9 июля 2023, с <https://rsport.ria.ru/20230708/monson-1882855274.html>

³ Было дано следующее задание: «Ответьте на вопрос, какие ассоциации и ощущения вызывают у Вас перечисленные слова и словосочетания. Напишите не менее 3 вариантов, которые первыми придут Вам в голову».

3%. В то же время по остальным восьми понятиям ситуация отличалась на порядок – по всем из них среднее количество было не меньше трех, как и задано в диспозиции опросного инструментария.

В качестве первой ассоциации, связанной с понятием «гражданство», фигурировали, в основном, формальные, номинальные характеристики: Россия, российское (24,8%), Российская Федерация, РФ (24,7%), паспорт, документы (9,3%), страна (7,9%), принадлежность к стране (5,9%), русское (3,5%), родина (2,9%), гражданин (1,9%), ответственность (1,5%), дом (1,5%), государство (1,0%), принадлежность к государству (1,0%), место жительства (1,0%), статус (1,0%), прописка (1,0%), гордость (1,0%). Ответы, встречающиеся в единичном варианте, следующие: брак, вид жительства, восторг, долг, иностранное, переезд, приобщение к стране, скованность, человек, поддержка, «когда государство тебя защищает».

При подборе вторых и третьих ассоциаций тенденция была та же, но при меньшем объеме самих ответов. В этих полях прослеживается связь с более оценочно нагруженными понятиями, тем не менее фигурирующими в единичном варианте, либо повторяющимися максимум два-три раза: бюрократия, героизм, защищенность, интересы, корни, любовь, надежность, нация, обязанность, отвага, патриотизм, самоопределение, семья, Советский Союз, спокойствие, таможня, территория, уважение, флаг, язык.

Профили гражданства: результаты трендового исследования

Количественная методология реализована в двух анкетных опросах, проведенных в ноябре-декабре 2019 г. (n = 577) и феврале-марте 2023 г. (n = 554). Эти исследования полностью сопоставимы, имеют аналогичную структуру выборки, повторяющиеся вопросы. Объектом исследования выступала студенческая молодежь Тюмени. В первом замере содержалось 12 вариантов ответа, во втором – 14. Ограничений по количеству выбираемых вариантов не было установлено.

В основе количественного лежала идея направленных ассоциаций, в частности, методика «вынужденных» ассоциаций (Бовина, 2011, с. 11). Авторский инструментарий фактически выполняет функцию обогащения представлений, является стимульным материалом, попыткой реконструкции дискурса о гражданстве непосредственно в ходе самого процесса опроса в условиях слабой его актуализации в сознании респондентов.

Результаты двух исследований несколько отличаются (таблица 1). По некоторым пунктам они практически не меняются (в пределах 4%). Историю страны, правовой статус, общественные интересы, свободу, государственные интересы ассоциирует с гражданством примерно одинаковая доля респондентов. При этом ряд ассоциаций заметно актуализировались – с народом (+17%), территорией страны (+13%), местом рождения (+16%), этническим происхождением (+6%). В то же время по нескольким пунктам фиксируется заметное уменьшение – уважение личности, человека (-7%), национальная культура (-6%).

Таблица 1 – Как Вы считаете, какие из перечисленных понятий наиболее тесно связаны с понятием «гражданство»? (составлено автором по результатам анкетных опросов)

Table 1 – Which of the following terms is most closely related to the concept of “citizenship”? (compiled by the author based on the results of a survey)

Варианты ответа (ассоциации)	Ноябрь-декабрь, 2019 год		Февраль-март, 2023 год	
	%	Ранг	%	Ранг
Правовой статус гражданина России	61	1	59	2
Люди, народ моей страны	46	2	63	1
Гражданская, социальная активность	–	–	41	5
Уважение личности, человека	37	3	30	6
Территория страны	33	4	46	4
Общественные интересы	32	5	30	7
Место рождения	31	6	47	3
Национальная культура	31	7	25	10
Политический статус	–	–	24	11
Государственные интересы	25	8	29	8
Свобода	25	9	27	9
История страны	19	10	19	13
Этническое происхождение (национальность)	15	11	21	12
Личное благополучие	10	12	10	14

Однако частотные распределения показывают лишь общие тенденции, одномерную картину. С учетом того, что каждый респондент мог выбрать любое количество пунктов, можно зафиксировать повторяющиеся комбинации ответов у разных групп опрошенных. Важно отметить, что именно взаимодействие между собой разных элементов характеризуют особые параметры представлений. Например, если респондент отметил вариант «свобода», это вовсе не означает, что в интерпретации гражданства он придерживается либеральной позиции. Или, к примеру, выбор варианта ответа «правовой статус гражданина России» в качестве единственного, может трактоваться как формальный подход к гражданству «как праву иметь права» (Кимлика, 2010, с. 367), но в совокупности с «уважением личности, человека», «свободой» – вполне вписывается в либеральную модель гражданства.

В этой связи на первом этапе исследования применялись корреляционный и факторный анализ (с учетом типа используемых переменных в обоих случаях применялся коэффициент тетракорической корреляции), которые показали значимую взаимосвязь отдельных пунктов. Например, коэффициент корреляции между «свободой» и «уважением личности, гражданина» достигал 0,67, «национальной культурой» и «историей» – 0,57, «территорией страны» и «местом рождения» – 0,39, что означает совместное указание на эти пункты в качестве атрибутов гражданства.

Наиболее эффективным оказался личностно-ориентированный подход в процессе применения многомерного анализа, с помощью которого выделялись

профили представлений о гражданстве как совокупности устойчивых ассоциативных конструкций (взаимосвязанных наборов ассоциаций) с учетом сложной структуры данного феномена. Для реализации выбранной аналитической стратегии применялся анализ латентных классов (Magidson, Vermunt, 2004), позволяющий выделить кластеры респондентов со схожей структурой ответов (профилей).

Для определения оптимального количества кластеров использовался количественный подход с опорой на информационные критерии и статистику соответствия⁴, а также контроль показателей вероятности отнесения наблюдения к конкретному кластеру. Параллельно проводился качественный анализ выделенных групп.

В результате по обеим выборкам были выделены формальные и содержательные профили. Для удобства они иллюстрированы в соответствующих графиках (рис. 1–4). Первые включают респондентов, в сознании которых доминируют номинальные характеристики гражданства – формально-юридические представления. Для вторых характерно более насыщенное восприятие данного концепта, когда представления о феномене приобретают более сложные политико-идеологические значения и их можно идентифицировать с определенными дискурсами и идеологическими конструкциями. По результатам замера 2019 г. соотношение их в выборке составило 56 % и 44 % в пользу первых, тогда как в 2023 году, наоборот, 44 % и 56 %. Кроме того, в данных 2019 г. было выделено 7 профилей (4 формальных и 3 содержательных), а в данных 2023 г. – 6 (2 формальных и 4 содержательных).

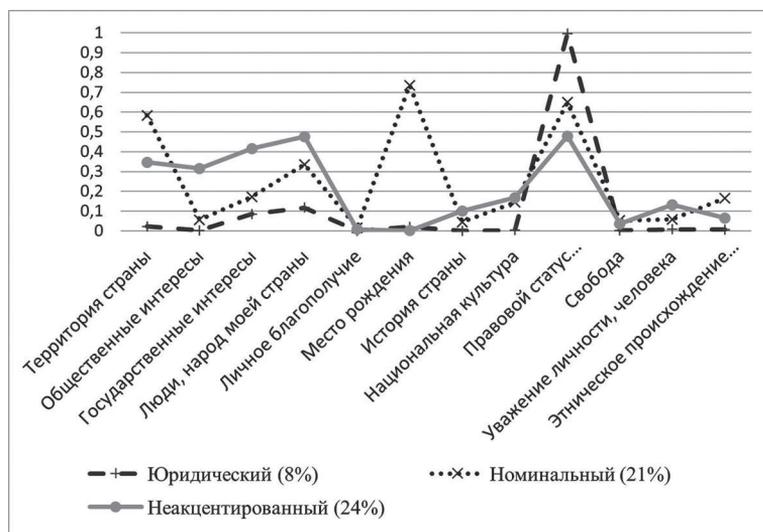

Рисунок 1 – Формальные профили гражданства (составлено автором по результатам анкетного опроса 2019 г.)

Figure 1 – Profiles of formal attributes of citizenship, 2019 (compiled by the author based on the results of a survey)

⁴Рассчитаны в статистическом пакете Latent Gold 6.0.

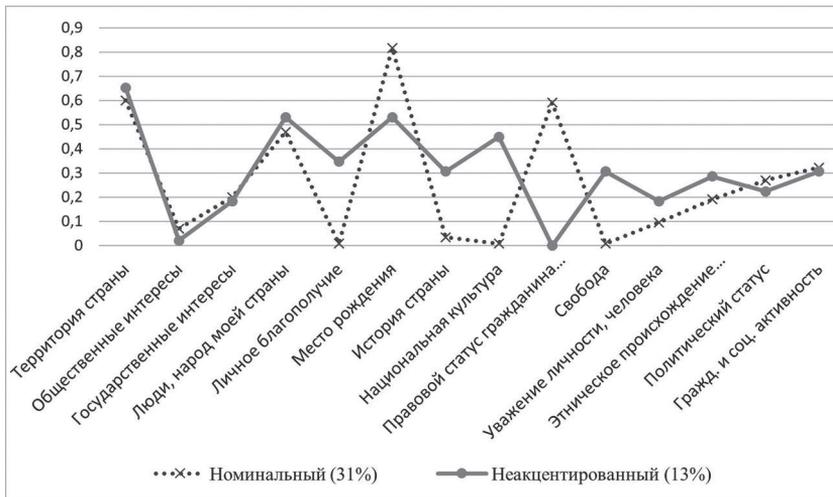

Рисунок 2 – Формальные профили гражданства (составлено автором по результатам анкетного опроса 2023 года)

Figure 2 – Profiles of formal attributes of citizenship, 2023 (compiled by the author based on the results of a survey)

Согласно графику (рис. 1) примерно каждый одиннадцатый студент (8%) сводил гражданство к чисто юридической его трактовке, к правовому статусу гражданина России (обозначен как *юридический* профиль). В исследовании 2023 г. эта комбинация была значительно ниже уровня статистической достоверности. Вместе с тем, два других формальных профиля присутствуют во всех данных (рис. 2) – при сохранении аналогичной доли в выборке (45% в обоих исследованиях) наблюдаются некоторые сдвиги, как количественные, так и качественные (изменение структуры каждого из них). Особенно это касается так называемого *неакцентированного* кластера, который не только сократился почти в два раза (с 24% до 13%), но и претерпел значительные изменения в структуре, что не помешало ему остаться, в сущности, размытым, слабо дифференцированным. При сравнении данных двух графиков видно, что особенно заметный рост приходится на параметры, которые выросли по выборке в целом. Нельзя не отметить, что при сокращении самого кластера интенсивность ответов несколько увеличилась – с 2,55 до 4,3 в среднем по кластеру.

Профиль, обозначенный как *номинальное* гражданство, сочетает в качестве доминирующих ассоциации с территорией, местом рождения, правовым статусом гражданина России. В обоих замерах он имеет схожую структуру – значимость только одного параметра «люди, народ моей страны» существенно изменилась в большую сторону. В целом релевантность этого образа гражданства несколько выросла – ранее он фиксировался у примерно каждого пятого опрошенного (21%), а в опросе 2023 г. у практически каждого третьего (31%).

В обоих замерах обнаружены те, кто выбрали много вариантов, что может свидетельствовать как о реально широком толковании данного феномена, так и об эффекте социальной желательности, сочетающегося с неопределенностью, размытостью представлений. Данный профиль обозначен условно как *универсальный* – его доля выросла с 3% до 8%.

Также сохранился *индивидуалистский* профиль (доля кластера увеличилась с 10% до 12%), который характеризуется относительно высокими значениями ассоциаций со свободой и уважением личности, человека и минимальными с государственными и общественными интересами, народом. Во втором замере данные тенденции еще более выражены.

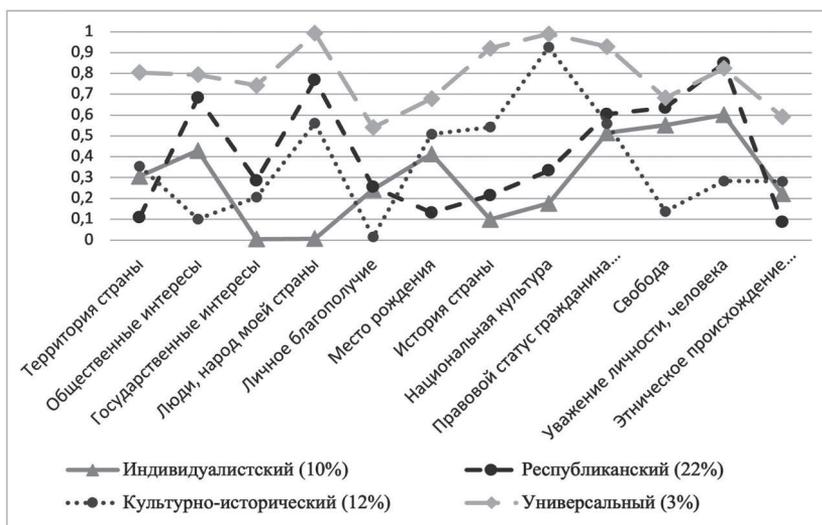

Рисунок 3 – Содержательные профили гражданства (составлено автором на основании анкетного опроса 2019 г.)

Figure 3 – Profiles of meaningful features of citizenship, 2019 (compiled by the author based on the results of a survey)

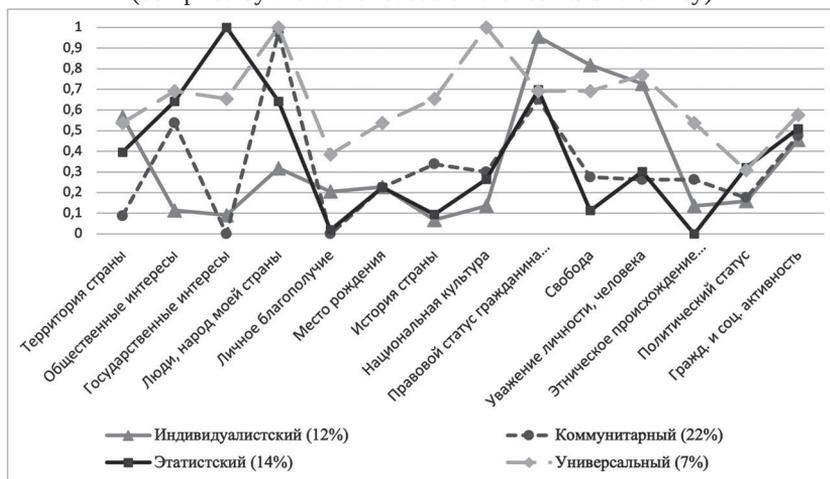

Рисунок 4 – Содержательные профили гражданства (составлено автором на основании анкетного опроса 2023 г.)

Figure 4 – Profiles of meaningful features of citizenship, 2023 (compiled by the author based on the results of a survey)

По результатам обоих исследований четыре кластера имели содержательные признаки (рис. 3, 4). Однако их названия и структура несколько изменились. Следует также сделать оговорку, что названия достаточно условны, не отражают полностью «чистые типы».

В обоих замерах обнаружены те, кто выбрали много вариантов, что может свидетельствовать как о реально широком толковании данного феномена, так и об эффекте социальной желательности, сочетающегося с неопределенностью, размытостью представлений. Данный профиль обозначен условно как *универсальный* – его доля выросла с 3% до 8%.

Также сохранился *индивидуалистский* профиль (доля кластера увеличилась с 10% до 12%), который характеризуется относительно высокими значениями ассоциаций со свободой и уважением личности, человека и минимальными с государственными и общественными интересами, народом. Во втором замере данные тенденции еще более выражены.

Культурно-исторический профиль гражданства (12%) наиболее близок к пониманию нации как культурно-исторической общности – особое значение придается национальной культуре, истории страны, принадлежности к народу. В то же время личностные параметры (свобода, уважение личности, человека) имеют самые низкие значения.

Республиканский профиль (22%) – наиболее плотный и содержательный. В то же время он самый сбалансированный – уважение личности и свобода сочетаются с коммунитарной интерпретацией гражданства, предполагающей тесную связь с макрополитическим сообществом (народом), приоритет общественных интересов над личными.

Эти два профиля (*культурно-исторический* и *республиканский*) проявились только в исследовании 2019 г. Во втором замере весьма четко обозначились *коммунитарный* и *этатистский* профили (рис. 4). В *коммунитарном* профиле (22%), в отличие от республиканского в предыдущем исследовании, превалирует позиция «люди, народ моей страны», а также существенное место занимают «общественные интересы», в то время как индивидуалистские (либеральные) атрибуты гражданства на минимальном уровне.

Также в последнем опросе проявился *этатистский* профиль (14%), который также достаточно отчетливо выделяется – все входящие в него выделили в качестве ключевой ассоциации с гражданством «государственные интересы». Следует отметить, что мы сознательно отказались при проектировании анкеты от пункта «государство» в пользу конструкции «государственные интересы», чтобы максимально выразить этатистскую составляющую гражданства, внести элемент дискуссионности, противопоставив им «общественные интересы» как референт коммунитаризма, а «личное благополучие» – как составляющую социального гражданства.

Заключение

С момента первой апробации опросника наблюдается заметная актуализация ряда атрибутов гражданства – связь с народом, территорией страны,

местом рождения, этническим происхождением. По двум пунктам (уважение личности, человека; национальная культура) фиксируется заметное уменьшение упоминаний, а по остальным (история страны, правовой статус, общественные интересы, свобода, государственные интересы) ответы – в пределах 4%. При выделении отдельных ассоциативных профилей становится очевидным, что содержательная их часть выросла не только относительно доли в выборке, но также и структурно, то есть внутри каждого кластера ассоциативный ряд значительно уплотнился.

Несмотря на это, общая картина все-таки остается довольно характерной для складывающегося в стране режима воспроизводства гражданства – по-прежнему номинальные представления занимают значительное место в сознании студенческой молодежи, а содержательные компоненты, связанные с политическими объектами и ценностями, слабо репрезентированы.

Нужно отметить, что в процессе анализа также делалась попытка выявить различия выделенных групп по другим параметрам гражданства. За исключением чуть более выраженных политических ценностей и некоторых специфических видов политической активности у «индивидуалистов» и «республиканцев», значимых отличий найти не удалось. Это может свидетельствовать о достаточно произвольном характере выявленных представлений, отсутствии связи с другими компонентами гражданского сознания, что в свою очередь является следствием слабой репрезентативности и структурированности политического дискурса о гражданстве и дискурса о политическом гражданстве.

В целом использованный в двух исследованиях инструментарий способен измерять по крайней мере отдельные аспекты базовых представлений о гражданстве, которые невозможно «ухватить» методом свободных ассоциаций, поэтому он может быть востребован в эмпирических исследованиях при должной доработке с учетом специфических целей пользователей, в частности, может пригодиться при проведении мониторинга развития гражданского образования.

Список литературы

1. Бовина, И. Б. (2011). Стратегии исследования социальных представлений. *Социологический журнал*, (3), 5–23.
2. Кимлика, У. (2010). *Современная политическая философия: введение*. Москва: Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики.
3. Максимова, Л. Ю. (2017). Эволюция феномена гражданства в контексте исторического развития западной Европы. *Вестник МГИМО–Университета*, (6), 40–63. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-6-57-40-63>
4. Малахов, В. С. (2013а). Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать. В В. С. Малахов, А. Ф. Яковлева (Ред.), *Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение* (с. 6–32). Москва: Канон+.
5. Малахов, В. С. (2013б). Трансформация гражданства в условиях

широкой иммиграции: концептуальный аспект. *Социологические исследования*, (6), 42–47.

6. Маленков, В. В. (2022). Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (67), 120–131. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/11>

7. Малинова, О. Ю. (2004). Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии. *Полис. Политические исследования*, (5), 7–17.

8. Русакова, О. Ф., Хмелинин, А. А. (2012). Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, (12), 259–272.

9. Фан, И. Б. (2017). Либеральный дискурс гражданственности. *Дискурс-Пи*, 17(2), 170–173. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.170173>

10. Фан, И. Б. (2018). *Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы*. Екатеринбург: Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС.

11. Фан, И. Б. (2019). Западноевропейская модель национального гражданства в российских условиях. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (52), 246–254. <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/22>

12. Щербинин, А. И. (1997). Государь и гражданин. *Полис. Политические исследования*, (2), 159–171.

13. Conover, P., Crewe, I., & Searing, D. (1991). The Nature of Citizenship in the United States and Great Britain: Empirical Comments on Theoretical Themes. *The Journal of Politics*, 53(3), 800–832. <https://doi.org/10.2307/2131580>

14. Delanty, G. (1997). Models of citizenship: Defining European identity and citizenship. *Citizenship Studies*, 1(3), 285–303. <https://doi.org/10.1080/13621029708420660>

15. Isin, E. (2009). Citizenship in flux: The figure of the activist citizen. *Subjectivity*, (29), 367–388. <https://doi.org/10.1057/sub.2009.25>

16. Isin, E. F., & Turner, B. S. (2007). Investigating Citizenship: An Agenda for Citizenship Studies. *Citizenship Studies*, 11(1), 5–17. <https://doi.org/10.1080/13621020601099773>

17. Joppke, C. (2007). Transformation of Citizenship: Status, Rights, Identity. *Citizenship Studies*, 11(1), 37–48. <https://doi.org/10.1080/13621020601099831>

18. Krupets, Y., Morris, J., Nartova, N., Omelchenko, E., & Sabirova, G. (2017). Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: from Fatalism to Affective Ideas of Belonging. *Journal of Youth Studies*, 20(2), 252–267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>

19. Magidson, J., & Vermunt, J. K. (2004). Latent class models. In D. Kaplan (Ed.), *The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences* (pp. 175–198). Sage.

20. Mann, M. (1987). Ruling Class Strategies and Citizenship. *Sociology*, 21(3),

339–354.

21. Yuval-Davis, N. (1999). The 'Multi-Layered Citizen'. *International Feminist Journal of Politics*, 1(1), 119–136. <https://doi.org/10.1080/146167499360068>

References

1. Bovina, I. B. (2011). Strategii issledovaniya social'nyx predstavlenij [Specific of Approaches to Social Representations Analysis]. *Sociologicheskij zhurnal*, 3(3), 5–23. (in Russ.).
2. Conover, P., Crewe, I., & Searing, D. (1991). The Nature of Citizenship in the United States and Great Britain: Empirical Comments on Theoretical Themes. *The Journal of Politics*, 53(3), 800–832. <https://doi.org/10.2307/2131580>
3. Delanty, G. (1997). Models of citizenship: Defining European identity and citizenship. *Citizenship Studies*, 1(3), 285–303. <https://doi.org/10.1080/13621029708420660>
4. Fan, I. B. (2017). Liberal'nyj diskurs grazhdanstvennosti [The liberal discourse of citizenship]. *Diskurs-Pi*, 17(2), 170–173. (in Russ.). <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.170173>
5. Fan, I. B. (2018). *Politicheskaya ontologiya rossijskogo grazhdanina: sodержanie protiv formy* [Political ontology of the Russian citizen: content versus form]. Yekaterinburg: Ural'skij institut upravleniya – filial RANXiGS. (in Russ.).
6. Fan, I. B. (2019). Zapadnoevropejskaya model' nacional'nogo grazhdanstva v rossijskix usloviyax [The western European model of national citizenship in Russian conditions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, (52), 246–254. (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/22>
7. Isin, E. (2009). Citizenship in flux: The figure of the activist citizen. *Subjectivity*, (29), 367–388. <https://doi.org/10.1057/sub.2009.25>
8. Isin, E.F., & Turner, B.S. (2007). Investigating Citizenship: An Agenda for Citizenship Studies, *Citizenship Studies*, 11(1), 5–17. <https://doi.org/10.1080/13621020601099773>
9. Joppke, C. (2007). Transformation of Citizenship: Status, Rights, Identity. *Citizenship Studies*, 11(1), 37–48, <https://doi.org/10.1080/13621020601099831>
10. Krupets, Y., Morris, J., Nartova, N., Omelchenko, E., & Sabirova, G. (2017). Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: from Fatalism to Affective Ideas of Belonging. *Journal of Youth Studies*, 20(2), 252–267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>
11. Kymlicka, W. (2010). *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie* [Contemporary political philosophy: An introduction]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshej shkoly e'konomiki. (in Russ.).
12. Magidson, J., & Vermunt, J.K. (2004). Latent class models. In D. Kaplan (Ed.), *The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences* (pp. 175–198). Sage.
13. Malakhov, V. S. (2013). Grazhdanstvo kak koncept i institut: chto, kak i

zachem izuchat' [Citizenship as a Concept and an Institution: What, How and Why to Study]. In V. S. Malakhov, & A. F. Yakovleva (Eds.), *Grazhdanstvo i immigraciya: konceptual'noe, istoricheskoe i institucional'noe izmerenie* (pp. 6–32). Moscow: Kanon+. (in Russ.).

14. Malakhov, V. S. (2013). Transformaciya grazhdanstva v usloviyax shirokoj immigracii: konceptual'nyj aspect [Citizenship transformation under conditions of mass immigration -conceptual aspect]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (6), 42–47. (in Russ.).

15. Malenkov, V. V. (2022). Patriotizm, grazhdanstvennost' v politike i identichnosti molodezhi [Patriotism, civicism in politics and identity of youth]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, (67), 120–131. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/11> (in Russ.).

16. Malinova, O. Yu. (2004). Grazhdanstvo i politizaciya kul'turnyx razlichij. Razmyshleniya po povodu nekotoryx tendencij v angloyazychnoj politicheskoj filosofii [Citizenship and politicizing of cultural differences (reflections a propos of some tendencies in English-language political philosophy)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 7–17. (in Russ.).

17. Mann, M. (1987). Ruling Class Strategies and Citizenship. *Sociology*, 21(3), 339–354.

18. Maximova, L. Yu. (2017). E'volyuciya fenomena grazhdanstva v kontekste istoricheskogo razvitiya zapadnoj Evropy [Evolution of the phenomenon of citizenship in the context of historical development of the western Europe]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*, (6), 40–63. (in Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-6-57-40-63>

19. Rusakova, O. F., & Hmelinin, A. A. (2012). Neoliberal'nyj diskurs: strategii i tehnologii konstruirovaniya novoj sub'ektnosti [Neo-liberal discourse: strategies and technologies for constructing of new subjectiveness]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, (12), 259–272. (in Russ.).

20. Shcherbinin, A. I. (1997). Gosudar' i grazhdanin [The sovereign and the citizen]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 159–171. (in Russ.).

21. Yuval-Davis, N. (1999). The 'Multi-Layered Citizen'. *International Feminist Journal of Politics*, 1(1), 119–136. <https://doi.org/10.1080/146167499360068>

Информация об авторе

Вячеслав Викторович Маленков, кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2710-8022>, e-mail: vmalenkov@gmail.com

Information about the author

Vyacheslav Viktorovich Malenkov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the University of Tyumen, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2710-8022>, e-mail: vmalenkov@gmail.com

ПРИЧИНЫ РОТАЦИИ ЛИДЕРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПАРТИЙ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»)¹

Руслан Салихович Мухаметов,

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
muxametov.ru@mail.ru

Получена 12.07.2023.

Поступила после рецензирования 15.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Мухаметов Р. С. Причины ротации лидеров региональных отделений партий в России (на примере партии «Единая Россия») // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 189–207. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_189

Аннотация

Статья посвящена факторам отставок региональных партийных лидеров в России. Объектом исследования выбрана партия «Единая Россия». Автор стремится найти ответы на следующие вопросы: Каковы причины смены лидеров региональных отделений «партии власти»? Почему многие региональные партийные лидеры вынуждены уходить в отставку? Для этого была создана база данных, включающих трудовую биографию высших партийных менеджеров на субнациональном уровне. Методом исследования стала бинарная логистическая регрессия. Показано, что смена глав регионов приводит к ротации лидеров субнациональных отделений «Единой России». Обнаружено, что в течение двух лет после ЕДГ меняется 67% региональных секретарей «партии власти». Много внимания в статье уделено причинно-

¹ Статья подготовлена участником Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ на базе Департамента политики и управления на основе данных, полученных в период стажировки.

© Мухаметов Р. С., 2024

следственному механизму. Как показало данное исследование, к настоящему времени высшие должностные лица субъектов РФ возглавляют отделения в 34 регионах. Автор по итогам проведенного анализа пришел к выводу, что те губернаторы получают назначение на пост секретаря, которые ассоциируются / аффилированы с первым заместителем администрации президента РФ. Показано, что электоральная сила глав регионов обеспечивать высокие проценты голосов избирателей «партии власти» и/или инкубенту на президентских выборах на территории субъектов не имеет решающего значения в целом. Изучение причин ротации региональных лидеров партий является важным инструментом для оптимизации работы партии на региональном уровне, обеспечения стабильности, развития субнационального лидерства и повышения эффективности партийной структуры. Понимание факторов смены местных лидеров может способствовать улучшению эффективности партийной организации на региональном уровне.

Ключевые слова:

политические партии, партийная элита, Единая Россия, партия власти, региональные партийные лидеры, губернаторы, главы регионов

UDC 323.22/28

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_189

REASONS FOR THE ROTATION OF LEADERS OF REGIONAL PARTY BRANCHES IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE «UNITED RUSSIA»)²

Ruslan S. Mukhametov,

Ural federal university,
Ekaterinburg, Russia,
muhametov.ru@mail.ru

Received 12.07.2023.

Revised 15.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Mukhametov, R. S. (2024). Reasons for the rotation of leaders of regional party branches in Russia (on the example of the «United Russia»). *Discourse-P*, 21(1), 189-207. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_189

² The article was prepared by a participant in the Internship Program for employees and postgraduates of Russian universities and research organizations at the HSE on the basis of the Department of Policy and Management based on data obtained during the internship.

Abstract

The paper deals with resignations of regional party leaders in Russia, with *the United Russia* being an example. The author's intention is to find answers to the following questions: What are the reasons for changing leaders of the United Russia regional branches? Why are many regional party leaders forced to resign? For this purpose, a database has been created to include work history of senior party managers at the subnational level. The research method used was binary logistic regression. It is shown that changing heads of the regions often results into the rotation of leaders for the United Russia subnational branches. Within two years after the Single voting day, 67% of the regional secretaries of the party appear to be dismissed and replaced. The paper gives serious attention to the cause-to-effect mechanism. It is a matter of fact that heads of the 34 regions in the Russian Federation are at the same time The United Russia regional party leaders. Based on the results of the regression analysis, the author came to the conclusion that only those governors become regional party leaders who are affiliated with the first deputy of the presidential administration. It is shown that in most cases it is not generally crucial for heads of the regions to ensure high percentages of the votes given for the United Russia party and/or incumbents in the presidential elections on the territory of the Russian Federation. To study reasons for the rotation of regional party leaders is important in terms of optimizing party work at the regional level, delivering stability, developing subnational leadership and improving effectiveness of the party structure.

Keywords:

political parties, party elite, United Russia, "party of power", regional party leaders, governors, heads of regions

---

Введение

Каковы причины смены лидеров региональных отделений партий? Почему многие региональные партийные лидеры уходят в отставку? Анализ политического выживания партийного руководства находится на периферии внимания ученых. Данное направление академических исследований, как правило, ограничено несколькими странами и было сосредоточено исключительно на западных демократиях. Исследования показывают, что для политического выживания партийных лидеров нужны политические результаты (победа на выборах, а также участие в формировании правительства). Партия, пережившая период относительной непопулярности, испытывает искушение найти «быстрое решение», заменив действующего лидера свежим лицом и новыми идеями (Mcanulla, 2010). Риск отстранения партийных лидеров зависит от доли мест партии в коалиционном правительстве. Существует мнение, что партия с большей вероятностью сместит своего лидера, если потеряет места в легислатуре после парламентских выборов и/или контроль над правительством (Andrews, Jackman, 2008).

Исследователи утверждают, что политическая долгодетность партийных лидеров зависит от их способности помочь партии сформировать правительство (путем победы на выборах; путем консолидации результатов, достигнутых на предыдущих выборах; путем ловкого маневрирования во время формирования коалиции после выборов), и, оказавшись там, держаться за правительство (Bunande, Hart, 2007). Кроме электоральных соображений, как показывают исследования, значительное влияние на выживание лидера партии оказывают внутривнутрипартийные факторы и правила отбора лидеров (Ennser-Jedenastik, 2013). В процессе отбора руководителей крупных партий успешных кандидатов, как правило, выбирают не за их способность получить максимальную поддержку на парламентской арене, а за их электоральную привлекательность и способность объединять свои собственные партии (Mueller, 2006). Исследователи предлагают перцептивную теорию выживания лидера, которая ориентирована на ожидания избирателей партии, которые имеют право отстранить руководителя. Согласно этой точки зрения, избиратели сравнивают свои ожидания от деятельности действующего лидера партии с предшественником (Horiuchi et al., 2012).

Изучение выживания партийных лидеров в России к настоящему времени не привлекло большого внимания отечественных политических ученых. Можно обозначить исследование Р. Туровского и М. Суховой, которые пришли к выводу, что в России не сложилось устойчивой практики ответственности региональных партийных лидеров за результат на федеральных выборах. На вероятность отставки влияют такие факторы, как результат региональных выборов и срок пребывания партийного секретаря в должности (Туровский, Сухова, 2022). Эти выводы являются отправной точкой для настоящего исследования, которое призвано расширить понимание причин ротации лидеров субнациональных отделений партий в России. В качестве объекта исследования в данной статье выступают секретари региональных отделений «Единой России». Это обусловлено рядом причин. Во-первых, данная партия, начиная с выборов депутатов Госдумы 2003 г., является партией парламентского большинства (Коргунюк, 2007). Во-вторых, «партия власти» играет ведущую роль в обеспечении победы инкумбента на президентских выборах, контроле над законодательными органами, мобилизации избирателей, управлении конфликтами элит и привлечении союзников к правящей коалиции (Reuter, Remington, 2009; Isaacs, Whitmore, 2013). Наконец, как отмечают исследователи, авторитарные режимы создают «партии власти» с целью придания ауры легитимности как внутри страны, так и во внешнем мире. Б. Геддес утверждает, что диктаторы тратят ресурсы на партии и выборы, т.к. эти политические институты помогают разрешать внутриэлитные конфликты, которые могут дестабилизировать страну (Geddes, 2005). Б. Магалони полагает, что «партии власти» смягчают проблему обязательств, существующую между диктатором и его правящей коалицией. Автократии с партиями и выборами более стабильны из-за их способности заключать заслуживающие доверия соглашения о распределении власти, эти институты служат своего рода контрактом между диктатором и его коалицией (Magaloni, 2008). Для расширения понимания детерминант, влияющих на ро-

тацию лидеров региональных отделений партии «Единая Россия», необходимо найти ответы на следующие исследовательские вопросы:

1) приводит ли смена губернатора к замене лидера субнационального отделения «Единой России»?

2) почему в одних субъектах РФ секретарями региональных отделений (РПС) «партии власти» являются главы регионов, а других – нет?

Поиск ответов на вышеназванные вопросы и является целью данной работы. Для ее достижения в статье анализируются трудовые биографии глав российских субъектов и секретарей региональных отделений «Единой России».

Дальнейшая часть статьи представлена следующим образом. В первом разделе рассматривается влияние смены глав регионов на ротацию секретарей региональных политических советов «партии власти». Второй раздел посвящен описанию двух теоретических подходов, применяемых для объяснения причин занятия губернаторами постов лидеров субнациональных подразделений «Единой России». В третьей части описываются переменные, источники данных и метод исследования. Эмпирические результаты исследования представлены в четвертом разделе. Наконец, основные выводы и положения работы излагаются в заключении.

Смена лидеров региональных отделений «Единой России» в контексте отношений центр – регионы

В. В. Путин, вступив в должность президента РФ в мае 2000 г., начал федеративную реформу, которая ознаменовала новый этап в отношениях между федеральным центром и регионами. Данная реформа широко интерпретировалась как противодействие дезинтеграционным тенденциям периода Б. Н. Ельцина. Политика построения «вертикали власти» была задумана как механизм укрепления государства, то есть федерального центра. Меры по централизации федеративных отношений, предпринятые во время первого срока президента В. В. Путина, сократили статус и политические ресурсы российских глав регионов (например, они лишились членства в Совете Федерации). Политика построения «вертикали власти» способствовала централизации власти в стране и ослаблению политического влияния региональных элит на федеральном уровне (Иванов, 2008, с. 34). В результате получилось, что федеральный центр поставил под контроль избирательный процесс в субъектах РФ. Результаты выборов стали предсказуемыми, напоминая советскую модель, хотя и с участием нескольких кандидатов. Случаи межэлитного соперничества и разногласий в регионах разрешаются, как правило, до выборов и неофициально. Главы регионов превратились в «назначаемых чиновников», реагирующих на стимулы федерального центра и реализующие федеральную повестку на местах (Sharafutdinova, 2016, p. 380). Губернаторы стали важным классом подчиненных в «правлящей вертикали», которые должны обеспечивать явку лояльных категорий избирателей на федеральных выборах и поддерживать партию «Единой России» на региональном и местном уровнях.

В академической литературе существует дискуссия вокруг объяснения успеха федерального центра в ограничении политических свобод региональных элит. Одни исследователи видят причину в отсутствии скоординированной политики губернаторов и неопределенности будущих выгод в случае принятия активного противодействия институциональным изменениям по линии «центр-регионы» (Chebankova, 2013). Вторые полагают, что Москва предложила главам регионов компенсацию, вознаграждение за потерю прямой легитимности после отмены прямых выборов в 2004 г. В обмен федеральный центр позволил главам субъектов РФ значительно расширить свои полномочия по сравнению с региональными legislatures (Golosov, Konstantinova, 2016). Отмена прямых губернаторских выборов уменьшила степень автономии глав субъектов РФ от федерального центра, но привела к тому, что положение губернаторов на вершине регионального политического истеблишмента было увеличено. Потенциальные преимущества «президентского назначения» были намного больше, чем преимущества прямых выборов. Во-первых, переход от выборов к «назначениям» снял с повестки дня юридический вопрос о продлении сроков полномочий. Во-вторых, мандат, полученный от прямых (часто скандальных) выборов, был заменен на мандат, полученный от самой популярной и уважаемой фигуры в российской политике (Goode, 2007). Кроме того, федеральный центр расширил возможности региональных властей контролировать местное самоуправление (МСУ) путем манипулирования условиями контрактов, уголовных расследований глав городов, замены агентов (мэров) и т.д. (Ledyayev, Shirikova³, 2018). Наконец, третьи исследователи считают, что федеральный конституционный проект в России являлся побочным продуктом политических процессов, которые напрямую не касались отношений между центром и регионами. Местные элиты, которые контролировали результаты выборов в своих субъектах, вели переговоры с федеральным центром, чтобы получать дополнительные федеральные деньги и сохранять сложившиеся субнациональные политические режимы. Децентрализация 1990-х гг. объясняется политической и экономической слабостью центра, а не стратегическим поведением региональных элит (Starodubtsev, 2018, p. 85). В результате изменений федерального законодательства местное самоуправление вновь превратилось в подчиненный (нижний) этаж системы государственной власти. Губернаторы на сегодняшний день обладают всеми возможными рычагами влияния на МСУ, позволяющими использовать его в качестве политически зависимого агента, выполняющего ограниченный набор функций.

Исходя из логики развития отношений между центром и регионами с 2000 г. и по настоящее время, региональные отделения партии «Единая Россия» наравне с мэрами городов и субнациональными legislatures стали агентами глав субъектов РФ. Таким образом, можно ожидать, что смена губернатора приведет к замене руководителя (секретаря) РПС партии «Единая Россия».

³ Физическое лицо, признанное иностранным агентом по решению Министерства юстиции РФ от 19.01.2024.

Для проверки этой рабочей гипотезы были составлены две таблицы данных: 1) субъекты РФ, где по итогам единого дня голосования (ЕДГ) произошла замена главы региона; 2) регионы, где смены губернаторов не случилось. Хронологические рамки исследования охватывают период 2013–2021 гг. В качестве начальной даты был выбран 2013 г., так как в 2012 г. прошло пять губернаторских выборов, где инкуumbенты были переизбраны. Визуальные данные о ротации региональных секретарей «партии власти» представлены в диаграмме 1.

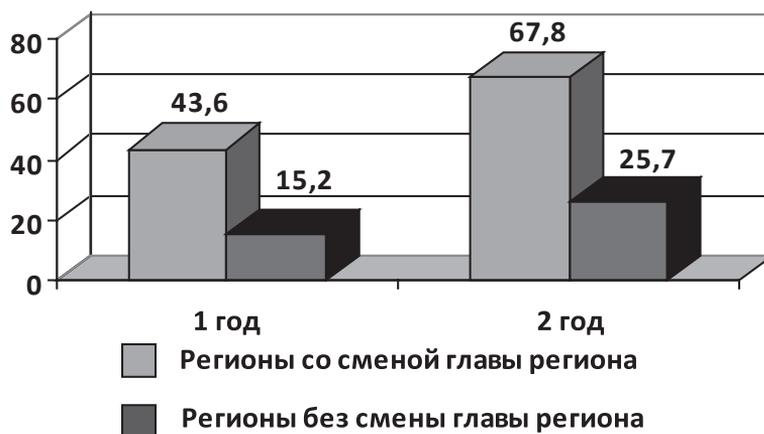

Диаграмма 1 – Сравнение ротации лидеров региональных отделений партии «Единая Россия»

Diagram 1 – Comparison of the rotation of the leaders of the regional branches of the United Russia Party

Как видно из приведенной диаграммы, в течение первого года после ЕДГ в субъектах, где произошла смена главы региона, поменялись более 43% лидеров региональных отделений «Единой России», а в течение двух лет – более 67% секретарей. Для сравнения: в субъектах РФ, в которых по итогам ЕДГ губернатор остался прежним, поменялось всего 15,2% лидеров местных единороссов в течение одного год и 25,7% – в течение двух лет. Иными словами, разница между двумя типами регионов составила около 2,7 раза.

Необходимо отметить, что дополнительным объяснением причинно-следственной связи между сменой глав субъектов РФ и ротацией лидеров региональных отделений «Единой России» является тенденция массового прихода губернаторов на посты секретарей региональных политических советов «партии власти». За последние несколько лет (октябрь 2019 г. и декабрь 2021 г.) можно было отчетливо наблюдать две волны кадровых изменений. Диаграмма 2 представляет коллективный портрет новых лидеров региональных отделений.

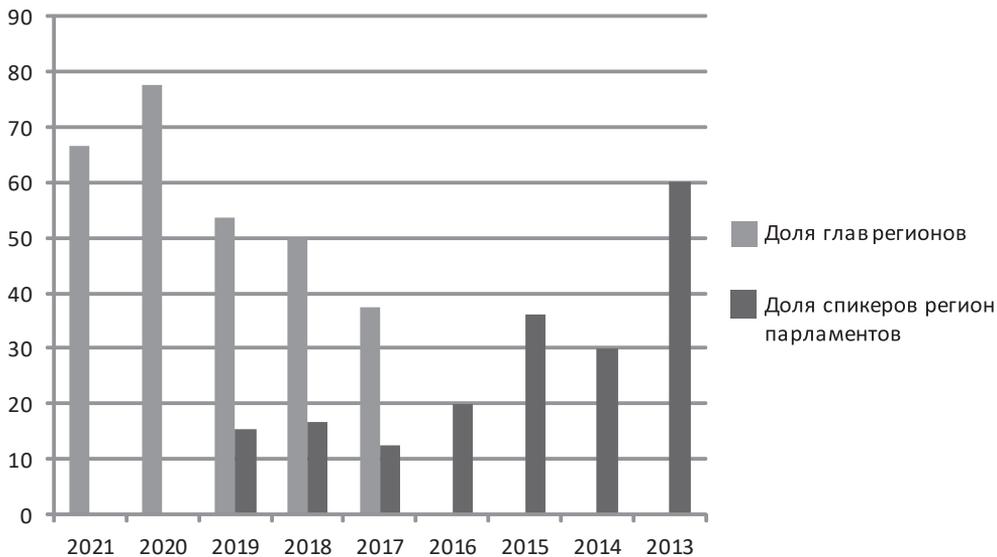

Диаграмма 2 – Формальный статус новых секретарей РПС «Единой России»
Diagram 2 – The formal status of the new secretaries of the regional branches of the United Russia Party

Из диаграммы 2 видно, что приход глав субъектов РФ на посты региональных секретарей «партии власти» массово начинается с 2017 г. С 2018 г. половина и более назначенных местных лидеров являются высшими должностными лицами субъектов РФ. В то же время наблюдается тенденция постепенного ухода председателей субнациональных ассамблей с должностей лидеров отделений «Единой России» в субъектах РФ.

Причины занятия главами регионов постов секретарей региональных отделений «Единой России»: теоретические соображения и рабочие гипотезы

В политической науке существует несколько теоретических подходов, объясняющих приход губернаторов на лидерские позиции в региональные структуры доминирующей партии в России.

Концепция политических машин. По мнению Дж. Скотта, политическая машина – это организация, заинтересованная в сохранении и удержании властных позиций ее лидеров путем распределения денег и конкретных услуг, которая оказывается тем избирателям, кто ее поддерживает (Скотт, 2016, с. 246). На рубеже XIX–XX вв. политические машины в США предлагали своим сторонникам государственные рабочие места, документы о гражданстве, услуги социального страхования (например, жилье для жертв пожаров или экстренная помощь по безработице) (Роу, 2020, р. 3). Политические машины (клиентоориентированные организации) – это политические организации, которые мо-

билизуют поддержку избирателей, предлагая конкретные материальные блага гражданам в обмен на их голоса (Golosov, 2013, p. 460). Этот обмен бывает двух видов. При прямых обменах товары и/или услуги поступают от политической машины непосредственно избирателю, а при общих – определенным группам избирателей в целом (Reid, Kurth, 1992). С. Стокс выделяет программные (публично-формальные и общедоступные) и непрограммные (скрытные и частные) стратегии распределения (Stokes et al., 2013). Подавляющее большинство исследований говорит, что политические машины сосредоточены на «покупке голосов», то есть вознаграждении колеблющихся избирателей за то, чтобы они сделали «правильный» выбор. Кроме того, другими стратегиями являются «покупка явки» (раздача вознаграждений не мобилизованным сторонникам в обмен на приход на избирательный участок), «вознаграждение лоялистов» (поддержка сторонников, которые все равно проголосовали бы за них), а также «покупка отрицательной явки» (вознаграждение равнодушных за то, чтобы они не голосовали) (Gans-Morse et al., 2014). Считается, что основной электорат политических машин составляют бедные слои населения в целом и иммигранты в частности. Исследования показывают, что в России адресной аудиторией выступают работники государственных предприятий, а также жители сельской местности, население пенсионного возраста и этнические меньшинства (Shkel, 2021).

Исследователи утверждают, что электоральные показатели партий-гегемонов зависят от власти и влияния региональных покровителей, которые их поддерживают. Наиболее важными из них в постсоветской России являются главы субъектов РФ. «Единая Россия» показывает лучшие результаты в тех регионах, где губернаторы контролируют сильные политические машины (Reuter, 2013). Г. В. Голосов утверждает, что реальная цель федеративной реформы 2000–2004 гг. состояла в том, чтобы включить региональные клиентелистские партии в формирующийся тогда общенациональный авторитарный порядок (Golosov, 2011a; Golosov 2011b). Таким образом, приход глав регионов на посты лидеров субнациональных отделений «Единой России» стоит рассматривать как продолжение существующего курса.

Концепция клиентуры. В авторитарных и/или неопатримональных режимах правящая элита не является единой и монолитной, а представляет собой совокупность различных клиентел. Политические институты в таких государствах состоят из разделенных неформальных, вертикально организованных групп покровителей и клиентов, борющихся между собой за влияние, «доступ к телу» и т.д. Клиентела – это группа лиц, объединенная вокруг высокопоставленного чиновника и связанная с ним патрон-клиентскими отношениями. Дж. Скотт определил клиентелу как «инструментальную дружбу, в которой индивид с более высоким социально-экономическим статусом (покровитель) использует свое собственное влияние и ресурсы для обеспечения защиты или льгот... для человека с более низким статусом (клиента), который, со своей стороны, отвечает взаимностью, предлагая покровителю общую поддержку и содействие, включая личные услуги» (Scott, 1972, p. 92). В основе клиентуры находятся

отношения патрон-клиент, под которыми понимают особый тип диадического обмена, характеризующиеся следующие чертами:

(а) отношения возникают между субъектами, имеющими неравную власть и статус;

(б) основаны на принципе взаимности, то есть каждый субъект ожидает получить что-то, предоставляя товары и услуги другому;

(с) отношения являются партикуляристскими и частными, слабо закрепленными в праве или социальных нормах (Kaufman, 1974, p. 285).

По мнению Дж. Уиллертон, клиентские сети обеспечивают: (1) возможности для эффективной коммуникации; (2) чувство безопасности и уверенности, доверие; (3) горизонтальную или вертикальную интеграцию; (4) карьерный рост; (5) точки доступа к формальным структурам политической власти; (6) возможности для взаимного благосостояния (Willerton, 1992).

В России куратором внутренней политики является первый замглавы администрации президента (АП) РФ. С октября 2016 г. этот пост занимает С. В. Кириенко. В его сферу ответственности входит мониторинг общественно-политической ситуации в стране, обеспечение взаимодействия президента РФ с парламентом, политическими партиями, в том числе с «Единой Россией», некоммерческими организациями, а также работа с главами субъектов РФ. По мнению экспертов, куратор внутренней политики «контролирует губернаторов, взаимодействует с лояльными деятелями искусства, становится учителем учителей и наставником наставников, принимая решения в сфере образования и воспитания»⁴. Иными словами, выборы и кадровая политика в субъектах РФ находятся в зоне внимания первого замглавы АП РФ.

Исходя из рассмотренных выше теоретических подходов, объясняющих занятия главами регионов постов секретарей региональных отделений «Единой России», можно сформулировать несколько рабочих гипотез:

Гипотеза 1: *Секретарями региональных политических советов «партии власти» становятся губернаторы, которые владеют сильными политическими машинами.*

Гипотеза 2: *Лидерами региональных отделений партии «Единая Россия» становятся те главы регионов, которые входят в клиентелу первого замглавы АП РФ.*

Переменные, источники данных и методы исследования

Единицами анализа стали субъекты РФ. Выборка составила 70 регионов, в том числе 34 субъекта, где лидерами региональных отделений являются губернаторы.

⁴ Перцев, А. (2023, 9 марта). Куратор всего. Как Кириенко завоевывает сферы влияния и президентское ухо. *Carnegie Endowment for International Peace*. Взято 4 мая 2023, с <https://carnegieendowment.org/politika/89232>

Статистические вычисления произведены методом бинарной логистической регрессии. Данная модель регрессионного анализа подразумевает, что зависимая переменная является двоичной, т.е. она может принимать только два значения (0 или 1). В качестве зависимой переменной («Регион») выступает наличие или отсутствие главы региона на посту секретаря РПС партии «Единая Россия»: переменной присваивается значение 1, если лидером местных единороссов является высшее должностное лицо субъекта РФ; если нет, то – 0. В рамках первой гипотезы сила региональных политических машин операционализована через процент голосов избирателей, который (-ая) получил (-а): 1) глава субъекта на прямых выборах (переменная «Губернаторские выборы»); 2) В. В. Путин на президентских выборах 2018 г. (переменная «Президентские выборы»); 3) «Единая Россия» на выборах депутатов субнациональной ассамблеи по партийным спискам (переменная «Региональные выборы»). В рамках второй гипотезы принадлежность глав регионов к клиентеле первого заместителя главы АП РФ операционализована через их обучение в «Школе губернаторов» (переменная «Администрация президента»).

Источником данных по результатам выборов стала информация с официального сайта ЦИК РФ. Прохождение обучения глав регионов в образовательно-кадровом проекте первого заместителя глав президентской администрации взято из открытых источников.

Средне значение, медиана, стандартное отклонение, минимальные и максимальные значения переменных представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Описательная статистика

Table 1 – Descriptive statistics

Переменные	Среднее	Медиана	Станд. отклонение	Минимум	Максимум
Регион	0,4857	0,0	0,5034	0	1
Губернаторские выборы	72,89	72,57	9,680	53,61	89,61
Президентские выборы	75,5	75,03	5,473	64,38	91,98
Региональные выборы	46,45	43,86	13,20	28,30	80,13
Администрация президента	0,4	0,0	0,4934	0	1

Статистические расчеты (с учетом робастных оценок стандартных ошибок с поправкой на гетероскедастичность, а также проверки регрессионных моделей на мультиколлинеарность) производились в такой программе обработки данных, как Gretl.

Результаты эмпирического анализа

В таблице 2 представлены результаты анализа четырех моделей бинарной логистической регрессии, которые были сконструированы для объяснения

причин занятия главами регионов постов секретарей региональных отделений «Единой России».

Таблица 2 – Результаты бинарной логистической регрессии

Table 2 – Results of binary logistic regression

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t статистика	Значимость
Губернаторские выборы	0,008	0,031	0,61	0,805
Президентские выборы	-0,043	0,065	0,436	0,509
Региональные выборы	0,069	0,028	6,05	0,014
Администрация президента	1,614	0,586	7,582	0,006
Const	-1,237	4,141	0,089	0,765
R-квадрат – 0,373				

Как видно из таблицы 2, из двух сформулированных рабочих гипотез одна получила свое эмпирическое подтверждение. Речь идет о второй гипотезе (p значение равно 0,006, $p < 0,05$). Направление взаимосвязи между переменными является положительным. Это означает, что прохождение обучения глав регионов в «Школе губернаторов», которую курирует С. В. Кириенко, приводит к росту вероятности стать лидером регионального отделения партии «Единая Россия». Примерами таких губернаторов являются В. В. Гладков (Белгородская область), А. А. Здунов (Мордовия) и т.д. Эти выводы подтверждают положение о том, что власть в постсоветских странах представляет собой иерархические сети или неформальные сети личных асимметричных политических отношений (Hale, 2014). Клиентелистская модель формирования и поведения политических групп изображает политическую систему, состоящую из таких коалиций. Люди с карьерными устремлениями часто продвигаются в рамках политической системы на основе их связей с политиками, которые обладают властью на более высоких уровнях власти (Willerton, 1992).

Важно еще отметить наличие такой кадровой схемы, как «Школа губернаторов» – губернаторский пост – лидер регионального отделения «Единой России». Другими словами, существует такой промежуточный фактор, как избрание на должность главы региона. По данным СМИ, 47 российских регионов возглавляют выпускники программы кадрового управленческого резерва⁵. Таким образом, первоначально выпускники так называемой Школы губернаторов избираются высшими должностными лицами субъектов РФ, а потом их назначают/утверждают секретарями РПС партии «Единая Россия». Хотелось бы отметить, что данная практика отличается от советской модели регионального управления,

⁵ Выпускники «школы губернаторов» возглавили 47 регионов России (2023, 16 марта). *Взгляд*. Взято 4 мая 2023, с <https://vz.ru/news/2023/3/16/1203366.html>

когда первым лицом в регионе считался первый секретарь соответствующего регионального комитета КПСС, а Советы (формально высшие и законодательные органы власти) и председатели облисполкомов (исполнительная власть) находились в подчиненном положении (под партийным контролем). На региональном уровне первый секретарь и председатель облисполкома – это два разных лица, в то время как сейчас идет этап совмещения должностей.

Что касается первой гипотезы, в рамках которой мы ожидали, что секретарями региональных политических советов «партии власти» становятся губернаторы, которые владеют сильными политическими машинами, то она получила частичное подтверждение. Иными словами, из трех выборов эмпирически значимым (p значение равно 0,014, $p < 0,05$) оказалось влияние результатов голосования за «Единую Россию» в субнациональную легислатуру на назначение лидером отделения «партии власти» в субъекте РФ. Необходимо отметить, что результат исследования по гипотезе 1 согласуется с предыдущими исследованиями. В частности, тезис о том, что приход губернаторов в «Единую Россию» в качестве региональных секретарей не гарантирует более высокие электоральные результаты «партии власти» в целом, подтверждается в литературе (Мухаметов, 2021). Это обусловлено тем, что имеет место воздействие «типа режима»: «конкурентные авторитарные регионы» обеспечивают общую победу правящей партии, а «гегемонистские авторитарные регионы» – аномально высокий уровень поддержки партии «Единая Россия» (Panov, Ross, 2017). Ключевым объяснением является субнациональный авторитаризм. Более сильные авторитарные правители способны контролировать региональные элиты и обеспечивать наилучшие результаты для «партии власти» и ее кандидатов, оказывая административное давление на избирателей, в то время как более мягкие субнациональные автократы допускают большую степень внутриэлитной конкуренции, что приводит к ослаблению административного давления (Panov, Ross, 2019).

Заключение

Написание настоящей работы было обусловлено стремлением получить ответы на ряд исследовательских вопросов. Во-первых, приводит ли смена губернатора к замене лидера субнационального отделения «Единой России»? Во-вторых, почему в одних субъектах РФ секретарями региональных отделений «партии власти» являются главы регионов, а других – нет? Обращение к данной тематике вызвано тем фактом, что отечественные и зарубежные исследователи мало внимания уделяют изучению регионального партийного лидерства. В этих условиях результаты, которые были получены по итогам исследования, позволяют пролить новый свет как на причины ротации секретарей региональных отделений партии «Единая Россия», так и на феномен субнационального политического лидерства в целом.

Основной вывод данного исследования заключается в том, что в субъектах РФ, где произошла смена главы региона, в течение двух лет меняется более 65 %

лидеров региональных отделений «партии власти». Это связано как с существованием централизованного характера федеративного устройства в стране, так и с массовым приходом самих губернаторов на посты секретарей за последние годы. Как показало данное исследование, к настоящему времени высшие должностные лица субъектов РФ возглавляют отделения в 34 регионах. Начало процессу этому процессу положено в 2017 г. Еще один интересный вывод этого исследования состоит в том, что те губернаторы получают назначение на пост секретаря, которые ассоциируются/аффилированы с первым заместителем АП РФ. Электоральная сила глав регионов обеспечить высокие проценты голосов избирателей «партии власти» и/или инкумбенту на президентских выборах на территории субъектов не имеет решающего значения в целом.

Следует сказать и о дальнейших направлениях исследований. Во-первых, представляется интересным сделать сравнительный анализ для понимания того, чем отличается процесс ротации лидеров региональных отделений парламентских партий, например, КПРФ, «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», ЛДПР, «Новые люди». Другим направлением может стать изучение влияния внутрипартийных процессов на кадровую политику.

Список литературы

1. Иванов, В. (2008). *Путинский федерализм: централизаторские реформы в России в 2000–2008 годах*. Москва: Территория будущего.
2. Коргунюк, Ю. Г. (2007). *Становление партийной системы в современной России*. Москва: Фонд ИНДЕМ, Моск. гор. пед. ун-т.
3. Мухаметов, Р. С. (2021). Региональные вариации голосования за «Единую Россию»: роль глав регионов. *Вестник Пермского университета. Политология*, 15(2), 110–119. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-110-119>
4. Скотт, Дж. (2016). Коррупция, политические машины и политические изменения. В Н. М. Исмаилов (Ред.), *Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия* (с. 242–279). Москва: РОССПЕН.
5. Туровский, Р. Ф., Сухова, М. С. (2022). Партийные лидеры в регионах России: анализ логики отставок. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (3), 130–157. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-130-157>
6. Andrews, J., & Jackman, R. (2008). If Winning Isn't Everything, Why Do They Keep Score? Consequences of Electoral Performance for Party Leaders. *British Journal of Political Science*, 38(4), 657–675. <https://doi.org/10.1017/S000712340800032X>
7. Bynande, F., & Hart, P. (2007). The Politics of Party Leader Survival and Succession: Australia in Comparative Perspective. *Australian Journal of Political Science*, 42(1), 47–72. <https://doi.org/10.1080/10361140601158542>
8. Chebankova, E. (2013). *Russia's Federal Relations: Putin's Reforms and Management of the Regions*. London; New York: Routledge.

9. Ennser-Jedenastik, L. (2013). Intra-party democracy, political performance and the survival of party leaders: Austria, 1945–2011. *Party Politics*, 21(6), 930–943. <https://doi.org/10.1177/1354068813509517>
10. Gans-Morse, J., Mazzuca, D., & Nichter, S. (2014). Varieties of Clientelism: Machine Politics During Elections. *American Journal of Political Science*, 58(2), 415–432. <https://doi.org/10.1111/ajps.12058>
11. Geddes, B. (2005). *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes?* Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association.
12. Golosov, G. (2011a). Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated. *Europe-Asia Studies*, 63(3), 397–414. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.557533>
13. Golosov, G. (2011b). The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*, 63(4), 623–639. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.566427>
14. Golosov, G. (2013). Machine Politics: the concept and its implications for Post-soviet studies. *Demokratizatsiya*, 21(4), 459–480.
15. Golosov, G., & Konstantinova, M. (2016). Gubernatorial Powers in Russia: The Transformation of Regional Institutions under the Centralizing Control of the Federal Authorities. *Problems of Post-Communism*, 63(4), 1–12. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1146906>
16. Goode, P. (2007). The Puzzle of Putin's Gubernatorial Appointments. *Europe-Asia Studies*, 59(3), 365–399. <https://doi.org/10.1080/09668130701239799>
17. Hale, H. (2014). *Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
18. Horiuchi, Y., Laing, M., & Hart, P. (2012). Hard Acts to Follow: Predecessor Effects on Party Leader Survival. *Party Politics*, 21(3), 457–366. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2167742>
19. Isaacs, R., & Whitmore, S. (2013). The Limited Agency and Life-cycles of Personalised Dominant Parties in the post-Soviet space: the cases of United Russia and Nur Otan. *Democratization*, 21(4), 699–721. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.768616>
20. Kaufman, R. R. (1974). The Patron-Client Concept and Macro-Politics: Prospects and Problems. *Comparative Studies in Society and History*, 16(3), 284–308. <https://doi.org/10.1017/s0010417500012457>
21. Ledyayev, V., & Chirikova, A. (2018). Governors and local elites in Russia: patterns of interaction. *European Politics and Society*, 20(12), 1–18. <https://doi.org/10.1080/23745118.2018.1534041>
22. Magaloni, B. (2008). Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule. *Comparative Political Studies*, 41(4-5), 715–741. <https://doi.org/10.1177/0010414007313124>
23. Mcanulla, S. (2010). Forced Exits: Accounting for the Removal of Contemporary Party Leaders. *The Political Quarterly*, 81(4), 593–601. <https://doi.org/10.1111/j.1467-923X.2010.02127.x>

24. Mueller, W. C. (2006). The selection of party chairmen in Austria: A study in intra-party decision-making. *European Journal of Political Research*, 20(1), 39–65. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1991.tb00255.x>
25. Panov, P., & Ross, C. (2017). The dynamic nationalisation of voting for United Russia: the stability / instability of regional deviations from national results. *East European Politics*, 34(4), 1–18. <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1415886>
26. Panov, P., & Ross, C. (2019). Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime. *Europe-Asia Studies*, 71(4), 1–22. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1563050>
27. Popa, M. (2020). Political Machines and the Institutional Background of Economic Miracles. *Government and Opposition*, 56(2), 1–20. <https://doi.org/10.1017/gov.2019.33>
28. Reid, J. D., & Kurth, M. M. (1992). The Rise and Fall of Urban Political Patronage Machines. In *Strategic Factors in Nineteenth Century American Economic History: A Volume to Honor Robert W. Fogel* (pp. 427–445). National Bureau of Economic Research, Inc.
29. Reuter, O., & Remington, T. (2009). Dominant Party Regimes and the Commitment Problem The Case of United Russia. *Comparative Political Studies*, 42(4), 501–526. <https://doi.org/10.1177/0010414008327426>
30. Reuter, O. (2013). Regional patrons and hegemonic party electoral performance in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 29(2), 101–135. <http://dx.doi.org/10.1080/1060586X.2013.780410>
31. Scott, J. C. (1972). *Comparative Political Corruption*. New Jersey: Prentice-Hall.
32. Sharafutdinova, G. (2016). Regional Governors Navigating through Putin's Third Term On the Wave of Patriotism through the Troubled Waters of the Economy. *Russian Politics*, 1(4), 372–397. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00104003>
33. Shkel, S. (2021). Why Political Machines Fail: Evidence from Bashkortostan. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 29(1), 31–62.
34. Starodubtsev, A. (2018). *Federalism and Regional Policy in Contemporary Russia*. Abingdon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315582061>
35. Stokes, S., Dunning, Th., Nazareno, M., & Brusco, V. (2013). *Brokers, voters and clientelism: the puzzle of distributive politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107324909>
36. Willerton, J. P. (1992). *Patronage and Politics in the USSR*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press.

References

1. Andrews, J., & Jackman, R. (2008). If Winning Isn't Everything, Why Do They Keep Score? Consequences of Electoral Performance for Party Leaders. *British Journal of Political Science*, 38(4), 657–675. <https://doi.org/10.1017/>

S000712340800032X

2. Bynande, F., & Hart, P. (2007). The Politics of Party Leader Survival and Succession: Australia in Comparative Perspective. *Australian Journal of Political Science*, 42(1), 47–72. <https://doi.org/10.1080/10361140601158542>

3. Chebankova, E. (2013). *Russia's Federal Relations: Putin's Reforms and Management of the Regions*. London; New York: Routledge.

4. Ennser-Jedenastik, L. (2013). Intra-party democracy, political performance and the survival of party leaders: Austria, 1945–2011. *Party Politics*, 21(6), 930–943. <https://doi.org/10.1177/1354068813509517>

5. Gans-Morse, J., Mazzuca, D., & Nichter, S. (2014). Varieties of Clientelism: Machine Politics During Elections. *American Journal of Political Science*, 58(2), 415–432. <https://doi.org/10.1111/ajps.12058>

6. Geddes, B. (2005). *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes?* Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association.

7. Golosov, G. (2011a). Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated. *Europe-Asia Studies*, 63(3), 397–414. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.557533>

8. Golosov, G. (2011b). The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*, 63(4), 623–639. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.566427>

9. Golosov, G. (2013). Machine Politics: the concept and its implications for Post-soviet studies. *Demokratizatsiya*, 21(4), 459–480.

10. Golosov, G., & Konstantinova, M. (2016). Gubernatorial Powers in Russia: The Transformation of Regional Institutions under the Centralizing Control of the Federal Authorities. *Problems of Post-Communism*, 63(4), 1–12. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1146906>

11. Goode, P. (2007). The Puzzle of Putin's Gubernatorial Appointments, *Europe-Asia Studies*, 59(3), 365–399. <https://doi.org/10.1080/09668130701239799>

12. Hale, H. (2014). *Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

13. Horiuchi, Y., Laing, M., & Hart, P. (2012). Hard Acts to Follow: Predecessor Effects on Party Leader Survival. *Party Politics*, 21(3), 457–366. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2167742>

14. Isaacs, R., & Whitmore, S. (2013). The Limited Agency and Life-cycles of Personalised Dominant Parties in the post-Soviet space: the cases of United Russia and Nur Otan. *Democratization*, 21(4), 699–721. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.768616>

15. Ivanov, V. (2008). *Putinskij federalizm: centralizatorskie reformy v Rossii v 2000–2008 godax* [Putin's Federalism: Centralizing Reforms in Russia in 2000–2008], Moscow: Territoriya budushhego. (in Russ.).

16. Kaufman, R. R. (1974). The Patron-Client Concept and Macro-Politics: Prospects and Problems. *Comparative Studies in Society and History*, 16(3), 284–308. <https://doi.org/10.1017/s0010417500012457>

17. Korgunyuk, Yu. G. (2007). *Stanovlenie partijnoj sistemy v sovremennoj Rossii* [The formation of the party system in modern Russia]. Moscow: Fond INDEM, Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet. (in Russ.).
18. Ledyayev, V., & Chirikova, A. (2018). Governors and local elites in Russia: patterns of interaction. *European Politics and Society*, 20(12), 1–18. <https://doi.org/10.1080/23745118.2018.1534041>
19. Magaloni, B. (2008). Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule. *Comparative Political Studies*, 41(4-5), 715–741. <https://doi.org/10.1177/0010414007313124>
20. Mcanulla, S. (2010). Forced Exits: Accounting for the Removal of Contemporary Party Leaders. *The Political Quarterly*, 81(4), 593–601. <https://doi.org/10.1111/j.1467-923X.2010.02127.x>
21. Mueller, W. C. (2006). The selection of party chairmen in Austria: A study in intra-party decision-making. *European Journal of Political Research*, 20(1), 39–65. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1991.tb00255.x>
22. Mukhametov, R. S. (2021). Regional'nye variacii golosovaniya za “Edinuyu Rossiyu”: rol' glav regionov [Regional variations of voting for “United Russia”: the role of regional heads]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 15(2), 110–119. (in Russ.). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-110-119>
23. Panov, P., & Ross, C. (2017). The dynamic nationalisation of voting for United Russia: the stability / instability of regional deviations from national results. *East European Politics*, 34(4), 1–18. <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1415886>
24. Panov, P., & Ross, C. (2019). Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin’s Electoral Authoritarian Regime. *Europe-Asia Studies*, 71(4), 1–22. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1563050>
25. Popa, M. (2020). Political Machines and the Institutional Background of Economic Miracles. *Government and Opposition*, 56(2), 1–20. <https://doi.org/10.1017/gov.2019.33>
26. Reid, J. D., & Kurth, M. M. (1992). The Rise and Fall of Urban Political Patronage Machines. In *Strategic Factors in Nineteenth Century American Economic History: A Volume to Honor Robert W. Fogel* (pp. 427–445). National Bureau of Economic Research, Inc.
27. Reuter, O., & Remington, T. (2009). Dominant Party Regimes and the Commitment Problem The Case of United Russia. *Comparative Political Studies*, 42(4), 501–526. <https://doi.org/10.1177/0010414008327426>
28. Reuter, O. (2013). Regional patrons and hegemonic party electoral performance in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 29(2), 101–135. <http://dx.doi.org/10.1080/1060586X.2013.780410>
29. Scott, J. (2016). Korrupciya, politicheskie mashiny i politicheskie izmeneniya [Corruption, Machine Politics, and Political Change]. In N. M. Ismailov (Ed.), *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti: Xrestomatiya* (pp. 242–279). Moscow: ROSSPEN. (in Russ.).
30. Scott, J. C. (1972). *Comparative Political Corruption*. New Jersey: Prentice-Hall.

31. Sharafutdinova, G. (2016). Regional Governors Navigating through Putin's Third Term On the Wave of Patriotism through the Troubled Waters of the Economy. *Russian Politics*, 1(4), 372–397. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00104003>
32. Shkel, S. (2021). Why Political Machines Fail: Evidence from Bashkortostan. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 29(1), 31–62.
33. Starodubtsev, A. (2018). *Federalism and Regional Policy in Contemporary Russia*. Abingdon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315582061>
34. Stokes, S., Dunning, Th., Nazareno, M., & Brusco, V. (2013). *Brokers, voters and clientelism: the puzzle of distributive politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107324909>
35. Turovsky, R. F., & Sukhova, M. S. (2022). Partijnye lidery v regionax Rossii: analiz logiki otstavok [Party leaders in the regions of Russia: analyzing the logic of resignations]. *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz*, (3), 130–157. (in Russ.). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-130-157>
36. Willerton, J. P. (1992). *Patronage and Politics in the USSR*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press.

Информация об авторе

Руслан Салихович Мухаметов, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, e-mail: muhametov.ru@mail.ru

Information about the author

Ruslan S. Mukhametov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sciences, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, e-mail: muhametov.ru@mail.ru

---

БЫЛ ЛИ МАРКС НЕ ПОНЯТ?

Рецензия на книгу: Кондрашов, П.Н. Девять мифов о философии Карла Маркса. М.: ЛЕНАНД, 2023. 248 с.

Дмитрий Александрович Давыдов,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
davydovdmitriy90@gmail.com

Получена 10.10.2023.

Поступила после рецензирования 21.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Давыдов Д. А. Был ли Маркс не понят? // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 208–224. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_208

Аннотация

В статье поднимается вопрос, являются ли неверные трактовки философии К. Маркса (мифы) главной причиной краха СССР и других социалистических проектов. С этой целью изучается книга П. Н. Кондрашова «Девять мифов о философии Карла Маркса: От демифологизации к реконструкции изначальных идей». Представляется, что один из посылов автора данной книги – раскрыть истинные гуманистические воззрения Маркса, наполненные «философско-антропологическим» и «экзистенциальным» содержанием, отделить их от ложных, «негуманистических» интерпретаций. В статье оспаривается такая стратегия «демифологизации». П. Н. Кондрашов сам создает мифы о тотальном «непонимании» Маркса советскими и некоторыми зарубежными философами, игнорируя советский гуманизм, представляя очень многих авторов «даже не читавшими» трудов классика. Показывается, что главные проблемы, связанные с реконструкцией философии Маркса, обусловлены ее внутренней противоречивостью и незавершенностью, а не «мифами». Маркса можно читать и как гуманиста, и как философа, взгляды которого оправдывают на-

© Давыдов Д. А., 2024

силie и «воспитательный» авторитаризм. Некоторые «мифы» о философии Маркса (Маркс – прометеанский мыслитель; материализм Маркса – апология бездуховности) являются полумифами, так как немецкий мыслитель не имел четко выраженной позиции по ряду вопросов (например, его неоднозначное отношение к природе). Для многих людей его взгляды попросту неубедительны (например, для тех, кто не приемлет материалистической картины мира как таковой). Делается вывод, что книга П. Н. Кондрашова примечательна не столько «демифологизацией» философии Маркса, сколько специфическим авторским прочтением, которое, несмотря на аргументированность, остается субъективным.

Ключевые слова:

марксизм, социализм, коммунизм, гуманизм, философская антропология, материалистическое понимание истории, исторический материализм, диалектический материализм

UDC 141.82

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_208

WAS MARX REALLY MISUNDERSTOOD?

Book review: Kondrashov, P. N. *Nine myths about the philosophy of Karl Marx* [Nine myths about the philosophy of Karl Marx: From demythologization to reconstruction of original ideas]. Moscow: LENAND, 2023. 248 p.

Dmitriy A. Davydov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
davydovdmitriy90@gmail.com

Received 10.10.2023.

Revised 21.11.2023.

Accepted 25.12.2023.

For citation: Davydov, D. A. (2024). Was Marx really misunderstood? *Discourse-P*, 21(1), 208–224 (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_208

Abstract

The article raises an important question of whether incorrect interpretations of K. Marx's philosophy (i.e. mythologization) were the main reason for the collapse of the USSR and other socialist projects. For this purpose, a book entitled *Nine myths about the philosophy of Karl Marx: From demythologization to reconstruction of original ideas*

authored by Pyotr Kondrashov is discussed. This book under review promised to reveal authentic views of K. Marx possessing both anthropological and existential dimension, and to purge his views from false, “non-humanistic” interpretations. So this article challenges such a strategy of demythologization, as it had been introduced by P. Kondrashov, due to the author himself created several myths, having tried to prove that K. Marx “was misunderstood” by Soviet and some foreign philosophers. He appears to ignore Soviet humanism, presenting many authors as having “not even read” the works of the classic. Furthermore, the article shows that the main problems associated with the attempts to reconstruct the entire K. Marx’s philosophy originate from internal inconsistency and incompleteness of his philosophy, and not exactly from “myths” created around it. K. Marx can be interpreted both as a humanist and as a non-humanist, whose views justified violence and educational authoritarianism. There are several “myths” around Marx’s philosophy, such as “Marx is a Promethean thinker”, or “Marx’s materialism is an apology for lack of spirituality” that appear to be semi-myths, since the German thinker did not have a clearly defined position on a number of issues, e.g. he was rather ambiguous concerning the issue of nature. For many people, Marx’s views seem to be simply unacceptable (e.g., for those who are far from sharing the materialistic conception of the world as such). Finally, it should be noted that the book under review presents not so much a demythologization of K. Marx’s philosophy, as it had been announced, but P. Kondrashov’s conception of Marx’s ideas, which, despite all the arguments provided, remains personal.

Keywords:

Marxism, socialism, communism, humanism, philosophical anthropology, materialist conception of history, historical materialism, dialectical materialism

---

Введение

В последние годы исследователи все чаще говорят о реактуализации марксизма. Учение К. Маркса и идея социализма/коммунизма вновь становятся популярными в контексте растущего социально-экономического неравенства в развитых странах. Но как быть с негативным бэкграундом, связанным с провалившимися экспериментами «реального социализма»? Одна из стратегий исторического оправдания философии Маркса заключается в том, чтобы попытаться разорвать ассоциации между теорией и практикой марксизма, а если быть точнее – между философией Маркса и тем, как ее понимали и претворяли в жизнь. Иногда выдвигается тезис, согласно которому истинного Маркса «строители коммунизма» не понимали. Если правильно реконструировать «подлинные» взгляды классика, то явными станут радикальные ошибки политиков и идеологов прошлого. Нам представляется, что таково намерение уральского философа и известного специалиста по философии Маркса П. Н. Кондрашова, недавно опубликовавшего книгу «Девять мифов о философии Карла Маркса: От демифологизации к реконструкции изначальных идей» (2023). Хотя книга не позиционируется как претендующая на глобальные выводы, осмелимся

предположить (таково наше прочтение!), что изначальная задумка ее автора заключалась как раз в том, чтобы путем разоблачения мифов о философии Маркса показать – марксизм небезнадежен, за ним будущее, верно понятый Маркс укажет на истинный путь к коммунистическому обществу¹. В конце концов, во введении к книге написано, что в «СССР, соцстранах и на Западе не читали и не изучали Маркса-Энгельса» (с. 21). Действительно, если Маркса и Энгельса основательно не читали и не изучали, то есть ограничивались «сборниками цитат» (с. 22); если «более-менее адекватное изучение текстов основоположников началось только в середине 50-х гг. XX века, но практически сразу же ушло в небытие» (с. 22), то резонно предположить, что такое «невежество» могло быть одной из причин «искажения» идеи коммунизма и последующего краха СССР. Далее мы посмотрим, насколько хорошо получилось П. Н. Кондрашову разоблачить основные мифы о философии Маркса, а также ответим на вопрос: *действительно ли основная проблема философии Маркса в том, что ее не понимали?*

Общие замечания

Если вычленить самый главный посыл книги П. Н. Кондрашова, то он заключается в следующем: все реально существовавшие попытки построить социализм опирались на неправильное понимание философии Маркса. Оно неправильно, так как представляло собой восприятие исторического процесса как строго детерминированного, рассматривало революцию как жестокое восстание масс, а рабочих как безликих «винтиков» в бездушной системе (и их жизнь как исключительно заводскую, промышленную). За всем этим якобы терялся Маркс-гуманист, для которого человек есть «страдающее, вовлеченное-в-бытие, неравнодушное существо» (с. 181). Иными словами, политики, идеологи и философы теряли из виду экзистенциальные и философско-антропологические аспекты философии классика. В книге разоблачаются следующие «мифы» о философии Маркса: «у Маркса нет своей собственной философии» (с. 48–61); «философия Маркса состоит из диамата и истмата» (с. 62–78); «философские идеи К. Маркса и Ф. Энгельса – это идейный монолит» (с. 77–88); «материализм К. Маркса – апология брюхонабивательства» (с. 89–104); «миф о “двух Марксах”» (с. 105–113); «в философии К. Маркса нет философской антропологии» (с. 114–161); «в философии К. Маркса нет экзистенциальных моментов» (с. 162–186); «философия К. Маркса – махровый антигуманизм» (с. 187–214); «К. Маркс – прометеанский мыслитель» (с. 215–241). Разоблачения этих мифов сводятся к утверждению, что истинный Маркс – гуманист, ведь для него важны свобода творческой самореализации конкретных людей, а также идеал бережного отношения к природе.

Тем не менее, по мере ознакомления с книгой мы понимаем, что автор сам представляет не иначе как свою собственную интерпретацию философии Маркса, а не разоблачение мифов о ней. Поясним. На наш взгляд, разоблачение

¹ Как говорится, «иначе зачем все это?»

мифов о некоем учении должно подразумевать, что оно является завершенным, систематизированным, самождественным, исключающим двойные толкования. В идеале сам автор учения в мемуарах или каком-то другом итоговом тексте должен расставить все точки над *i*. В противном случае максимум, что мы можем сделать, это разоблачать мифы не о философии, а о конкретных трудах: говорилось ли там о чем-то или нет, вырвана ли цитата из контекста или нет. Все попытки подняться на уровень философских *взглядов* того или иного автора *во всей их совокупности*, особенно если эти взгляды находились в постоянном становлении и развитии, неизбежно приведут к искажениям, то есть к конструированию мифов. Маркс же – классический случай крайне сложного философа и исследователя, который прошел долгий путь становления (от его юношеских «сатанинских»² стихов до «Капитала»), менял взгляды, постоянно развивал свои теоретические построения и так и не закончил работать над своим главным трудом (и при этом имел еще много других задумок «на будущее»).

Поэтому в самом начале книги П. Н. Кондрашова есть место, после прочтения которого можно было бы усомниться в последующем ее «демифологизаторском» пафосе. Петр Николаевич пишет, что «Маркс так и не оставил четко и ясно изложенной философской системы» (с. 55), свои философские идеи он «выражал не в систематической форме, подобно Аристотелю, св. Фоме Аквинскому, Спинозе или Гегелю, а в виде отдельных положений (которые большей частью встречаются в его рукописях, письмах, заметках, а в опубликованных работах – в виде отдельных фраз и замечаний)...» (с. 55). Но уже через три страницы мы встречаем следующее предложение: «с нашей же точки зрения, философия К. Маркса, несмотря на свою имплицитность, – это целостная философская система, представляющая собой философию человеческой жизни, фундированную в понимании праксиса как сущности человеческой жизни и способа бытия человека-в-мире, как конкретно-исторического производства и воспроизводства» (с. 59). Иными словами, никакой целостной философии Маркс после себя не оставил, она лишь *эксплицирована* П. Н. Кондрашовым, то есть собрана буквально по кусочкам из разных мест, из произведений, написанных в разное время. Возникает закономерный вопрос: как могут существовать мифы о философии Маркса, если последняя существует лишь в виде авторских экспликаций? Нас же сразу должна насторожить сама идея «экспликации», ведь при таком раскладе велик соблазн спутать демифологизацию с *интерпретацией*.

Итак, наша задача проверить, действительно ли *практики-марксисты* прошлого не понимали Маркса, то есть правда ли, что их представления о Марксе были мифологическими.

В СССР гуманизма не было?

Один из первых разоблачаемых в книге мифов заключается в том, что у Маркса нет философии. Действительно, если раньше учение Маркса огрубляли,

² См., например, драму «Оуланем» (1839 г.).

то, скорее всего, из-за философской нечуткости. Маркс, дескать, воспринимался исключительно как сухой ученый, изучавший объективное движение истории, но никак не конкретные проблемы конкретных людей. Но здесь же мы находим стиль, свойственный всей анализируемой монографии: обвиняя своих оппонентов в искажении смыслов, вырывании из контекста, П. Н. Кондрашов сам иногда вырывает цитаты из контекста, искажает смыслы и попадает в когнитивные ловушки. В некоторых местах мы можем заподозрить применение автором рассматриваемой книги известного приема «соломенное чучело», когда величина аргументов оппонентов заведомо преувеличивается, чтобы потом их «разоблачение» выглядело более эффективным. Параграф о мифе об отсутствии у Маркса своей философии – одно из подобных мест. К примеру, П. Н. Кондрашов приводит следующую цитату В. И. Ленина о якобы отрицании философии Марксом и Энгельсом: «С точки зрения Маркса и Энгельса философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между отдельными отраслями положительной науки» (Ленин, 1955, с. 438). Но мы видим, что цитата вырвана из контекста, а Ленин не говорит, что философия Марксом отрицалась. Вот полный фрагмент: «Перейдем теперь к тем заявлениям автора по поводу марксизма, которые вызывают критику. “Мы не можем не признать, – говорит г. Струве, – что чисто философское обоснование этого учения еще не дано, и что оно еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, пересмотр фактов с точки зрения новой теории; нужна критика теории на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены”. Не совсем ясно, что понимает автор под “чисто философским обоснованием”? С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки. Таким образом, под философским обоснованием можно разуметь или сопоставление посылок ее с твердо установленными законами других наук [и г. Струве сам признал, что уже психология дает положения, заставляющие отказаться от субъективизма и принять материализм], или опыт применения этой теории”» (Ленин, 1955, с. 438). Ленин не пишет, что философия не нужна. Он лишь замечает, что она должна свои выводы сопоставлять с выводами и материалами естественных наук.

Далее мы находим более странные аргументы. Так, существование мифа об отсутствии у Маркса философии подкрепляется указанием на то, что в энциклопедии *Concise Encyclopedia of Economics* «за Марксом отрицается право быть философом» (с. 57). На естественно возникающий вопрос, почему в экономической энциклопедии должно быть о философии Маркса, читатель не получает ответа. Дальше следуют ссылки на словари. Так, в «Кратком философском словаре» 1939 г. отсутствует статья о Марксе (с. 58). Но это вполне объяснимо, так как практически весь словарь пронизан ссылками на Маркса. В стране, где марксизм стал фактически официальной идеологией и где сама философия стала ассоциироваться с именем Маркса, было бы странно уделять философии Маркса лишь одну словарную статью: весь словарь, по сути, о Марксе (правда, также

и об Энгельсе, Ленине и Сталине). Причем сам П. Н. Кондрашов тремя строками ниже пишет, что во второй половине XX в. отдельные статьи появляются, хотя это тоже его не удовлетворяет: «в них, к сожалению и удивлению, мы не находим почти никакой информации о собственно философских идеях классика» (с. 58). Но они там имеются в отдельных статьях. То, что мы не найдем там «экзистенциальных» и «философско-антропологических» аспектов философии К. Маркса, не должно удивлять, ведь, как известно, изучение (поиск?) данных аспектов философии К. Маркса – это дело интерпретативных практик самого П. Н. Кондрашова (см.: Кондрашов, 2019). Зато в том же словаре М. Розенталя и П. Юдина (1955 г.) можно найти как статьи, посвященные отдельным философским работам Маркса (вроде «Нищеты философии» или «Святого семейства»), так и статьи, нацеленные на освещение различных аспектов философии классиков: «Гуманизм», «Диалектика», «Диалектический материализм», «Исторический материализм» «Марксистский диалектический метод», «Марксистский философский материализм», «Мораль, нравственность» и др.

Да, здесь читателя могут смутить диамат и истмат. Тем более и сам П. Н. Кондрашов считает, что диамат и истмат «никакого отношения» к Марксу не имели, являлись мифологическими конструкциями: в качестве структурных элементов немецкого мыслителя предлагали нечто, что никак не может быть обнаружено именно в *его текстах* или из них дедуцировано. Однако вряд ли мы в трудах Маркса и Энгельса найдем нечто *радикально противоречащее* диамату и истмату. Также советские философы никогда не говорили, что реконструируют исключительно философию *Маркса*. Для них ключевой была формулировка «марксизм-ленинизм», то есть речь изначально шла именно о получившей серьезное развитие философии Маркса. Поэтому указания в духе «у Маркса не было никакой пятичленки», вряд ли выглядят убедительно, если мы пытаемся разобраться в эволюции советского марксизма. Диамат и истмат всегда были соответствующими интерпретациями-адаптациями Маркса, и это никогда не скрывалось. Но, опять же подчеркнем, эти адаптации чисто концептуально не сильно расходились с трудами классиков. По крайней мере, не сильнее, чем сами труды классиков расходились между собой (например, труды раннего и позднего Маркса). Собственно, П. Н. Кондрашов так и не приводит каких-либо серьезных расхождений. Единственное, на что он указывает, это на якобы жесткий детерминизм советской философии: диамат де рассматривался как наука о наиболее общих законах бытия. Как он утверждает, у Маркса, «каждый крупный исторический период имеет свои законы» (с. 71). Но здесь очевидная логическая ошибка: утверждение о выявлении наиболее *общих законов* развития не противоречит выявлению *частных* законов конкретных этапов исторического развития. Советские философы не оспаривали существование частных законов, скажем, капитализма. П. Н. Кондрашов резюмирует тезис о «немарксистском» характере диамата/истмата следующим образом: «у Маркса мы *не находим* ни диалектического материализма, ни исторического материализма. У него, если уж на то пошло, имеется *материалистическая диалектика* и *материалистическое понимание истории*» (с. 74). Только ни на какую принципиальную разницу

между материалистической диалектикой / материалистическим пониманием истории и ключевыми положениями диамата/истмата автор так и не указывает, кроме того, что первые подразумевают именно метод (с. 74). Но и диамат/истмат тоже представляли собой прежде всего методологии, общие принципы осмысления мира. На наш взгляд, сам П. Н. Кондрашов подвергает советскую философию (даже эпохи И. В. Сталина) вульгаризации. В частности, можно усомниться в том, что советские философы были жесткими детерминистами. Так, в уже упомянутом словаре Розенталя и Юдина говорится следующее: «показывая объективный характер законов природы и общества, марксизм не снижает тем самым роли сознательной активной деятельности партий, классов, отдельных лиц. Люди не бессильны перед лицом законов, как это изображают вульгаризаторы и противники марксизма»³.

Акцент П. Н. Кондрашова на гуманистических идеях раннего Маркса свидетельствует о том, что сам автор рассматриваемой книги воспринимает труды классика через свои личные концептуальные линзы. Он выражает убежденность в непрерывности развития идей Маркса: якобы ключевые философские концепты вроде «отчуждения» или «родовой сущности» человека, изложенные «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», оставались актуальными и в эпоху «Капитала». Соответственно, советская философия представляется им игнорирующей человека как «страдающего, равнодушного существа». И действительно, советская философия, особенно сталинской эпохи, не включала в себя то, что П. Н. Кондрашов называет «экзистенциально-антропологическими» компонентами. Но это также вполне объяснимо... идеями Маркса. Дело в том, что отрицаемый П. Н. Кондрашовым «эпистемологический разрыв» вовсе не подразумевал отказ от гуманистического мировоззрения. Поздние Маркс и Энгельс, а вслед за ними и советские философы, просто не считали гуманистические идеалы эвристически пригодными для научного предсказания коммунистической революции. Не какой-то абстрактный идеал человека, сообразно которому некие философы выстраивают свои утопии, а *объективные закономерности* должны были привести к новой стадии развития общества или создать соответствующие предпосылки. Заметим, П. Н. Кондрашов не приводит убедительных аргументов в пользу тезиса о «едином» Марксе. Вместо того, чтобы показать, насколько творчество «зрелого» Маркса наполнено «экзистенциально-антропологическими» элементами, он начинает активно цитировать именно *раннего* Маркса и западных марксистов вроде Э. Фромма (с. 121–161). Мы находим лишь несколько ссылок на «Капитал»⁴ или на «Grundrisse», но они оказываются вполне сводимыми к привычным экономическим категориям вроде «потребностей» или «практики» (Петр Николаевич почему-то придает специфический «антропологический» смысл категории «праксис», хотя про «практику» советские философы писали много,

³ Розенталь, М., Юдин, П. (Ред.). (1955). *Краткий философский словарь* (4-е изд.). Москва: Госполитиздат. С. 142.

⁴ «Ведь такие понятия, как рабочая сила, живой труд, рабочий и т.д. – это как раз именно человек» (с. 123). Здесь можно только ответить: разумеется, человек, а не инопланетянин.

и их трактовки мало отличались от того, что пишет уральский философ – см., например, статью в БСЭ⁵).

Вообще вся «философская антропология» Маркса в интерпретации П. Н. Кондрашова выглядит следующим образом: сущность человека, по Марксу, – это практика. Стало быть, у Маркса была своя философская антропология. Понятно, что в книге это высказано более сложным языком и наполнено деталями, но суть именно такова. В данном случае неясна философская компонента сей «философской антропологии». Если сущность человека – менять себя и свою природу в результате практической деятельности, то мы ничего не говорим о сущности человека. Чтобы ее «уточнить», нужно погружаться в ансамбль общественных отношений, но для этого уже никакая именно философская антропология не нужна.

Вопросы вызывают и представления об «экзистенциальных» компонентах философии Маркса. Из книги П. Н. Кондрашова мы вряд ли узнаем много нового о сущности человека, кроме того, что он есть «страдающее», «неравнодушное» существо (взято из «Экономическо-философских рукописей 1844 г.»). Но это бесспорно. Было бы странным, если бы человек был, скажем, индифферентным, равнодушным существом. Некоторые якобы «экзистенциальные» моменты являются пересказом простых истин сложным философским языком. П. Н. Кондрашов пишет: «*страдание*, как оно здесь понимается у Маркса, – это *чувство, обусловленное наличием потребностей*» (с. 131). Почему тогда не говорить просто о *потребностях*? Другой пример: «так, в “Немецкой идеологии” Маркс и Энгельс прямо заявляют, что их “действительные предпосылки” – “живые конкретные индивиды”, “действительно деятельные люди”, из реального *жизненного* процесса и непосредственного образа *жизни* которых необходимо объяснить возникновение, развитие и функционирование государства, социальных институтов, формы семьи, гражданского общества и сознания» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 131). П. Н. Кондрашов здесь подчеркивает слова «жизненного», «жизни». Но совершенно очевидно, что речь никогда не шла о мертвых людях. Добавляя больше эмоционального контраста к очевидным истинам, мы не делаем философию более «экзистенциальной». Но, что примечательно, вновь мы не видим каких-либо радикальных, разительных отличий того, о чем пишет П. Н. Кондрашов, от того, о чем писали и в чем отдавали себе отчет советские философы и идеологи, особенно если убрать сложные концептуальные построения и свести дискурс к простым формулировкам. Подчеркнем, и для классиков марксизма, и для советских философов основной причиной коммунистической революции должно было быть вовсе не понимание философами «страданий» людей как «неравнодушных существ», а глубокий кризис капитализма и противоречие между частными формами присвоения и общественным характером производства (см., напр.: Энгельс, 1947). Советская же философия позиционировалась именно как на-

⁵ Практика. Большая советская энциклопедия (БСЭ). Взято 04 октября 2023, с <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/13604/praktika.htm>

учная дисциплина (к слову, и Л. Альтюссер⁶, которого автор книги также критикует, исходил из подобной логики), а то, что П. Н. Кондрашов подразумевает под экзистенциально-антропологическими размышлениями о бытии, страдании, человечности, равнодушии, высоких идеалах и т.д., выносилось советскими философами за скобки: это дело не науки, а культуры, искусства, поэзии.

Тем не менее, несмотря на всю «сухость» советской философии, никто там (как минимум, на словах) не отрицал человека, человечность и гуманизм. Можно вспомнить, к примеру, А. В. Луначарского с его «богостроительством». Выражаясь терминами Кондрашова, философия Луначарского проникнута многими «экзистенциальными» компонентами. И он, разумеется, не игнорирует и не отрицает философию Маркса: «философская мысль Маркса отнюдь не погибла бесследно. Ее элементы вкраплены во все произведения и в самую сущность учения Маркса и сверкают там, как бесценные бриллианты в массиве из чистого золота» (Луначарский, 1925б). Очень не похоже, чтобы он игнорировал человека: «жажда жизни, лежащая в основе труда, естественным выражением своим имеет идеал экономического могущества человека. Нераздельная жажда жизни и жажда свободы (то и другое, в сущности, совпадает) может найти свое законченное выражение лишь в идеале совершенной целостности и внутреннего единства настоящего субъекта общественного бытия – коллектива» (Луначарский, 1925б). В книге «Мораль с марксистской точки зрения» (1925 г.) Луначарский подчеркивает, что «человек имеет право на наслаждение, человек должен быть счастливым» (Луначарский, 1925а, с. 30). Там же он рассуждает о самых обычных людях и их счастье, семье, о равенстве между мужчинами и женщинами и т.д. (Заметим, «миф» об обобществлении жен при коммунизме всегда был из разряда не воспринимаемых всерьез советскими философами.) Нечто похожее можно сказать и о возвышенных идеалах А. А. Богданова, автора одной из самых ярких, проникнутых человеколюбием утопий – «Красная звезда»⁷. Известный идеолог пролеткульта также являлся ярким критиком казарменного коммунизма и вообще многих не самых благовидных практик большевиков. В «Письме Луначарскому» (1917 г.) Богданов пишет: «Это пролетарий? Нет, это грубый солдат, который целуетя с товарищем по казарме, пока пьют вместе денатурат, а чуть несогласие – матерщина и штык в живот. Я в такой атмосфере жить и работать не смог бы. Для меня товарищеские отношения – принцип новой культуры»⁸.

⁶ Он настаивал, что речь идет не о презрении к человеку, а о необходимости теоретического абстрагирования от конкретных индивидов в научном исследовании (Некман, 1983).

⁷ Богданов, А. А. (1990). Красная звезда. В А. А. Богданов, *Вопросы социализма: Работы разных лет* (с. 104–203). Москва: Политиздат. Оригинальная работа опубликована в 1908 г.

⁸ Богданов, А. А. (1990). Письмо Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 г. В А. А. Богданов, *Вопросы социализма: Работы разных лет* (с. 352–355). Москва: Политиздат. С. 354. Оригинальная работа опубликована в 1917 г.

Конечно, взгляды Луначарского и Богданова были для советской власти, особенно в эпоху правления И. В. Сталина, почти маргинальными, а иногда и порицаемыми. Но у идеологов сталинской эпохи не было никакого «отсутствия» человека, «железобетонного» экономического детерминизма и чего-то в этом духе. В «Теории исторического материализма» Н. И. Бухарина отмечается следующая черта коммунизма: он отличается «от первобытно-коммунистической орды тем, что это будет общество высоко-культурных людей, осознающих себя и других; от классовых форм – тем, что впервые создадутся условия для человеческого существования не только отдельных групп, но и всей массы людей, массы, которая перестает быть массой, а становится единым гармонично построенным человеческим обществом»⁹. В «Кратком учебнике исторического материализма» Б. Фингерта и М. Ширвиндта читаем следующее: «теория исторического материализма не отрицает роли личности в истории, причем не только так называемой *великой личности*, но и *любой личности*, ибо она исходит из того, что люди сами делают свою историю; она только отрицает *произвол личности*, она не считает возможным для личности придать *любое*, желательное ей, направление ходу событий»¹⁰. А. М. Деборин в книге «Карл Маркс и современность» пишет, что при коммунизме «борьба за существование отдельных личностей друг с другом прекратится, и это уже будет означать выделение человека из царства животных, из животных условий существования к *человеческим* условиям существования»¹¹. Как отмечает М. Б. Митин в книге «Боевые вопросы материалистической диалектики», коммунизм является «началом новой великой эпохи возрождения человека», он подразумевает «подъем и возрождение личности не в противоречии с широкими массами, а наоборот – он означает подъем всей массы»¹².

С приходом к власти Н. С. Хрущева вовсе наблюдался самый настоящий гуманистический бум. Все больше и больше книг, издававшихся «Госполитиздатом», посвящались таким темам, как человек будущего, мораль, счастье и благополучие, вопросы этики и эстетики. К примеру, М. И. Лифанов в книге «О быте при коммунизме» рисует образы возвышенного коммунистического будущего, которое вот-вот уже наступит. Если вновь обратиться к терминологии П. Н. Кондрашова, то М. И. Лифанов «отталкивается» от человека, рисуя город будущего: «все в этом городе создано человеком и для человека»; «необходимы социальные изменения, чтобы каждый человек имел достаточно свободного времени для своего развития и культурного образа жизни» (Лифанов,

⁹ Бухарин, Н. И. (1928). *Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии* (5-е изд.). Москва; Ленинград: Гос. изд-во. С. 355.

¹⁰ Фингерт, Б., Ширвиндт, М. (1930). *Краткий учебник исторического материализма*. Ленинград: Прибой. С. 122.

¹¹ Деборин, М. (1933). *Карл Маркс и современность*. Москва; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. С. 6.

¹² Митин, М. (1936). *Боевые вопросы материалистической диалектики*. Партиздат ЦК ВКП(б). С. 282.

1961, с. 16). Активно развивалась и коммунистическая поэзия, воспеваящая Человека:

Так стою:
Прекрасный, мудрый, твердый, Мускулистый, плечистый.
От земли вырастаю до самого солнца
И бросаю на землю Улыбки солнца.
На восток, на запад,
На север, на юг.
Так стою:
Я, человек,
Я, коммунист.

Э. Межелайтис. «Человек».

В сборнике «Прекрасное и жизнь» собрано множество цитат, где утверждается вера в красоту и величие человека. Здесь и цитата Л. Леонова о том, что «коммунизм, кроме всего прочего, есть совершенная красота во всем» (Глебова, 1962, с. 9), и выдержки из речей партийных деятелей, писателей, поэтов, наполненных «экзистенциальным» содержанием. Например, цитата М. Горького: «Я знаю, что такое труд: это источник всех радостей, всего лучшего в мире. И никогда за всю историю человечества, никогда человеческие ум и воля не взлетали так высоко, как теперь у нас» (Глебова, 1962, с. 26). Есть, кстати, в данном сборнике и цитата из «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», на которую ссылается П. Н. Кондрашов, характеризуя «философскую антропологию» Маркса: «животное творитсообразно мере потребности вида, к которому оно принадлежит, в то время как человек умеет производить в соответствии с мерой каждого вида и всегда умеет подойти к предмету с подходящей мерой; человек творит поэтому по законам красоты» (Глебова, 1962, с. 18).

По пальцам пересчитать подобные книги не удастся. Вот лишь несколько примеров: Е. В. Кононенко «О красоте душевной» (1959 г.), В. В. Колбановский «Самая человеческая» (1959 г., речь в ней идет о коммунистической морали), С. Смоляницкий «Добрые спутники» (1961 г.), А. Белик «Искусство – человеку» (1961 г.), В. Иванов, Н. Рыбакова «Что такое этика» (1963 г.), «Личность и коммунизм» (1964 г.) и многое другое. Заметим, что никаких бездушных «винтиков» и чего-то даже приблизительно подобного мы не увидим в послесталинском советском гуманизме. Более того, в 1957 г. «Издательство иностранной литературы» публикует книгу Р. Гароди «Марксистский гуманизм» (Гароди, 1959), где все основы гуманизма раннего Маркса излагались в доступной форме сильно задолго до того, как это сделал П. Н. Кондрашов, но при этом без семантически перегруженной и неоднозначной терминологии вроде той, что подчеркивает «экзистенциально-антропологические» аспекты философии Маркса.

На самом деле, чем ближе к краху СССР, тем больше гуманизма и различных «экзистенциально-антропологических» тональностей наблюдалось в советской философии. По одной из точек зрения, СССР, грубо говоря, «захлебнулся» в собственном гуманизме: «страдающий» и «неравнодушный»

человек стал все больше и больше «страдать» исключительно по своим личным проблемам и «неравнодушным» был исключительно к своему кругу друзей и родственников. Поэтому «слишком человечный» (точнее, испутивший дух коллективизма) СССР быстро переродился в общество индивидуалистов, где какое-то время комфортно себя чувствовали различные мафиозные объединения друзей, скрепленные «этикой добродетелей» (Фишман, 2022). Схожие процессы происходили в западном марксизме, который пошел по пути преимущественно «гуманистического» прочтения трудов К. Маркса. Там мейнстримный марксизм утратил сначала свою связь с рабочим классом и идеей пролетарской революции, а впоследствии (в форме уже *постмарксизма*) стал основой для политики идентичности, раскалывающей общество на различные враждующие друг с другом «культурные» группы (Chibber, 2022).

Заключение. Глубокая антиномичность философии К. Маркса

Остался только последний закономерный вопрос: если в СССР гуманизм был, а П. Н. Кондрашов скорее сам создает миф о тотальном непонимании трудов Маркса, то откуда могли взяться все ужасы и негативные явления, связанные с конкретной политической практикой советских времен (от ГУЛАГа до политического «застоя»)? Думается, многое здесь объяснимо вовсе не отсутствием гуманизма в советской философии. Тут многое можно связать как раз гуманизмом и все теми же «экзистенциально-антропологическими» аспектами философии Маркса. Обратим внимание: идея революции рабочего класса выводилась классиками из фактически *скотского* состояния рабочих, которые должны были преодолеть всю бесчеловечность своего бытия¹³. П. Н. Кондрашов сам попадает в данную ловушку, когда говорит о *неподлинном бытии* в условиях капитализма: «все эти формы отчуждения завершаются в отчуждении *экзистенциальном*, которое обнаруживает себя в “гнусном самоотчуждении”, когда человеческое существо чувствует себя *товаром, мертвой вещью*, в своей *самоутрате*, т.е. в своей *бесчеловечности*» (с. 185). Но как привести людей, погрязших в товарном фетишизме, *бесчеловечных* людей к светлому коммунистическому будущему всеобщих братства, любви и равенства? Это огромная зияющая брешь в теории Маркса, революционный субъект которого разительно отличался от человека коммунистического будущего. Именно отсюда появились оправдания для тех, кто осуществлял «диктатуру пролетариата»: если люди в массе своей еще не «доросли» до коммунизма, то их сле-

¹³ Рабочий «не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий, не уничтожив всех бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 40).

¹⁴ Г. Е. Глезерман: «конечно, переделывать сознание масс, выросших в условиях старого строя и не свободных от пережитков прошлого, дело несравненно более трудное, чем подобрать и поместить в фаланстеры, в своего рода теплицы несколько десятков или сотен особо добродетельных людей. Но, как разъяснил еще в первые годы революции В. И. Ленин, в этом не только трудность строительства коммунизма, а еще и гарантия его реальности. Социализм начинают строить люди, испорченные веками раздробленного

дует правильным образом «воспитать»¹⁴. К тому же на данном пути постоянно возникают контрреволюционные тенденции. Коммунизм подразумевает долгий первоначальный этап социализма, когда для царства свободы создаются лишь предпосылки. Пока не исчезнет труд, диктуемый нуждой и внешней целесообразностью, пока не будет достигнуто реальное изобилие, человеческие лишения можно оправдывать движением к «светлому будущему». Иными словами, идея отчуждения, характерная для Маркса-гуманиста, может служить как основанием для человеколюбия, так и для тотального неверия в способность людей достичь свободы своими собственными силами.

Философия Маркса вообще полна противоречий и неясных моментов. Поэтому в очень многих «мифах» о философии Маркса есть только доля мифического. К примеру, П. Н. Кондрашов пытается разоблачить миф о об отсутствии «духовности» в философии К. Маркса, ссылаясь на критику марксизма богословами (В. В. Аксюциц) или на публицистические заметки диссидентов и либералов (В. Афанасьева, И. Р. Шафаревич). Но для тех же богословов или русских религиозных философов «бездуховность» Маркса заключалась не в отрицании духовного как такового. Она заключалась в материализме. Человек Маркса не просто не хочет жить в будущем (а хочет здесь и сейчас), он *вынужден* жить здесь и сейчас. Вообще материализм, отрицающий существование жизни после смерти, является очень серьезным экзистенциальным «ударом под дых» для человека. Если все конечно, если мир бретен, если, как говорится, «все тлен», то какими бы возвышенными коммунистические идеалы ни были, очень многими эти идеалы воспринимаются лишь как иллюзорное бессмысленное копование среди вселенской пыли, обреченное на финальное небытие. Принятие материалистической картины мира может быть причиной духовного «ступора». Именно поэтому, как показал Ч. Тейлор, люди не спешат избавляться от веры в нечто трансцендентное, хотя и все реже идентифицируют себя с традиционными религиями (Тейлор, 2017).

Полумифическим является и взгляд на Маркса как «прометеанского» мыслителя, якобы выступавшего за «господство» над природой ради прогресса человечества. Да, в последней главе рассматриваемой книги (с. 215–241) П. Н. Кондрашов верно указывает на то, что поздний Маркс изучал проблему взаимосвязи человека и природы, в том числе писал о разрушении биохимического равновесия из-за того, что продукты, выращенные на земле, потребляются в городах, то есть они не попадают обратно в землю и не превращаются в полезные питательные вещества (истощение почв). Из его «экологических» черновиков некоторые современные философы даже построили свою «зеленую» идеологию дероста, согласно которой социалистическое общество должно быть совокупностью экопоселений, а экономический рост нужно как можно быстрее замедлить (Saito, 2023). Разумеется, это лишь интерпретация, причем

хозяйничанья, придавленные капиталистической эксплуатацией и в то же время закаленные борьбой против нее. Поэтому нет надобности откладывать строительство социализма до того времени, пока появятся особо добродетельные и культурные люди, к чему, по сути, призывают реформисты» (Глезерман, 1967, с. 207).

тенденциозная. Сам же П. Н. Кондрашов приводит цитаты, знакомясь с которыми мы не можем сделать однозначного вывода о том, какова была финальная точка зрения Маркса. Если борьба против «царства необходимости» упирается в экологический потолок, то каков коммунистический идеал? Сегодня же, как показывают многие исследования, невозможно накормить и избавить от нужды в самых базовых материальных благах все человечество, если эмиссию CO₂ не продолжить (Smil, 2022). Человечеству придется делать не один крайне сложный выбор. Искромная жизнь обитателей небольших анархических экопоселений, отказавшихся почти от всех благ цивилизации ради «биологического разнообразия», является лишь одной из возможных перспектив. Если подойти ко всему этому с другой стороны, то, возможно, нам нужно еще очень много прометеанства, чтобы избавить людей от страданий и нужды в самом элементарном.

Так или иначе, нам не хотелось бы делать вывод, что задумка П. Н. Кондрашова совсем не удалась. В конце концов, наше прочтение его книги тоже может оказаться лишь специфической интерпретацией. Сама книга является крайне интересной, познавательной и научно значимой. Но читать ее стоит не столько как попытку разоблачить мифы о философии Маркса, сколько как крайне интересную авторскую *интерпретацию*. Петр Николаевич представил нам Маркса как очень глубокого философа. И если есть в России исследователь, который выразил всю экзистенциальную (эмоциональную) глубину философии великого классика, ее человечность, то это именно П. Н. Кондрашов. Однако попытки снять ответственность с Маркса путем указания на множество мифов о его философии мало что дадут для решения проблем, вставших перед современным марксизмом и шире – левым движением. Скорее, не помешало бы принять Маркса таким, каким он был на самом деле: сложным, постепенно менявшим свои взгляды, допустившим очень много ошибок, сформулировавшим ряд неверных предсказаний, так и не разрешившим некоторых противоречий собственных воззрений. Признав это, можно двигаться дальше. Но уже за пределы самого Маркса.

Список литературы

1. Гароди, Р. (1959). *Марксистский гуманизм*. Москва: Издательство иностранной литературы. Оригинальная работа опубликована в 1957 г.
2. Глебова, Л. (Ред.). (1962). *Прекрасное и жизнь*. Москва: Политиздат.
3. Глезерман, Г. Е. (1967). *Исторический материализм и развитие социалистического общества*. Москва: Политиздат.
4. Кондрашов, П. Н. (2019). *Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты*. Москва: Ленанд, 2019.
5. Кондрашов, П. Н. (2023). *Девять мифов о философии Карла Маркса: От демифологизации к реконструкции изначальных идей*. Москва: Ленанд.
6. Ленин, В. И. (1955). Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. В В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений* (Т. 1,

- с. 347–534). Москва: Политиздат. Оригинальная работа опубликована в 1895 г.
7. Лифанов, М. И. (1961). *О быте при коммунизме*. Москва: Политиздат.
  8. Луначарский, А. В. (1925а). *Мораль с марксистской точки зрения*. Москва: Пролетарий.
  9. Луначарский, А. В. (1925б). *От Спинозы до Маркса*. Взято 04 октября 2023, с <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ot-spinozy-do-marкса/naucnyj-socializm/>
  10. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Святое семейство. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения (2-е изд.)* (Т. 2, с. 3–230). Москва: Изд-во полит. лит. Оригинальная работа опубликована в 1844 г.
  11. Тейлор, Ч. (2017). *Секулярный век*. Москва: ББИ. Оригинальная работа опубликована в 2007 г.
  12. Фишман, Л. Г. (2022). *Эпоха добродетелей. После советской морали*. Москва: Нов. лит. обозрение.
  13. Энгельс, Ф. (1947). *Развитие социализма от утопии к науке*. Москва: Госполитиздат. Оригинальная работа опубликована в 1880 г.
  14. Chibber, V. (2022). *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
  15. Hekman, S. (1983). Beyond Humanism: Gadamer, Althusser, and the Methodology of Social Sciences. *Western Political Quarterly*, 36(1), 98–115. <https://doi.org/10.1177/106591298303600107>
  16. Saito, K. (2023). *Marx in the Anthropocene: Towards the Idea of Degrowth Communism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
  17. Smil, V. (2022). *How the World Really Works: The Science Behind How We Got Here and Where We're Going*. New York: Viking.

References

1. Chibber, V. (2022). *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
2. Engels, F. (1947). *Razvitie socializma ot utopii k nauke* [The Development of Socialism from Utopia to Science]. Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.).
3. Fishman, L. G. (2022). *E'poxa dobrodetelej. Posle sovetskoy morali* [The era of virtues. After Soviet morality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.).
4. Garaudy, R. (1959). *Marksistskij gumanizm* [Humanisme marxiste]. Moscow: Izdatel'stvo inostranoj literatury. (in Russ.).
5. Glebova, L. (Ed.). (1962). *Prekrasnoe i zhizn'* [Beauty and life]. Moscow: Politizdat. (in Russ.).
6. Glezerman, G. E. (1967). *Istoricheskij materializm i razvitie socialisticheskogo obshhestva* [Historical materialism and the development of socialist society]. Moscow: Politizdat. (in Russ.).
7. Hekman, S. (1983). Beyond Humanism: Gadamer, Althusser, and the

Methodology of Social Sciences. *Western Political Quarterly*, 36(1), 98–115. <https://doi.org/10.1177/106591298303600107>

8. Kondrashov, P.N. (2019). *Filosofiya Karla Marksa: E'kzistencial'no-antropologicheskie aspekty* [Philosophy of Karl Marx: Existential-anthropological aspects]. Moscow: Lenand, 2019. (in Russ.).

9. Kondrashov, P.N. (2023). *Devyat' mifov o filosofii Karla Marksa: Ot demifologizacii k rekonstrukcii iznachal'nyx idej* [Nine myths about the philosophy of Karl Marx: From demythologization to reconstruction of original ideas]. Moscow: Lenand. (in Russ.).

10. Lenin, V.I. (1955). E'konomicheskoe sodержanie narodnichestva i kritika ego v knige g. Struve [The Economic Content of Narodism and the Criticism of it in Mr. Struve's Book]. In V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 1, pp. 347–534). Moscow: Politizdat. (in Russ.).

11. Lifanov, M. I. (1961). *O byte pri kommunizme* [About life under communism]. Moscow: Politizdat. (in Russ.).

12. Lunacharsky, A. V. (1925). *Moral' s marksistskoj tochki zreniya* [Morality from a Marxist point of view]. Moscow: Proletarij. (in Russ.).

13. Lunacharsky, A. V. (1925). *Ot Spinozy do Marksa* [From Spinoza to Marx]. Retrieved 04 October 2023, from <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ot-spinozy-do-marksa/naucnyj-socializm/> (in Russ.).

14. Marx, K., & Engels, F. (1955). Svyatoe semejstvo [The Holy Family]. In K. Marks, & F. E'ngel's, *Sochineniya* (2nd ed.) (Vol. 2, pp. 3–230). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (in Russ.).

15. Saito, K. (2023). *Marx in the Anthropocene: Towards the Idea of Degrowth Communism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

16. Smil, V. (2022). *How the World Really Works: The Science Behind How We Got Here and Where We're Going*. New York: Viking.

17. Taylor, Ch. (2017). *Sekulyarnyj vek* [A Secular Age]. Moscow: BBI. (in Russ.).

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Давыдов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>, e-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Information about the author

Dmitry Aleksandrovich Davydov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>, e-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Для заметок

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Ми*

Series of horizontal dotted lines for writing notes.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине строки, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуючную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуючные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуючными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию,

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>). **References** (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. **Информация об авторе**
Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.
15. **Information about the author**
Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhtentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-ОЗ) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “-” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title, volume</i> (issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov